

СЕНТ-КЛЕРЪ
ОСТРОВИТЯНИНЪ.

СЕНТ-КЛЕРЪ ОСТРОВИТЯНИНЪ,

ИЛИ

ИЗГНАНИКИ

НА ОСТРОВЪ БАРРА;

Перевелъ съ Французскаго
Г. Трескинъ;

Сочиненіе Госпожи Моншолье сочини-
тельница Каролины Лихтфельдъ.

~~~~~  
. . . . . One who Brings  
A mind not to be chang'd by place or time.  
The mind is its own place, and in itself  
Can make a heav'n of hell, of heaven.

paradise lost, chan. I er.

~~~~~  
Ч А С Т Ъ І І .

—————
МОСКВА, 1817.

Въ Унивѣрситетскоѣ Типографіи.

СЕНТ-КЛЕРЪ. ОСТРОВИТЯНИНЪ.

ГЛАВА I.

Еще лежа еще спать, Амбрузина рѣшилась открыть истинну легковѣрной Брижешпль, которую прошивъ чувствъ своихъ принуждена была обмануть; но прежде обязала ее клятвою не сказывать никому о томъ, что ей будетъ ввѣрено. Когда же Брижешпа торжественно поклялась въ храненіи тайны, Амбрузина въ удивленію ея сказала, что любезный ея Вилліамъ по ея приказанію отправился за мнимыми пилигримами, коихъ имена она однакожь скрыла, для вспомошествованія ей. Она возобновила обѣщаніе о приданомъ, и приказала, будетъ ли удаченъ побѣгъ ея, или нѣтъ, оставить Лади Ро-

скелинъ , выдши за - мужъ за Билліама и уѣхашь непременно въ Замокъ Киншаль ; дала своеручное повелѣніе къ управителю онаго , чшобъ онъ принялъ ихъ лучшимъ образомъ , и выдала денегъ для пухевыхъ издержекъ ; попомъ , опложивши нѣскольго драгоцѣнныхъ вещей , кои намѣревалась взять съ собою , легла въ постелю , приказавши Брижептѣ лечь на софу . Бѣдняжка , выведенная такимъ образомъ изъ заблужденія на счетъ покровительства чудеснаго перстня и богошворимаго Свяшаго , весьма о помъ съшovala ; но поразмысливъ , нашла , что покровительство наслѣдницы Киншала было несравненно драгоцѣннѣе , потому что она оубцала ей приданое и мужа ; съ этою мыслию Брижепита уснула . Напротивъ шого Амбруазина во всю ночь глазъ своихъ не смыкала , и занималась попеременно шо побѣгомъ своимъ , шо Мошпеемъ и любовью къ нему , шо надеждою возвращенія его , хотя онъ и не объявилъ ей шочнаго своего признанія ;

но она его угадывала и еще болѣе почитала Моншея за такую благородную молчаливость. Это мое дѣло, думала она, въ такомъ чрезвычайномъ положеніи предупредить его, и я предвзрю его не только не краснѣя, но еще гордясь тѣмъ, что могу поправить ошибки судьбы въ разсужденіи его, и сославить благополучіе такого человѣка, который одинъ только можетъ сдѣлать меня щастливою. Рѣшившись наконецъ, что ей должно дѣлать, она заснула съ сладкими мыслями, воображая, что послѣднюю ночь проводитъ въ Замкѣ Роскелинъ; непріатели Моншея становились ей ежеминутно ненавистнѣе.

Въ слѣдующее утро дю-Бургъ притворился больнымъ такъ искусно, что сторожъ совершенно обманулся и позволилъ ему остаться весь этотъ день въ башнѣ съ однимъ изъ поварищей, кой бы объ немъ имѣлъ попеченіе. Жребій сей палъ на Росса; Моншей же ушелъ къ друзьямъ своимъ, кои остались въ хи-

яинѣ. Онъ приказалъ имъ купить еще одну лошадь для Амбруазины, и привести ихъ всѣхъ ввечеру въ лѣсъ, находящійся близъ Замка, и приходилъ дважды въ Замокъ подѣ видомъ, какъ бы не ешь что-нибудь для больного пилигрима. Ихъ навѣстила Брижешта, которая принесла извѣстіе о пріѣздѣ своего Вилліама, и въ глазахъ ея изображалось поудовольствіе, которое она ошъ того въдушѣ своей ощущала. Дю-Бургъ, которому она нравилась, не бѣзъ досады замѣшилъ участіе, какое принимала она въ этомъ возвращеніи. Брижешта, имѣя еще на сердцѣ испорцію, вымышленную имъ, и способъ, какъ ошъ ее обманулъ, была ошъ того холоднѣе съ нимъ, нежели съ другими. „Милая Брижешта! сказала онъ ей, не смотри на меня шакъ сурово; прооши моему обману, изъ уваженія къ доброду на мѣренію и къ шасшлливому, какъ я думаю, окончанію. Нѣкогда я былъ и прдолядалъ бы быть обожателемъ прекрасной Брижешты, когда бы могъ ла

скажешь, что она меня выслушаетъ; но съ возвращеніемъ Вилліама я не надѣюсь болѣе, и хочу быть только своимъ другомъ. Признайся мнѣ, что ты любишь этого щасливаго Вилліама?“

— Для чегожь и шамься? Моей доброй тоспожь угодно, чшобъ я вышла за него за-мужъ; она даетъ мнѣ приданое, позволяя жить и умереть возлѣ нее: дружбы ея и любви Вилліамовой для меня довольно. —

„О! да погибнешъ шощъ, кто захочетъ возмутить ваше щастіе!“ вскричалъ Рыцарь. „Амбруазина не оставила мнѣ ничего болѣе сдѣлать; но прими эшошь свадебный подарокъ въ знакъ того, что ты меня прощаешь.“ Онъ положилъ ей въ руку нѣсколько золота. Она хотѣла отказать; но Моншей и Россъ настояли и умножили подарокъ: тогда она, съ благодарностію принявъ, сказала: Госножа моя велѣла спросить васъ, помниши ли вы дорогу къ церкви?

„Совершенно“ отвѣчалъ Моншей; „да и при выходѣ еще я замѣчалъ ее. Скажи

ей, что она насъ непременно тамъ най-
детъ, и что я нестерпѣливо ожидаю
этой минушы.“

Въ продолженіи дня Амбруазина вы-
ходила изъ своей комнашы весьма рѣдко,
и то для того, чтобы не замѣшили ея
отсутствія. Ей казалось, что предпри-
ятіе написано было на лицѣ ея, и что
Ладя Роскелинъ и Рыцарь смотрѣли
на нее съ сомнительнымъ видомъ. Въ ве-
черу она ушла опъ нихъ ранѣе обыкно-
веннаго, жадуясь на головную боль.

Часъ спустя за полночь все утихло
въ Замкѣ, тогда-то она отважилась
скрыться. Брижешша, кошорая съ са-
мага обѣда все плакала, крайне усилива-
лась ей сопутствовать; но Амбруазина
совершенно ей въ шемъ отказала. Хотя
я желала имѣнь сплунннжу своего пола,
но опять судила, что эта дѣвушка,
не привыкшая къ верьховой вѣздѣ, замѣ-
длила бы ихъ бѣгство; да и не хотѣла
ни подвергнушь ее общему съ собою на-
реканію, ни разлучишь ее съ другомъ ея

Билліамемъ. Повторивъ ей приказаніе свое выдти за него за-мужъ какъ возможно скорѣе и уѣхать въ Замокъ Кииншалъ поцѣловала ее нѣжно, зажгла свой факель взяла вещи, и не спрашась никакой опасности, вышла изъ комнаты; легкими, но шрепещущими шагами прошла корридоръ, и сошла съ большой лѣспницы едшей въ нижній этажъ. Находясь въ корридорѣ, въ коемъ жила Лади Роскелинъ и ея свиха, вдругъ вспомнила она объ лаѣ собаки, испугавшемъ ее въ прошедшую ночь, и чего она вновь опасалась; — но шеперь не слыхала ничего, и все было тихо вокругъ ея. Однакожь, когда пришла она къ концу этого длиннаго корридора, то при сходѣ съ лѣспницы на дворъ ей послышался глухой шумъ наверху, и звукъ отдаленныхъ голосовъ, отдающихся подъ сводами корридоровъ. Испугавшись чрезвычайно, но сдѣлавъ столько дѣла, она рѣшается загасить факель и дойти въ потьмахъ до перваго двора. Ошперевъ легонько замѣкъ бель-

шихъ воровъ Замка, она проходитьъ далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи мерцающіе лучи луны показали ей человѣка, прислонившагося къ перистиллю. Спрахъ, кошорый онъ навелъ на нее, не долго продолжался: сей человѣкъ, управляемый бѣлизною ея платья, пощачь подошелъ, и она узнала Моншея. Бы ли, милая Амбруазина? сказалъ онъ: „я не могу выразить, что я преперпѣлъ въ продолженіи цѣлаго часа, какъ васъ ожидаю. Еще нѣсколько минушь — и я пошелъ бы искать васъ въ самой внутренности Замка.“

— Молчите, сказала она шикимъ голосомъ: — я думаю, что меня преслѣдуюшь, и не иначе могла укрышься, какъ загасивъ факель. —

Моншей, обнявъ ее рукою, послѣшилъ съ нею, говоря, что они будутъ очень смѣлы, естли захопашъ шеперь оппашъ васъ; въ сію минушу я не боюсь цѣлаго войска.“ Онъ увѣдомилъ ее, что Россъ и дю-Бургъ пошли въ

церковь прежде полуночи, и не дождавшись ее, нашли проходъ въ ризницѣ, и опперли дверь, ведущую на валь, гдѣ трое ихъ товарищей, привязавши въ лѣсу своихъ лошадей, соединились съ ними. „Дѣйствительно,“ прибавилъ онъ: „намъ нечего бояться; насъ шесть человекъ, всѣ хорошо вооружены и не побѣжимъ, хотя бы непріятелей было болѣе.“

Между сими разговорами пришли къ дверямъ церкви. Они входятъ шумя. Вдругъ Амбруазина оборотившись, примѣтила блескъ свѣта, проходящаго сквозь щели, и въ ту же минуту послышалось множество голосовъ, выговаривающихъ ея имя; падая въ обморокъ отъ ужаса, она бросается въ объятія Моншея. — О, бѣги! Сентъ-Клеръ, воскликнула она, бѣги! . . . заклинаю себя! Какъ я несчастна! Я вела себя къ смерти, когда тысячу жизней отдала бы для спасенія себя! —

„Милая Амбруазина!“ вскричалъ Сент-Клеръ, забывая всю осторожность и

благоразуміе, и прижимая ее къ своему сердцу : „не страшитесь ничего! вы находитесь въ безопасности, посреди преданнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ друзей; ихъ неуспрашиваемое мужество съ сугубою силою будетъ защищать васъ!“ Говоря такъ, онъ увлекъ ее въ церковь, гдѣ нашелъ своихъ поварницъ. Едва имѣлъ онъ время увѣдомить ихъ объ опасности и приготовить оружіе, какъ непріятели показали уже слишкомъ близко, и нельзя было ихъ избѣжать; свѣтъ лампы церковной измѣнилъ имъ. Лишь только Моншей вбѣжалъ съ Амбруазиною, преслѣдовавшіе ихъ вошли за ними же въ числѣ десяти челоувѣкъ подъ предводительствомъ Рыцаря Лорна, съ коимъ также находилась и Лади Роскелинъ. Моншей поддерживала еще безчувственную Амбруазину; онъ опустилъ ее тихо на ступени олнаря, и обнаживъ мечъ свой, такъ какъ и друзья его, сшали кругомъ ея въ оборонительномъ положеніи. Большая часть слугъ, позванныхъ наскоро,

не были вооружены и побѣжали въ безпорядкѣ при видѣ обнаженныхъ мечей; но Сиръ Жаместъ Лорнь напрошивъ того приблизился, и признавъ Сеншь - Клера за того мушину, кошорой поддерживалъ Амбруазину во время ихъ прихода, сказалъ ему съ надмѣннымъ видомъ: „Естьли ты dospoвннъ любви Амбруазины, то съ однимъ побою я долженъ имѣть дѣло!“ — Охотно! сказалъ Сеншь - Клеръ: уже не первый разъ я тебя встрѣчалъ и побѣждалъ; познай во мнѣ Датскаго Рыцаря, и прими смерть ошь руки Монпей! —

„Монпей!“ вскричалъ Сиръ Жаместъ. шрепеща и опшшупивъ на нѣсколько шаговъ назадъ, опираясь на мечъ свой.

— Монпей! — воскликнула Лади Роскелльнъ, съ ужасомъ упавъ на руки къ одному изъ слугъ своихъ; поблѣдневшя черты лица ея выражали смятеніе и бѣшенство.

„Да, Монпей!“ вскричалъ онъ: женщина нечувствительная къ сладосннѣйшимъ движеніямъ природы! Монпей

потъ сынъ, отвергнутый тобою прежде его рожденія, сынъ, коему Небо даровало сердце, отъ швоего опличное, и который мучишь за тебя въ сію минушу, когда жестокость швоя обнаружена! — Удались, оставь меня и сего благороднаго Рыцаря рѣшивъ собственную участь вашу. Еслили онъ погибнетъ отъ руки моей, то ты будешь имѣшь новую причину меня ненавидѣшь; еслили же я, то прощаю ему смерть свою и препоручаю Амбруазину благородству его. Когда ты увидишь текущую кровь мою, то вспомни, что она швоя!

Трепещущая Лади Роскелинъ не хотѣла, или не могла рѣшиться отвѣчать — она молчала; Дю-Бургъ и Россъ заботились о Амбруазинѣ, находившейся почти въ такомъ же состояніи. — Сиръ Жамесъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ назадъ. Сент-Клеръ подумалъ, что онъ его убѣгаетъ. „Остановись, Рыцарь“ сказалъ онъ: „я готовъ биться шеперь же!“ Потомъ

указывая мечемъ своимъ на памятникъ, воздвигнушый покойному Лорду Роскеллину — „здѣсь“ сказалъ онъ: „покойся въ ширѣ супругъ эпой женщины; да будешь духъ его свидѣтелемъ сраженія и да узнаешь сына своего по ударамъ его меча. Ты пренецешь, безчеловѣчная мать, ты блѣдишь! можешь быть въ сію минуту шѣнь родителя моего предстоить предъ шобою, укоряешь себя въ пришворствѣ, а себя въ слабости. . . . Онъ не существуетъ болѣе, не можешь назвать меня именемъ сына, въ коемъ ты мнѣ отказала; но еще есть время. — Поди и при подножіи его гробницы признай меня своимъ и его сыномъ, предъ оларемъ швоего и моего Бога поклянись ему въ своемъ раскаяніи!“

Леди Роскеллинь сражалась сама съ собою; всѣ ея мысли были разстроены; она не знала, что ей дѣлать; гордость и стыдъ столько мучили ее, что, не смотря на вопль терзающейся совѣсти, она не могла произнести ни одного слова.

Сирь Жамесь, бросивъ на нее презрительный взоръ, кинулъ мечъ свой и приблизился къ Сенш-Клеру. „Мужественный Моншей!“ сказалъ онъ, подавая ему руку: „Хотите ли вы принять мое уваженіе и дружбу. Сшо разъ слышала я исторію Сеншъ - Клера, но только въ сію минуту узнаю истину.“

— Великодушный Спуартъ, сказалъ Моншей, бросивъ также свое оружіе и подошедши къ нему съ опверстыми объятіями: жизнь моя теперь принадлежитъ тебѣ по праву лучшему, нежели жребій оружія; вели, и Сенш-Клеръ явился къ тебѣ при первомъ позывѣ дружбы: пусть свобода Амбруазины будетъ первымъ тому доказательствомъ; я желаю, чтобы она была свободна. Изгнанникъ не смѣетъ любить ее, но онъ будетъ защищать.“ — Храбрый начальникъ, сказалъ Спуартъ: присовокуплю я къ твоимъ спрэданіямъ еще новыя; да обращай они тогда же на меня! Амбруазина свободна и будетъ имѣть отнынѣ двухъ друзей и

двухъ защитниковъ. Сударыня“ сказала оны, обратясь къ Ладѣ Роскельнѣ: „я возвращаю вамъ данное мнѣ слово на щепъ наследницы Киншала, и я теперь нѣ чте иное какъ истинный другъ ея и мужественнаго ея защитника. Опошлите вашихъ людей; они бесполезны въ такомъ дѣлѣ, гдѣ одна честь должна располагать нами. Сент-Клеръ, уступите необходимости, не продолжайте далѣе по ро прорсупка, въ коемъ можно справедливо васъ упрекать — неповиновеніемъ къ Королю за оставленіе мѣста вашего изгнанія; эпопъ прорсупокъ для васъ опасенъ. Возвратитесь на оспровъ, возьмите съ собою Амбруазину; она не можетъ бытъ здѣсь въ безопасности; и ежели пожелаеи имѣть еще друга, по вспомните Жамеса Стурта!“

— Благодарю васъ, знаменитый Рыцарь! отвѣчала Монтей: естли желеише признавъ дружбу изгнанника, по я вашъ навсегда! — Оня пожали взаимно руки и приближились ко Амбруазинѣ, при-

шедшей въ чувства отъ разговоръ, ея слышанныхъ. Рыцарь Лорнъ взялъ ея руку и вложилъ въ Моншеву, повпоряясъ „унесите ея! Ни она, ни вы здѣсь не въ безопасности.“

При семъ видѣ возвратились жизнь и ярость Ладъ Рокелинъ. Какъ! сказала она съ негодованіемъ, подвинувшись нѣсколько впередъ: вы попускаете, чтобы онъ увезъ мою воспитанницу! Мои права на нее священны; я приказываю ей именемъ ея матери остаться со мною. Этой ли помощи въ правѣ я ожидать отъ васъ, Сиръ Жамесъ?

„Сударыня“ отвѣчалъ онъ: „Сентъ-Клеръ былъ мнѣ прежде неизвѣстенъ, хотя тысячу разъ слышала я исторію несчастій и рожденія его, которая сдѣлала во мнѣ глубокое впечатлѣніе; но съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ въ связь съ вашою фамиліею, привыкъ почитать ея сказкою, а Сентъ-Клера обманщикомъ. Въ сію ночь узналъ я истину; онъ ска-

заль вамъ ее въ моемъ присутствіи и вы не осмѣлились того отвергнуть. Никогда мечъ мой не обнажится прошивъ Героя, несправедливо гонимаго. Благодарю васъ за намѣренія къ мою пользу; но они не даютъ мнѣ другого права на Лади Амбруазину, какъ только защищать ее отъ несправедливыхъ притѣсненій. Пусть объявитъ она свою волю и намѣренія; клянусь, что они будутъ исполнены!"

Это возвратило Амбруазинѣ все ея мужество. — Сиръ Жамесь, сказала она съ довѣренностію: или мои предчувствія меня обманываютъ, или любовь пригословляетъ вамъ жребій болѣе блистательный, нежели шонъ, какого не можете вы ожидать отъ руки Амбруазины: да вознаградится ваше великодушіе къ несчастной сиротѣ выше вашихъ желаній! Я же, сказала она, возвысивъ голосъ и положивъ руку на олтарь: объявляю предъ лицомъ Всемогущаго, что не желаю никого имѣть супругомъ, кромѣ Сент - Клера Монтея, и если непреодолимая преѣяшшствія

тасъ разлучаю, или его чувствва не будушь соотвѣтствовать моимъ, то я навсегда отказываюся отъ супружества: вопшь желаніе моего сердца. Чшожь касеяся до моего шеперешняго положенія, шо я хочу укрышься въ монастырь, который сама выберу. Для эшого я бѣжала въ сопровожденіи друга. Не могу болѣе сносить ни двора, ни опекунства Лади Роскелинъ; по завѣщанію отца моего я имѣю право отъ того отказатъся, ешьли она употребитъ во зло власть свою, и избратъ другаго опекуна, челоуѣка, котораго родителъ мой почишалъ выше всѣхъ: эшо Сенш - Клеръ Моншей! . . . —

— Ешьли я останусъ въ монастырь послѣдніе два года моего несовершеннолѣтія, шо Графиня имѣетъ право собирашь мои доходы и плащитъ изъ нихъ за мое содержаніе; ешьли же я выйду за-мужъ, шо могу оными располагать сама по завѣщанію родителя, предсоставившаго мнѣ сіе право во дня мо-

его супружества: вопль нѣо, о чемъ вы спрашивали меня Сирь - Жамесь. Естльи Лади Роскединъ имѣешъ что объявить, шо можешъ говоришь въ свою очередь." Но она, не сдѣлавъ сего, бросилась съ бѣщенствомъ изъ капеллы, приказавъ людямъ своимъ за собою слѣдовать.

„Да покровительствуешъ вамъ щасіе, благополучіе и Небо!“ сказала Жамесь Спуарпъ своимъ друзьямъ: „увѣжайте; я же съ своей стороны постараюсь, чтобъ васъ не преслѣдовали.“ Сказавъ сіе, онъ оставилъ ихъ.

Моншей, взявши подъ руку Амбруазину, повелъ ее по дорогѣ къ лѣсу, гдѣ лошади ожидали ихъ. „Иди, прекрасная и мужественнѣйшая изъ своего пола“ сказалъ онъ ей: „не страшись ничего! Да погибнешъ варваръ, кошорый осмѣлился оскорбить тебя, или сдѣлашь мѣлѣйшее огорченіе!“

Не теряя ни минуты ѣли на лошадей; упреннѣй воздухъ былъ холоденъ и Сенш - Клеръ для защищенія отъ онаго

Амбрузины обернулъ голову ея вилл-
тримскимъ своимъ капишономъ. Она по-
казалась ему еще прекраснѣе въ эпомъ
просипомъ уборѣ. Онъ вздохнувъ, поцѣло-
валъ ея руку и сѣлъ на свою лошадь.

Они повѣхали, будучи увѣрены, что
Лади Роскелинъ пошлешъ ихъ преслѣдо-
вать, не смотра на Сиръ Жамеса. Всѣ
они ѣхали очень скоро; Амбрузина так-
же понуждала свою лошадь.

Заключая, что неприѣшли будущъ
ихъ преслѣдовать на сѣверъ, они повѣха-
ли на полдень, и около девяти часовъ
утра прѣехали въ Селкиркъ, гдѣ отды-
хнувши сами въ одной хижинѣ и давши
отдыхъ лошадямъ своимъ, они продол-
жали путь свой до Дрюмалвинга. Послѣ
нѣсколькихъ часовъ отдыха сѣли они
на судно, шедшее въ Карикфергъ, и до-
стигнуши сего города, почитали уже себя
въ безопасности отъ всѣхъ преслѣдо-
ваній.

Въ самомъ дѣлѣ Лади Роскелинъ, не
смотря на предсавленія Рыцаря Лорна,

послала погоню за бѣглецами; она не могла согласиться на то; чѣмъ воспитанница ея и блистательное состояніе, каковымъ она пользовалась, сдѣлались добычею Сенип-Клера. Между тѣмъ видъ сына, оскорбленнаго ею съ самаго его рожденія, и смѣлая его выраженія произвели въ ней какое-то спранный дѣйствіе въ то время, какъ основательные, но нестерпимые его упреки усиливали бѣшенство ея до высочайшей степени, нѣчто подобное гласу природы возникло въ этомъ сердцѣ, доселѣ столь ожесточенномъ. Благородной видъ Сенип-Клера, поразительное сходство его съ отцемъ, даже смѣлость его речей — въ одно и то же время возмущали и льстили ея гордость. Она не могла не согласиться сама въ себѣ, что всякая мать щеславилась бы такимъ сыномъ, каковъ Сенип-Клеръ; но съ симъ новымъ для нее чувствомъ, которое непримѣнно въ нее вкрадывалось, еще болѣе возрастала смѣль признавъ свои слабости, унижен-

ся предъ споль гордымъ сыномъ, и опяять увшорого своего сына Жона Роскелина и внука Лорда Моншроза права ихъ рожденія и всѣ сопряженныя съ оными преимуществва, которыхъ лишила она Сент-Клера, опринувъ его. Сдѣлавъ признаніе олишкомъ позднее, что онъ подлинно былъ ея старшій сынъ, ей казалось невозможнымъ; но по крайней мѣрѣ, пославши въ погоню многихъ изъ своихъ людей, она дала имъ тайное приказаніе возвратишь одну шолько наслѣдницу Киншала, а Сент-Клеру позволишь бѣжашъ. Она знала, что онъ долженъ былъ заплашишь жизнью за свое недовинновеніе, ешлы не возвратишся въ мѣсто изгнанія, и прошивъ воли шрепешала о его опасности. Лордъ Роскелинъ напрошивъ шого дышалъ однимъ шолько мщеніемъ и желалъ погибели обманцику, который хотѣлъ присвоишь права и наслѣдство его дяди. Леди Роскелинъ никогда не отшкрывала ему эшой тайны, отрицаясь предъ нимъ всегда, что Сент-Клеръ не

быль ея сыномъ. Независимость его хотя и чрезвычайно была сильна, однакожь извинительна, по тому болѣе, что безпрестанно подстрекаемъ былъ къ тому жевою своею, управлявшею имъ по своей волѣ, и которая не прощала Сент-Клеру, что онъ ушѣшился о потерѣ ея. При первомъ извѣстїи о похищенїи Амбруазины они прибѣжали къ Лади Роскелинъ и съ своей стороны приказали посланнымъ за бѣглецами оспавить, еспли хотятъ, наследницу, но привезти живаго или мертваго Сент-Клера, будучи увѣрены, что онъ не замедлитъ погибнуть на эшафонѣ.

Брижешна, которая не покидала Амбруазину въ послѣдніе дни, тщательна была допрашиваема; но будучи вѣрна своей клятвѣ, она призналась только, что носѣщала пилигримовъ съ Лади Амбруазиною, но запералась въ томъ, чтобы знала о ихъ хитрости, говоря, что се также обманули и оспавили внизу мѣ-

снницы; она была принуждена къ этому полупризнанію словами Лади Роскелинъ, кошорая сказала ей, что наканунѣ побѣга Амбруазины она была разбужена лаемъ своей собаки, и что примѣшивши свѣтъ сквозъ двери, она всмала, отперла ихъ и къ удивленію своему увидѣла наслѣдницу и Брижешшу проходящихъ съ факеломъ чрезъ корридоръ; но поелику онѣ возвращались, то она думала, что Амбруазина, по привычкѣ своей при свѣтѣ луны занимается въ галлерей мечтами, обращаясь къ морю, и въ эту ночь находилась въ подобномъ развлеченіи. Но замѣшательство Амбруазины на другой день, ея безпокойный видъ и частыя отлучки возбудили въ ней подозрѣніе; она открыла Сирь Жамесу о томъ, что видѣла, и уговорила его сперечь чрезъ всю ночь; въ часъ послѣ полуночи примѣтили они Амбруазину, идущую съ факеломъ одну. Лади Роскелинъ просила Рыцаря за нею слѣдовать; въ это самое время Амбруазина услышала шумъ и по-

гасила свой факель. Сиръ Жамесъ потерялъ ея слѣды и въ совершенной темнотѣ блуждая по длиннымъ корридорамъ, принужденъ былъ наконецъ возвратиться въ комнату Лади Роскелинъ, чѣмъ взявъ свѣчу. Огорчена будучи тѣмъ, что Амбруазина взяла предоспорожность загасить факель, и увѣрившись въ ея побѣгѣ, она сама захопѣла соупутствовать Рыцаря въ преслѣдованіи; дорогою разбудили они всѣхъ людей, спавшихъ въ сей часпи Замка и приказали имъ слѣдовать за собою; зоря громкимъ голосомъ Амбруазину, они пробѣжали корридоры и пришли къ перистиллю. Амбруазина ихъ замѣтила, и какъ поспѣла нѣсколькими минурами прежде, то могла бы избѣжать ихъ, если бы свѣсъ въ капеллѣ не измѣнилъ ей. — Мы видѣли, что за тѣмъ послѣдовало, и какъ эпа гордая женщина получила урокъ, который бы долженъ былъ безъ сомнѣнія привести ее къ раскаянію, но переходъ къ добродѣтели медленъ, и сердце ея, давно уже ожесточившееся,

не могло такъ скоро смягчиться. Рыцарь же Лорнъ поржесествовалъ, преодолевши страхъ свою въ прекрасной наслѣдницѣ и нашедши въ соперникѣ своемъ друга, исполненнаго мужества и чести. Поступокъ Сиръ Жамеса въ семъ случаѣ очень не понравился Роскелинамъ; они ему это объявили, почему онъ оставилъ Замокъ, гдѣ ничто уже болѣе его не привлекало. Съ благосклоннымъ приемомъ прекрасной Королевы, его Государыни, онъ забылъ мгновенную любовь къ Амбруазинѣ тѣмъ болѣе, что это чувство не было ею разделяемо.

Г Л А В А II.

Путешественники, думая бытъ въ опасности въ Карикфергѣ, разсудили прожить тамъ нѣсколько дней для отдохновенія. Амбруазина купила себѣ нужное платье и взяла женщину для услугъ. Будучи весела, но съ приличіемъ и обра-

зованна, безъ выказыванія всегда любезна и добра, она ежедневно спановилась драгоцѣннѣе для изгнанниковъ. Россъ и дю - Бургъ .наиболѣе имѣли нужду воспоминашь о своей дружбѣ къ Сенш - Клеру; но будучи вѣрны этой дружбѣ, они щипали и свою пріятельницу за любимую сестру. — Сенш - Клеръ былъ привязанъ къ ней самыми пылкими чувствами, и ежеминутно болѣе увѣрялся, что кроиъ Амбруазины для него не было другаго щастія, хотя и умѣрилъ эту страсть воспоминаніемъ о своемъ изгнаніи, или по крайней мѣрѣ не хотѣлъ въ ней себѣ признапья; но его взоры, тонъ голоса, всѣ движенія измѣняли ему, и чувствительная Амбруазина наслаждалась пріимчаніемъ, что она любима шѣми, кого избрало ея сердце, и споль же нѣжно, какъ сама его любила; однакожь ей хотѣлось, чшобъ Сенш - Клеръ искренно ей въ шомъ признался. Видя же, что онъ не прешавалъ молчашъ и боролся

съ своими чувствами, она рѣшилась довести его до желаемого объясненія.

„Сент-Клеръ!“ сказала она ему, пользуясь минушкою, когда они были одни: „хотя совѣсти ваша не упрекаетъ вамъ; но скажите, другъ и защитникъ мой, что подумаютъ о дѣвцѣ моихъ лѣтъ, находящейся въ обществѣ съ молодыми и любезными женщинами, путешествующей съ ними землею и моремъ, скажите мнѣ, можно ли такъ поступить безъ оскорбленія законовъ и общественнаго мнѣнія?“

— Амбрузина, сказалъ Сент-Клеръ съ торжествомъ: честь ваша во сто кратъ дороже мнѣ моей жизни; я не потерплю, чтобы осмѣливались нападать на ваше имя и очернять ядомъ клеветы поведеніе невинное, Ангельское. —

„Я не знаю,“ сказала она улыбаясь: „удержишь ли явное ваше покровительство клевету и злословія? Если бы вы захопѣли защищать меня отъ всѣхъ

тѣхъ, кои будутъ порицать, судя по наружности, шо вамъ должно бы имѣть столько же рукъ, сколько ихъ Гигантъ Бриарей. Впрочемъ я не думаю, чшобъ меня можно было совершенно оправдать, да и поносить меня будутъ не при васъ. Нѣтъ, мнѣ надобно загладишь свое бѣгство двухлѣпнимъ уединеніемъ въ монастырь. Гдѣ, думаете вы, мнѣ лучше будетъ, въ Шотландіи, или въ Англіи?“

— Увы! сказалъ Моншей вздыхая: я трепещу отъ одной мысли бытъ съ вами въ разлукѣ; но еспели это нужно, изберите мѣсто своего убѣжища, я васъ туда провожу, и потомъ несчастному Сепи-Клеру останеться только умереть.—

Мрачное уныніе, съ коимъ произнесъ онъ эти слова, сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ Амбруазины. „Моншей, сказала она отшвернувшись, чшобъ скрываетъ разливающійся румянецъ: „милый Моншей! и шакъ вы любите Амбруазину?“ — Люблю ли васъ? повспорилъ онъ съ жаромъ, за-

бывши всѣ свои размышленія и упавши къ ногамъ ея : я не могу ни выразить, ни сравнить силу моей къ вамъ любви; вы въ тысячу разъ дороже мнѣ жизни, и безъ васъ я не могъ бы сносить ее! —

„Но, я думаю, вы согласитесь со мною въ томъ, что мнѣ должно ѣхать въ монастырь. . . .“

— Увы! знаю ли я, что вамъ и что мнѣ должно дѣлать! Амбруазина, не спрашивайте у меня совѣта, избавьте меня отъ мученія, превосходящаго мои силы; рѣшите сами, куда вы хотите ѣхать, не спрашиваясь меня: по крайней мѣрѣ пусть еще разъ прежде смерти докажу вамъ мою покорность. —

„Моншей, сказала она, обративъ на него прекрасные свои голубые глаза съ пріятнымъ и робкимъ взоромъ: „нѣтъ ли для меня комнатъ въ крѣпости Барры?“

— Амбруазина, Амбруазина! еще повторяю вамъ, заклинаю васъ Небомъ, не испытывайте меня выше силъ моихъ! Вошь

гдѣ вы теперь, и гдѣ будете до послѣдняго моего издыханія! сказала онъ, прижавъ ее къ своему сердцу. — Но отвезти васъ на мой бурный и дикій островъ не возможно; это будетъ въ тысячу разъ несправедливѣе, нежели какъ поступилъ со мною Іаковъ! Долженъ ли я започаю обожаемую, прекраснѣйшую изъ женщинъ посреди бесплодныхъ Гебридовъ! —

„У всякаго свой вкусъ, сказала она: а я люблю горы. Не называли вы меня на турнирѣ дѣвою горъ? . . . Но я васъ избрала своимъ опекуномъ; не всегда же мнѣ быть непокорною и непослушною питомицею: и такъ какъ вы потребуете, я пойду въ первый встрѣпившійся монастырь.“ — Несправедливая, жестокая Амбруазина! Но нѣтъ! вы очень знаете, что естли бы я былъ на пронѣ вмѣсто изгнанія, то онъ не имѣлъ бы никакой цѣны въ глазахъ моихъ, естли бы не лзя было его раздѣлять съ вами! —

„Гордоспъ, сказала Амбруазина, превосмогаешь любовь въ вашемъ сердцѣ :

вспомните, что ешьли бы я слушалась полько гордоспи, то вы не видали бы меня на Баррѣ; я не бѣжала бы изъ Замка Роскелинъ, и не выступила бы, какъ шеперь, изъ границъ нашего пола. Но довольно объ эшомъ, Монпей! я люблю васъ, и послѣ многихъ опытовъ со стороны моей не могу, да и не хочу болѣе ни дѣлать новыхъ доказательствъ, ни отрицаній. Дорого мнѣ будетъ споишь разлука съ вами; но можетъ быть мы увидимъ щаспливѣйшіе дни, можетъ быть вы не всегда опвергать будете руку шой, у кошорой цѣлымъ сердцемъ обладаете, и кошорая надѣется на вашу вѣрность. Сократимъ минуны, предшешвуюющія тягосшной разлукѣ! Мы сказывали, что въ окрестностяхъ Белфорта, за нѣскольکو миль опсюда, есть монастырь Венедикшянокъ; я хочу вступить туда завпра.“

— Ужасная мысль! сказалъ Сенш-Клеръ, ожоро вскочивши съ мѣста и закрывъ свое лице руками: Амбруазина, сестра,

другъ мой! останьшесь еще нѣсколько дней; для чего намъ шакъ скоро разлучашься? —

„Какъ непонятны мущины! сказала Амбруазина: не согласны ли вы, что перешнее мое положеніе можеть вредить моему доброму имени? не сказали ли вы сами, что не хотите везти меня на Барру? но вы сами вишь должны шуда возвратишься?“

— Милая, обожаемая дѣвица, но жестокая въ самой милосши! я не могу располагашь нашимъ жребіемъ. Вы должны съ своей стороны сдѣлашь всѣ усилія; съ каждымъ мгновеніемъ намѣренія мои слабѣють; опъ васъ я ожидаю примѣра мужества. —

„Я покажу его, сказала она измѣнившимся голосомъ: и я пакже слаба и молода, но теперь уже все сказано, рѣшилась и швердо буду въ томъ стояшь.“

Россъ и дю-Бургъ вошедши прервали ихъ разговоръ. Мошшей казался въѣ

себя весь вечеръ; а Амбрузина гораздо ранѣе ушла отъ нихъ.

На другой день поуспру изгнанники собрались завтракать, какъ Амбрузина вошла въ залу въ дорожномъ платьѣ. — „Здравствуйше! сказала она входя: здравствуйше мои добрые и милые друзья! я ѣду въ Бельфорть и хочу вслупить къ Бенедикшинамъ, гдѣ думаю бытъ при- нята. Не опнимайте у меня бодрости прощаніямъ, коихъ не могу выдержать подобно вамъ; я не герой, а только слабая женщина, и уже чувствую свою слабость. увидя васъ.“ Въ самомъ дѣлѣ слезы прервали ея голосъ и текли по щекамъ, коихъ блѣдность показывала, что она худо провела ночь.

Всѣ встали и окружили ее, исключая Сенш-Клера, который осмался на своемъ мѣстѣ, опершись головою на руки, погруженный въ горесть. Одинъ спрашивалъ у нее о причинѣ столь скорого отъѣзда, другой умолялъ перемѣнить свое намѣреніе, третій хотѣлъ по крайней

и вѣрѣ ей сопутствовать. Мужественный Россъ почувствовалъ, что глаза его оросились слезами и старался по скрыть. Дю-Бургъ, который былъ гораздо чувствительнѣе, со слезами цѣловалъ руку Амбруазины; онъ удалился, недоволенъ будучи ложною честію и дурачествомъ Сент-Клера. Россъ отвелъ его къ спорониѣ и говорилъ съ нимъ съ жаромъ у окна. Амбруазина подошла къ нимъ, и обращаясь къ Жамесу Россу: „примите, Сиръ Жамесъ; сказала она, мою благодарность и прощаніе; вспоминайте обо мнѣ какъ о сестрѣ, любящей васъ; и которая часто будетъ помышлять о друзьяхъ своихъ, о своихъ братьяхъ въ крѣпости Баррѣ.“ Россъ съ чувствомъ приблизилъ руку Амбруазины къ губамъ своимъ.

„Теперь, сказала она, обращаясь къ Моншею съ очевидною твердосцію: прощай, милый Сент-Клеръ! поклянись утѣрять стремительное швое мужество и не подвергаться бесполезно опасностямъ. Твои враги еще шоржествуютъ;

но вѣрь предчувствіямъ Амбруазины, солнце блаженства возсіетъ нѣкогда надъ Сенш - Клеромъ. Мы найдемъ другъ друга, ежели не въ эшомъ, шо въ другомъ мірѣ. Она хотѣла улыбнуться, съ трудомъ произнося послѣднее выраженіе; слезы ея текли невольно; она дрожала и едва могла сѣсть, — такъ ей было дурно.

„О, Амбруазина! сказала Сенш - Клеръ, бросаясь къ ней и обнимая ее: возлюбленная моя! Нѣтъ, нѣтъ! я не могу съ тобою разстаться! Нѣтъ, мои руки удержатъ тебя у моего сердца, — этого сердца, которое не можетъ болѣе прошивишься всѣмъ ощущеніямъ! Никогда, никогда не хочу я тебя покидать; Ангель небесный, не покидай, не оставляй меня! Согласна ли ты раздѣлять жребій изгнанника, быть его подругою, или лучше — его повелительницею?“

Амбруазина ничего не отвѣчала; она тихо высвободилась изъ рукъ Моншея, пожала ему руку и вышла съ улыбкою, кошорая показывала Сенш - Клеру все,

что онъ могъ желанъ. Моншей послѣдовалъ за нею. „Амбруазина! сказалъ онъ ей: я самъ не смѣю помыслить о томъ, что я произнесъ, — я отдаю вамъ сердце, коимъ вы уже совершенно обладаете; но оно изсохнетъ прежде времени отъ несчастій, несправедливостей и жестокихъ ранъ.“

— Я ихъ излѣчу — сказала она съ пріятною улыбкою, и приложивъ руку къ сердцу своего друга: оно крѣпко бьется — продолжала она: но скоро будешь биться для одной щастливой Амбруазины. —

Моншей, видъ себя, цѣлуешь тысячекратно эту драгоценную руку, не въ силахъ будучи произнести ни слова. „Представь супругу твою друзьямъ своимъ,“ сказала она; послѣ сего возвратились они въ залу. „Вотъ, сказала Амбруазина, шеперь я совершенно ваша сестра, супруга Сенш - Клера, которая хочетъ жить и умереть съ вами. Какъ она не могла скрыть отъ себя, что

пристойность была уже нарушена состояніемъ, въ какомъ находилась, то она и не заставляла спѣшить церемонією, которая давала ей право оставаться съ Сент-Клеромъ. Было положено призвать Священника, и все къ завтрашнему утру приготовить. Въ слѣдующій день они соединились торжественно въ церкви въ Каррикфергъ, имѣя свидѣтелями комнатную дѣвушку и друзей своихъ.

Когда церемонія кончилась, восхищенный Сент-Клеръ обнялъ обожаемую Амбруазину и сказалъ: „Какъ будешь завидовать мнѣ Іаковъ Шотландскій! Онъ меня изгналъ, а я теперь болѣе царствую, нежели онъ — я царствую надъ сердцемъ Амбруазины, обладаю Ангеломъ, и при всѣхъ печаляхъ моего изгнанія буду умѣть сдѣлать ее щасливою; успехи Баррскіе будутъ теперь для меня щасливѣйшимъ жилищемъ!“

Они положили ѣхать тужь минушу, дабы успокоить друзей, имъ оставлен-

ныхъ и вѣрно о нихъ беспокоящихся. Вышедъ изъ церкви, они отправились въ путь. Щастливая и удовлетворенная Амбруазина стала еще любезнѣе. Подлѣ Моншея всѣ предметы казались для нее лучшими: можнобъ было подумашъ, что она найдетъ Барру мѣстомъ утѣхъ, а Сенш-Клеръ возлѣ ея безъ труда бы согласился оспашься тамъ изгнанникомъ на всю жизнь.

Г Л А В А III.

Въ продолженіи путешествія всякой разъ, какъ только разговоръ касался до острова Барры и ихъ пребыванія на немъ, Сенш-Клеръ чувствовалъ непреодолимое желаніе открышь Амбруазинѣ о похищеніи наследника Роскелиновъ; но обитатели крѣпости всѣ были связаны торжественною клятвою не открывать тайны сей никому безъ общаго согласія всѣхъ изгнанниковъ. Рандольфъ Мак-Греггоръ претовалъ точнаго исполненія, и Сенш-Клеръ не осмѣливался преступить

ся ; но онъ надѣялся скоро испросить у нихъ согласіе для той, которая сдѣлаен- ся настоящимъ членомъ ихъ общества. Между тѣмъ , для предупрежденія пер- выхъ движеній удивленія при видѣ дитя- ши, называющаго его отцемъ своимъ, онъ сказалъ ей однажды при своихъ товари- щахъ : „Прости, милая Амбрузина! я нѣчто скрывалъ отъ тебя до сей мину- ты; но уже время открыть это: я имѣю на Барръ дитя, сына, для коего испра- шиваю твоей любви.“

— Ты имѣешь сына! возразила она съ удивленіемъ ; но тотчасъ прибавила съ улыбкою: шакъ, подлинно я его буду лю- бить, это моя должность ; я буду для него хорошею матерью. Ты знаешь мою откровенность, Сент-Клеръ ; а я почитаю тебя честнымъ человекомъ, ко- торый не можетъ и не захочетъ меня обмануть. Мать его на Барръ ли нахо- дишь ? —

„Она очень далеко отсюда ; и я не желаю никогда ее видѣть.“

— Я надѣюсь, что она ни въ чемъ не имѣеть недостапка, сказала Амбруазина : Сенш-Клеръ ! мы богачи, мать вашего дитяти должна также жить въ довольствѣ. —

„Не только въ довольствѣ, сказалъ онъ : она очень богата.“

Амбруазина не могла скрыть нѣкотораго удивленія ; Сенш-Клеръ то примѣшивъ, сказалъ : „Милый другъ ! я связянь съ моими друзьями клятвою, которая запрещаетъ мнѣ объясниться порядочнѣе ; но по прїѣздѣ моемъ на Барру я увѣренъ, что опъ нее освобожусь. Никто изъ насъ не захочетъ имѣть тайны для благородной Амбруазины ; она еспль ли женщина, такъ только по нѣжной чувствительности сердца и по Ангельской тихости : она сохранитъ тайну.“

Наконецъ прїѣхали они въ Барру, и съ восхищеніемъ были шамъ приняты, особливо Амбруазина, которую почитали они испочинкомъ блаженства и будущаго щенія для Сенш-Клера.

Лишь шолько сѣли путешественники и начали подносить прохладительныя, какъ и вбѣжалъ маленькой Рандольфъ, прыгая ошъ радости ; онъ вскарабкался къ Сени-Клеру на колѣна и называлъ его милымъ пятаю. Моншей поцѣловалъ его нѣжно, говоря ему : „для чего ты, маленькой шалунъ, вошелъ, не будучи ни кѣмъ позванъ ? Я бы желалъ, примолвилъ онъ, обращаясь къ друзьямъ своимъ : сдѣлать объясненіе Амбруазинѣ. Я хранилъ нашу клятву ; но прошу васъ меня ошъ нее избавишь.“ Переставъ говорить, онъ посадилъ Рандольфа на колѣна жены своей ; но какъ удивился, увидя ее поблѣднѣвшею и едва держащуюся на креслахъ. — „Амбруазина ! сказалъ онъ съ ужасомъ : ошъ чего эштошь трепещь ? Уже ли видъ эшого дышашьшюму причиною ? Я вамъ говорилъ. . .“ — Моншей ! сказала она, прерывая его : честный ли ты человекъ ? —

„Возможно ли Амбруазинѣ въ шомъ усомнишься ? . . .“

— Какъ же это дитя здѣсь? — сказала она, разсматривая его. Одинъ изъ изгнанниковъ, взявъ тогда Рандольфа, отвелъ его къ концу залы, и игралъ съ нимъ, чтобъ не дать ему слышать ихъ разговора. „Эшо-то хопѣлъ я изъяснить тебѣ, подхватилъ Моншей: „но не имѣлъ на шо права безъ согласія друзей своихъ.“

— Моншей! возразила она съ гордостью: выслушай меня! Когда начала я любить тебя, не ты собственно внушилъ мнѣ это чувство, пошому что я никогда тебя не видала, но когда отецъ мой говорилъ о несправедливостяхъ и гоненіи, которые ты претерпѣлъ съ самаго рожденія, я невольно плакала, и не знала, что эти слезы были сѣмяннами любви, которая произрасла въ моемъ сердцѣ и которая не должна была погаснуть. Говорилъ ли онъ о своемъ мужествѣ, благородной гордости, знаменитыхъ поступкахъ, тогда я чувствовала, что душа моя возвышалась, и съ жаромъ желала я успѣха всѣмъ своимъ

предпріятіямъ. Если онъ сожалѣлъ о снречительности своего характера, завлекавшей тебя въ заблужденія молодости, я всегда извиняла свою отважность и даже хвалила ее. — Ахъ, Моншей! ты не зналъ еще существованія юной Амбруазины, а уже былъ для нее все! —

Моншей взялъ ее за руку, пожалъ ее, и хотѣлъ говорить; но Амбруазина приложила ее къ устамъ его, сказавъ: — позволь мнѣ окончить; тогда я буду тебя слушать съ должнымъ уваженіемъ. Сент-Клеръ! не легкомысленная страсть внушила Амбруазинѣ Киншаль все то, что она сдѣлала для полученія своего сердца и руки; нѣтъ, Моншей, это была любовь, неразлучная съ моимъ существованіемъ; и если нужно будетъ перестать печалиться и любить тебя, я тогда же должна буду умереть. Прошу, не прерывай меня. . . . Пусть заточатъ тебя враги твои на льдистые берега Гренландіи, или подъ палящее небо степей Индѣйскихъ, вездѣ Амбруазина за

побою послѣдуетъ, и найдешь единственное свое благополучіе съ побою! Бѣдоспись, болѣзнь, несправедливость, ничто не устрашитъ меня съ побою, ничто, развѣ сдѣлаешься менѣе достойнымъ моего почтенія, и развѣ не лъзя будешь гордиться честію Моншея, тогда я перестану жить, и Моншей будешь воленъ вести себя какъ захочешь; тогда онъ не будетъ болѣе страшиться взглядовъ и упрековъ Амбруазины. —

Она сказала это голосомъ столь сердечнымъ, протѣпательнымъ и вѣспѣ благороднымъ, что всѣ елушали и смотрѣли на нее съ удивленіемъ, а Моншей съ чувствомъ почтенія и обожанія.

„Мой милый другъ! сказалъ онъ ей безъ всякаго смущенія: благодаря Бога, я всегда смѣло могу встрѣчать взоры Амбруазины, почерпашъ въ нихъ пожеланіе, чтобы бытъ достойнымъ ея любви и сравняшъ съ нею въ добродѣшси; — скажи, въ чемъ ты меня до-

дозрѣваетъ? Сердце мое ни въ чемъ не упрекаетъ меня.“

— Ошь чегожь, подхватила она: наследникъ Роскелиновъ находишься въ крѣпости Баррѣ? —

„Ты его узнала?“ сказалъ Моншей.

— Да, я его узнала, даже не видя руки его, кошорая была закрыта, но должна имѣть красное родимое пятно. Когда жила я въ Замокѣ Роскелина, эшо дитя, кошорое, говорили мнѣ, на тебя походило, было моимъ маленькимъ любимцемъ, всегда на моихъ колѣнахъ или на рукахъ, онъ любилъ меня болѣе своей матери. —

„Дитя сіе сдѣлается для меня еще дороже, сказалъ Моншей: онъ предчувствовалъ, что ты будешь нѣкогда его матерью. Какъ наша тайна уже открылась, то друзья мои сдѣлають опомъ тебѣ объясненіе, и я надѣюсь, что ты опдашь мнѣ болѣе справедливости.“

Робертъ Мак-Грегоръ началъ говорить, и рассказалъ, какими образомъ

Мягпрозъ достался въ ихъ руки, о важности, какую брать его Рандольфъ, поддержанный въ томъ и Сиромъ; Александромъ, придавъ этому похищенію; онъ говорилъ также о противорѣчїи, какое дѣлалъ сначала Сентъ - Клеръ прошивъ этого намѣренія; о прозвѣ, какую брать его Рандольфъ сдѣлалъ имъ умирая; о богатомъ имѣніи, имъ отказанномъ; о причинѣ, заставившей ихъ одобрить это похищеніе и желаніе освободить дѣшя въ ихъ рукахъ. Въ случаѣ опасности мы можемъ всегда сказать онъ, считаясь его залогомъ и получить чрезъ него хорошія условія. Мы всё его любимъ какъ сына, дадимъ ему воспитаніе, приличное храброму и великодушному Рыцарю; посреди насъ онъ увидитъ только примѣры добродѣтели, дружбы, вѣрности, истинной чести: сдѣлался ли бы онъ таковымъ въ Замокъ Роскелина? Всякой изъ насъ согласится лучше умереть, нежели поустыитъ что-либо для него вредное. Онъ привязанъ къ намъ и

къ нашей прошой, но трудолюбивой жизни, онъ любилъ особенно Монтея, всего считаешь своимъ отцемъ; когда онъ будешь въ лѣтахъ и наступилъ благопріятное время возвратишь его фамиліи, то онъ войдетъ въ нее со всѣми преимуществами, которыя мы можемъ ему дать воспитаніемъ и состояніемъ: онъ будешь всѣмъ намъ наслѣдникомъ, и шакъ мы не сдѣлали ему никакого зла и только дали Монтею сына и друга отъ крови враговъ его, и который сдѣлаешь нѣкогда союзомъ мира.“

Амбрузина ничего не отвѣчала, но смотрѣла съ видомъ удовольствія на Сент-Клера и подала ему руку.

Онъ началъ говорить: „Если бы родители сего милаго дитяти сѣпювали о потерѣ его, какъ бы должно было, то никакая личная выгода не заставила бы меня удерживать его; но помнишь ли ты, когда спросилъ я объ этомъ Амврозія, онъ сказалъ мнѣ, что мать его была:

къ нему нечувствительна, и что вся фамилія скоро успокоилась.“

— Это совершенная правда, отвѣчала она : я какъ у себя Сент-Клеръ, такъ равно и у всѣхъ прошу извиненія. Хотя и лучше бы не похищашь этого дитяши, теперь однакожь прошивъ воли признаюсь, что это можешь обратиться въ пользу ; поди, бѣдная крошка, сказала она, призывая къ себѣ Рандольфа, и прижавъ его къ груди своей : ты имѣешь теперь мать. Хочешь ли называшь меня маминькою ? —

Рандольфъ повторилъ это слово, и оно скоро сдѣлалось ему знакомымъ. Онъ познакомился также скоро съ Амбруазиною, коей прелестный видъ нравился глазамъ его, и тогда же называя ее пріятнымъ именемъ маминьки, онъ перебиралъ своими рученками локоны бѣлокурыхъ волосъ ее, и безпрестанно цѣловалъ розовыя уста ея, большіе голубые глаза и бѣлое тело.

Бракъ Моншея былъ празднованъ не только на островѣ Баррѣ, но и въ соседнихъ островахъ; и ешлы прекрасная Амбруазина была предметомъ удивленія въ Киншалѣ и при Дворѣ Шотландскомъ: то на Гебридскихъ островахъ почитали ее царицею и обожали какъ крошкое и благодѣтельное божество.

Домоводство ни кѣмъ не можешь такъ хорошо наблюдать, какъ женщиною; крѣпость вскорѣ приняла другой видъ, необитаемая часть ея была исправлена; Амбруазина отправила судно въ Киншалъ за мебелью, какая только ей была нужна, и для каждаго изгнанника имѣлась комната во вкусѣ. Она послала также приказанія къ своимъ управителямъ, чтобы бракъ ея былъ ознаменованъ въ ея деревняхъ сельскими праздниками и подарками ея подданнымъ, и чяюбъ никому не отдавать съ сихъ поръ доходовъ, кромѣ ея самой по праву родительскаго завѣщанія. Она дала еще порученіе, чшо какъ скоро прїѣдуш

въ Кинпаль Брижешта и Вилл... при-
слашь бы ихъ на Барру на первомъ ко-
раблѣ.

Прелести, кротость и вѣжливостѣ
Амбуразины постепенно смягчали грубые
и воинственные поступки ея поварищей;
они всѣ сполько заботились ей попра-
виться, что она говорила иногда: я ду-
маю, нѣшъ нынѣ на свѣтѣ ни одной жен-
щины щастливѣе меня: я имѣю наилуч-
шаго мужа и множество преданныхъ
братъевъ.

Въ хорошую погоду она плавала съ
ними съ одного острова на другой, раз-
дѣляя и удовлетворяя всѣ ихъ удоволь-
ствія и забавы; въ дождливое же время
она имъ читала, или пѣла баллады, ак-
компанируя на люшнѣ или на арфѣ. Изо-
бильная, но простила пища ихъ сдѣла-
лась пріятнѣе и вкуснѣе; она отучила
ихъ отъ привычки много пить. дю-Бургъ
говорилъ шузя, что онъ намѣренъ упо-
требить свои досуги на сочиненіе раз-
сужденія о воздержаніи, и посвящать

его Шотландскому Двору. Она зачялась также нравственнымъ воспитаніемъ маленькаго Рандольфа, который страстно любилъ ее и соощвѣтствовалъ ей стараніямъ.

Брижешта и Вилліамъ пріѣхали, и увеличили бы домашнее щастіе еще своимъ собственнымъ, равно какъ усердіемъ и вѣрностію, естли бы не привезли неприятнаго извѣстія, что Лордъ и Леди Роскелинъ испросили у Короля повелѣніе послать на Барру значительныя силы, чтобы схватить изгнанниковъ и привести ихъ въ Единбургъ, и что для совершенія сего дожидались только весны; тогда была середина зимы.

Г Л А В А IV.

Мояшей и друзья его шутили насчетъ опасности, имъ угрожавшей. „Клянусь Небомъ, говорилъ онъ: естли они къ намъ придуть, то мы ихъ хорошо примемъ и обратимъ къ Іакову съ ша-

кимъ урокомъ, который бы могъ быть ему полезнымъ на всю его жизнь. Одна только Амбруазина причиняетъ мнѣ страхъ; она не за тѣмъ сюда, привезена мною, чтобы перпѣшь всѣ безпокойства, коимъ подверглась изъ любви ко мнѣ.“

— Говори о себѣ, мой милый другъ! возразила Амбруазина съ веселымъ видомъ: когда я приняла твердое намѣреніе раздѣлять съ тебѣю изгнаніе швое, въ то же время рѣшилась и на всѣ безпокойства, какія только могли со мною встрѣниться. Есщѣли вы замѣшите во мнѣ робость, могущую ослабить ваше мужество, то позволяю тогда сожалѣть обо мнѣ; но до того времени не лишайте меня твердости, которую вы сами во мнѣ находили прежде. —

„Не съ нынѣшняго дня узналъ я, сказала Моншей, что вы не имѣете слабостей, свойственныхъ вашему полу; но не извѣстна мнѣ также чувствитель-

шесть вашего сердца, и не смотря на ваше мужество, это сердце, столь нѣжное, много потерпитъ, особенно когда оно будетъ принуждено скрывать свои чувствованія.“

— Хорошо, сказала она улыбаясь: положимъ, что это случится и что я нѣсколько оробѣю; но не по жели самое случается иногда и съ мущинами во время сраженія, съ мущинами, которые храбростію приобрѣли уже себѣ славу Героевъ? Но чтобы доказатьъ вамъ, что я достойна быть супругою воина, и что также занимаюсь предметомъ, о которомъ вы разсуждаете, желаю сообщить вамъ о мѣрахъ, какія шеперь же предпринимать помышляю, и вы, какъ люди болѣе меня свѣдущіе, должны знать, могутъ ли онѣ быть исполнены. Вилліамъ и Брижепша, принесшіе намъ извѣстіе о преднамѣреніи нападеніи, усиленно просили у меня позволеніе оспавъся съ нами, и я, зная ихъ вѣрность и привязанность, охотно

на то согласилась. Пошлемъ Вилліама въ Киншаль; онъ нагрузитъ корабль оружіемъ, какое только намъ нужно, и тогда непріятеля воспрѣнимъ мы шакъ, какъ онъ себѣ и не воображаетъ. —

Хотя Моншей прежде и не хотѣлъ приступить къ укрѣпленію острова; но теперь согласился, подобно какъ и всѣ его поварищи, съ мнѣніемъ Амбруазинны. „Я скупъ, сказалъ онъ: и думаю, что ларчикъ, заключающій мое сокровище, не можешь бышь довольно крѣпокъ.“

Сент - Клеръ любилъ супругу свою, и горячность его къ ней ежедневно возрастала. При первомъ свиданіи его съ милымъ Амброзіемъ она внушила къ себѣ почтеніе и участіе; сомнѣнія дю Бурга о полѣ великодушнаго посланника дали противъ воли чувствамъ его нѣжное направление; но когда онъ увидѣлъ ее на турнирѣ украшенную всѣми прелестями и былъ свидѣтелемъ благородныхъ и скромныхъ ея ошвѣщень Королевъ во время

отказа . Рыцарю Лорну , то сердце его совершенно плѣнилось , и любовь умножила его мужество къ преодолѣнію своего соперника , дабы не вовлечь въ несчастіе ту , которую онъ обожалъ . Разговоръ ихъ въ Кингпалѣ , открывшій ему , что онъ былъ любимъ , сдѣлалъ любовь его страстною . Наконецъ довѣренность , съ каковою она просила его о цокровипельствѣ , когда согласилась за нимъ слѣдовать ; искренній и благородный видъ , съ коимъ она предложила ему свою руку , бывъ увѣрена сама въ любви его , довела страсть его до послѣдней степени . Не въ состояніи будучи преодолѣть ея , онъ почувствовалъ , что легче умереть ; не желая разлучиться съ Амбруазиною . Бракъ , который , говорятъ , обыкновенно умѣряетъ горячность любви , произвелъ въ Сенн-Клерѣ дѣйствіе , совсѣмъ прошивное , и прекрасная Амбруазина , блистающая красотою при Дворѣ Шошландскомъ , наследница Кингпаля , честь знаменитаго дома своихъ предковъ , не была еще столь

мила его глазамъ; какъ супруга изгнанника Моншея, одѣшая просто по Шотландски въ королевскую юбку, съ прекрасными волосами, распущенными по плечамъ. Ему пріятно было омотрѣть на нее, всходящую на гору и подающую руку маленькому Рандольфу; или, когда при встрѣчѣ крутой пропинки, она сажала его на плеча, и, подобно лани, скоро взбѣгала на вершину.

Съ самой сестры Рандольфа Мак-Грегора, Моншей — какъ мы уже сказали — искренно привязался къ малюткѣ, имъ покровительствуемому; но особенная привязанность, оказанная Амбруазиною дитяти, которое старалось плашиться ей за всю нежность юнаго своего сердца, скоро усугубила принимаемое въ немъ Моншеемъ участіе. Онъ говорилъ иногда, лаская это милое дитя: ны получилъ отъ матери своей неволькою силой обольщенія, коперую она некогда употребляла противъ меня; ибо

заспавляешь любишь себя вопреки принятаго мною намѣренія и непреодолимаго отвращенія къ твоимъ родителямъ.

Между тѣмъ весна приближалась; въ Шотландіи безпрестанно говорили о нападении на острова съ большими силами; Монтей же и товарищи его съ своей стороны ничего не упустили къ приведенію себя въ безопасность. Вилліамъ съ помощію нѣкоторыхъ изгнанниковъ привезъ изъ Киннала все, что могло служить къ ихъ оборонѣ. Другіе же объѣзжали между тѣмъ всѣ сосѣдніе малые острова и говорили жителямъ объ угрожавшей имъ опасности; всѣ клялись лучше умереть, нежели оставивъ своихъ друзей въ крѣпости. Одно обстоятельство, которое въ другое время произвело бы въ Монтея радость, было въ сію минуту причиною мучительнѣйшаго безпокойства: его милая и добрая Амбруазина чрезъ нѣсколько недѣль должна была сдѣлаться матерью. Онъ ощущалъ при единой мысли объ этомъ та-

кой страхъ, коего и всѣ соединенныя силы Шотландіи не возмоглибъ произвести въ столь мужественной душѣ. Амбруазина напропивъ того казалась весьма довольною новымъ щасшіемъ, ее ожидавшимъ, и не чувствуя ни малѣйшей горести, она смѣялась, пѣла, шутила также какъ и прежде, и всѣми возможными средствами старалась уверить своего супруга въ то, что была совершенно спокойна въ разсужденіи своей безопасности.

Однажды поутру въ Іюнѣ мѣсяцѣ, стража съ высоты башни возвѣстила, что ею усмотрѣны вдали чешыре большіе корабля, приближающіеся къ острову. Ни мало не сомнѣваясь, чтобы это не было угрожающее имъ нападеніе, жители крѣпости пошчасъ ударили въ набатъ и въ минушу сбѣжалась вся колонія. Всякой просилъ, чтобы ему назначили мѣсто, которое онъ долженъ занимать для защищенія общей безопасности; и въ которые были назначены стрѣ-

жею крѣпости; другіе сѣли на два большіе бота съ противоположной непріятелямъ стороны острова, и пристали къ Кизмаль - Вазперзіи и къ прилегающимъ къ оной островамъ, откуда возвратились предъ полуднемъ съ судами, столько наполненными людьми, что боялись, дабы они отъ тягости не пошонули. Между шѣи Моншей и товарищи его, совершенно вооружась, приготавливались къ принятію непріятеля на берегу тамъ, гдѣ бы онъ захопѣлъ пристать.

Во время сего приготовленія Моншей и друзья его съ удивленіемъ примѣчали за пошупками Амбрузианы; видъ ея былъ спокоенъ и величественъ, и хотя румянецъ щекъ ея не имѣлъ обыкновеннаго своего блеску; однакожь въ ней ничего такого не было примѣшно, что бы показывало хотя малѣйшую боязнь.

„Возлюбленная моего сердца! сказала Моншей, цѣлуя ее: на какой жребій любовь моя себя осуждаетъ!“

— На такой, котораго не перемѣню я ни на самое прекраснѣйшее дѣрство; не безпокойся обо мнѣ ни мало: молю Бога, дабы Онъ сохранилъ моего супруга и храбрыхъ друзей его. Единственное мое попеченіе при помощи Брижешшы и нашихъ женщинъ будетъ состоять въ томъ, чтобы приготовами къ вашему возвращенію праздникъ, какой приличенъ воинамъ, упомленнымъ битвою.

Иди, присовокупила она съ важно-стію: лети къ побѣдѣ; я чувствую въ сію минуту сердце свое превосходящимъ слабости моего пола. Провидѣніе, даровавшее мнѣ такого супруга, каковъ Монпей, не захочетъ, чтобы я шакъ скоро его лишилась, и чтобы первой мой младенецъ, сполько мною желанный, былъ сиротою прежде своего рожденія.—

„Героиня! возразилъ Монпей: слова твои возродились мужество и въ самыхъ презрительнѣйшихъ трусахъ; прощай на нѣсколько минутъ; жизнь супруга Амбруазины не зависить оцъ споль

слабаго могущества, каково Якова; она сопряжена токмо съ своею жизнью!" Онъ нѣжно обнялъ ее и маленькаго Рандольфа, и вышла изъ крѣпости, предводительствуя своими соповарищами. Вилліамъ принадлежалъ также къ этому малому войску. Будучи сынъ одного спарого служителя дому Роскелиновъ, и зная совершенно причину гоеній, претерпѣваемыхъ Моншемъ, онъ прилѣпился къ нему съ большимъ усердіемъ. Отецъ Вилліамовъ былъ тошъ самый Ральфъ, отъ котораго Амбруазина узнала, какія драгоцѣнности принадлежали Моншею, и послѣ сего-то увѣдомленія она послала Вилліама на островъ Барру и не раскаявалась въ своей къ нему довѣренности: ибо Вилліамъ, не смотря на нѣжную любовь свою къ Брижештѣ, скрылъ даже и отъ нее причину своего путешествія. Во время побѣга Амбруазини Ральфъ былъ въ Стерлингѣ съ Графомъ и Графиней; но возвратившись, онъ съ удовольствіемъ согласился не жела-

нію Амбруазины на соединеніе сына своего съ доброю и милою Брижешшою, и обвѣнчавши ошправиль ихъ тайно въ Киншаль.

Вилліамъ, ревнуя сохранить довѣренность и уваженіе къ себѣ своего начальника, хотѣлъ сражаться возлѣ него; но Брижешша, не способная слѣдовать примѣру твердости своей Госпожи, старалась всемѣрно удержатъ своего мужа, дабы не предавался опасностямъ, о коихъ одно воображеніе заставляло ее претепашь.

„Что это значить, Брижешша? сказала ей Амбруазина съ необыкновенною суровостію: не считаешь ли ты любовію къ своему мужу эпотъ шумъ и усилія, чшобы воспрепятствовать ему исполнять свою должность? Нѣтъ, не сердечное чувство побуждаетъ тебя къ шому, а безразсудное самолюбіе! Любовь научила бы тебя скрыть боязнь свою во глубинѣ сердца, чшобы не ослабишь мужество своего супруга въ минуты опасности.

сти! . . . Подойди, Брижешта, сказала потомъ съ кротостію, увидя ее попутившую взоры съ замѣшательствомъ: подай мнѣ руку; чувства наши и боязнь должны быть одинаковы; мы подкрѣпимъ себя взаимно.“ Она ввела съ собою печальную Брижешту въ крѣпость, и входъ въ оную тотчасъ былъ запертъ.

Тутъ собрала она всѣ свои силы и мужество, чтобы показать воинамъ видъ твердый и увѣрительный; но природа и любовь воспріяли свои права, коль скоро оспалась одна въ крѣпости; она ушла въ свою комнату, чтобы безъ свидѣтелей предаться своей горести и страху, съ сердечною молитвою къ Богу. Пробывши тамъ нѣсколько времени, она вышла опшуда гораздо спокойнѣе, опдала приказанія, чтобы приготовляли прохладительныя къ возвращенію воиновъ; потомъ, взявши яленькаго Рандольфа за руку, взошла на подзорную башню; опшуда увидѣла, что корабли непріят-

шельскіе приста и къ берегу; между тѣмъ какъ отсюда съ противоположной стороны берега плыли къ нимъ суда, наполненыя жителями сосѣднихъ острововъ, которые спѣшили на помощь друзьямъ своимъ. Не имѣя другаго свидѣтеля, кромѣ Гандольфа, обнимавшаго ее своими маленькими ручонками, Амбруазица предалась безъ принужденія сердечной поскѣ, ее удручавшей. Дитя, восхищенное видомъ оружія, блестящаго отъ солнца, оно цѣловало слезы, текущія по щекамъ усыновившей его матери, и плавало съ нею, оно плескало рученками отъ восхищенія, говоря ей: „пусти-те меня, маминька, я пойду съ ними!“

Г Л А В А V.

Моншей началъ военныя свои дѣйствія. Раздѣливши свое войско на нѣсколько отрядовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ предводителемъ по одному изъ друзей его, онъ видѣлъ, что силы его

простирались до 800 человекъ , коихъ число безпрестанно умножалось приходившими подкрѣпленіями , и хотя войско сіе , собранное наскоро , не было порядочно вооружено , ниже образовано ; однакожь всѣ имѣли оружія наступательныя и оборонительныя , и всѣ вмѣстѣ могли сопротивляться часли войска , лучше вооруженнаго и образованнѣйшаго , но меньшаго числомъ .

Моншей и войско его расположились не въ дальнемъ разстояніи отъ берега . Онъ далъ выйти нѣкоторой части неприятелей ; потомъ пошедь къ нимъ на встрѣчу , спросилъ о причинѣ высадки , и приказывалъ имъ немедленно садиться на суда , угрожая въ противномъ случаѣ принудить ихъ къ тому силою .

Сиръ Жонъ Мюррай , начальствовавшій высаднымъ войскомъ , съ удивленіемъ увидѣлъ , что неприятель былъ сильнѣе , нежели онъ считалъ ; но не обнаруживая ничего , отвѣчалъ на вопросъ , ему

едѣланнѣй: „мы пришли, именовъ Короля Шотландъ исполнить повелѣнїе, намъ данное; взять изгнанниковъ Монтея, дю - Бурга, Гамильтона, Росса и Мак-Грегора, также и шѣхъ, коихъ мы найдемъ въ крѣпости Барръ.“

— По чести, сказалъ съ усмѣшкою дю - Бургъ: „Яковъ далъ вамъ порученїе очень деликатное; но вотъ мы, возьмите насъ, ежели можете! Если вы опевезете насъ плѣнниками въ Единбургъ, то я вамъ это прощаю — Монтей, не слушая словъ, сказанныхъ дю - Бургомъ, опивчалъ съ гордостью: „Объявленное вами намъ повелѣнїе заслуживаетъ только одно презрѣнїе наше. Яковъ силенъ при Дворѣ Шотландскомъ; но онъ узнаешь теперь и могущество, неправо-судно имъ изгнаннаго. Продолжающіяся безпрерывно оскорбленїя не испребили изъ памяти нашей, что мы также Шотландцы; но пусть оспережется онъ привесши насъ къ крайности; или мы дока-

жесть ему, что Датчане и Норвежцы не забыли еще старинныхъ правъ своихъ на сии острова. Бюль отвѣтъ Королю вѣщему. Что касается до воиновъ, занятыхъ по несчастію исполненіемъ воли Короля, то я объ нихъ сожалею; они не знаютъ опасности своего предпріятія, и я по необходимости принужденъ буду пролить кровь моихъ согражданъ; но однакожь не хочу воспользоваться настоящимъ моимъ положеніемъ. Подумайте еще; разсмотрите, каковы мои силы, и припомъ вы не все еще видите. Какъ теперь сносишь въ кучи песокъ въ степи и лисья въ лѣсахъ, такъ извѣстіе объ этомъ нападеніи собереть на берега Варры всѣхъ жителей другихъ острововъ.“

— И такъ вы совершенно отказываетесь повиноваться повелѣніямъ Государя? возразилъ Сиръ Жонъ. — „Отказываемся, сказала Моншей. Въ какомъ преступленіи обвиняюшь насъ? Не можно въ томъ обвинить ни одного изъ мо-

ихъ товарищей — а мое какоежь? Не по ли, скажете вы, что я былъ на турнирѣ въ то время, когда по повелѣнію Короля долженъ быть на Баррѣ? Положимъ, я былъ тамъ; но спрашиваю Іакова, ешьлибъ онъ былъ изгнанникомъ столь же долгое время, какъ и я, не уже ли бы онъ могъ воспротивиться желанію перемѣнить мѣсто на нѣскольکو времени и испытать еще свое оружіе? Можешь быть обвиняющъ меня также въ посѣщеніи Агента Карнежія; но путешествія шребують расходовъ, и къ кому же могъ я лучше обратиться, чтобъ наполнить свою шкапулку, какъ не къ тому, которому я поручилъ собрать доходы, мнѣ принадлежащіе? Но безъ сомнѣнія величайшее мое преступленіе есть то, что я любилъ милую дѣвицу, освободилъ ее отъ жестокости опекуновъ съ пѣмъ, чтобъ была при избранномъ ею защитникѣ, который, гордясь ея выборомъ, станеть ее защищать противъ всѣхъ непріятелей до послѣдняго изды-

ханія? Вошь все, въ чемъ меня обвиняюшь. О мои сограждане! и естли еще непокорность моя къ правосудному повелѣнію можешь почтена быть преступленіемъ, то я готовъ сражаться! Теперь я предупредомилъ васъ объ опасностяхъ, взсь ожидающіихъ. Вы можете еще, естли того хотите, спокойно вѣшупить на корабли свои и возвратитсь въ Шотландію; но естли вы рѣшились исполнить непременно волю Короля, то мы готовы къ сраженію.“

Мюррай съ минушу былъ въ недоумѣніи, видя непоколебимую твердость Монтея и его товарищей; но повелѣніе Короля было самое рѣшительное — онъ долженъ былъ повиноватсь. — Вы справедливо говорите, начальникъ! сказалъ онъ на послѣдокъ: я желалъ бы, члнобъ мы были друзьями; но это не возможно: наши головы отвѣчаютъ за исполненія данныхъ вамъ повелѣній. —

„Этого довольно, сказалъ Монтей: я даю вамъ еще полчаса на размышленіе;

но день будетъ свидѣтелемъ нашего сраженія.“ Оня прервалъ разговоръ, и обратившись къ друзьямъ, поставилъ въ боевой порядокъ свое войско. Мюррай то же сдѣлалъ и съ своей стороны. Шотландское войско имѣло лучшую наружность, нежели Монпеево; но сіе послѣднее, казалось, одушевлено было неустрашимостію и мужествомъ своего начальника; и когда полчаса, назначенные имъ прошли, то всѣ просили весми себя противъ непріятеля.

„Слѣдуйте за мною, сказалъ онъ, храбрые оспровитяне! покажемъ рабамъ Іакова, что можемъ сдѣлать друзья и свободные люди! Солнце теперь надъ нами; пусть не закашится оно, не быть свидѣтелемъ нашей побѣды! Ежели непріятели наши не возвращаются на суда прежде захожденія его, то мы не исполнимъ нашей обязанности! Слѣдуйте за мной, друзья мои! вѣтъ лозунгъ будешь: побѣда, или смерть!“

Онъ сказалъ, и послѣдуемый оштро-
 витянами, повшоряющими громкимъ го-
 лосомъ послѣднiя его слова, напаль съ
 шакимъ жаромъ на непрiятеля, что безпо-
 рядокъ и замѣшательство въ тушь ми-
 нушу ошкрылись въ Шотландскомъ вой-
 скѣ. Проницательный взоръ Моншея слѣ-
 довалъ за начальникомъ ихъ Лордомъ
 Мюрраемъ. Съ самаго начала нападенiя
 онъ пошерялъ его изъ виду, и обращась
 къ нему, сказалъ: „Начальникъ! ештли
 кто нибудь изъ насъ падепъ, шо распра
 рѣшена!“ Вызванный шакимъ образомъ
 Мюррай не могъ ошказаться ошъ пое-
 динка съ Моншеемъ; но сила и искусство
 изгнанника скоро оной окончили. Мюррай
 палъ, будучи раненъ въ руку шакъ,
 что не могъ уже владѣшь мечемъ. „Я
 ошпаляю вамъ жизнь, сказалъ Моншей:
 прикажише людямъ вашимъ ошнести се-
 бя на корабль — намъ плѣнники не нуж-
 ны.“ Онъ кидается съ друзьями своими
 въ сильнѣйшую свалку; Шотландцы,
 лишенные начальника, шотчасъ начали

уступать, и наконецъ предались бѣгству къ кораблямъ. „Они бѣгутъ, сказала Сенш-Клеръ, какъ снадо робкихъ козъ предъ неушомимымъ охотникомъ; гоните ихъ на суда, но поражайте только прошивающихся. Пусть они возьмутъ своихъ раненыхъ, а мы будемъ имѣть попеченіе о нашихъ; подите искаше ихъ и отнесите шихо въ крѣпость. Они вѣдутъ шамъ всякую помощь, какую только дружба, благодарность и челоуѣколюбіе возмогутъ имъ дать.“

— Но я вижу кровь на швоемъ платьѣ, Сенш-Клеръ! сказала Россъ: не ранень ли ты? —

„Только оцарапнула рука, сказала онъ, отряхивая ее. Маленькой ножикъ Рандольфа и слзбая ручонка его, сдѣлали рану поглубже. Я радуюсь, что всѣ друзья мои живы, ласкаясь при томъ, что никто изъ нихъ еще и неранень смершельно.“

Шопландцы, пользуясь позволеніемъ, имъ даннымъ, отнесли раненыхъ на ке

рабли, а оспровившие въ крѣпость до
 то человекъ, шѣ они были приняты
 Амбруазиною. Тогда, какъ началось сра-
 жение, она, не въ силахъ будучи смо-
 трѣть на оное, оставила башни и за-
 перлась въ своей комнатѣ, чтобы сво-
 боднѣе предаться жестокой горести,
 какъ вдругъ крикъ побѣды, раздавшійся
 у воротъ крѣпости, возбудилъ ее отъ
 оной. Сошедъ на крыльцо, приняла ра-
 венныхъ и поручила ихъ спражамъ башни.
 Между шѣмъ, какъ перевязывали имъ ра-
 ны, она сама смотрѣла каждого и раз-
 давала бѣлье, вино и всякую пищу къ
 ихъ подкрѣпленію. Когда же Сент-Клеръ
 и друзья его пришли, она полетѣла
 имъ на встрѣчу и бросилась въ объятія
 своего супруга. Брижетиша, слѣдовав-
 шая за нею, скоро узнала своего Вилліа-
 ма позади Монтея, и радость ея была
 столь же велика, какъ прежде печаль. Она
 кричала, смѣялась и не выпускала его
 изъ своихъ объятій. Между шѣмъ
 какъ Амбруазина, разлучившаяся по ви-

диному безгорестно съ своимъ супругомъ, въ молчаніи орошала лице его слезами, прижимая его шихо къ своему сердцу. Но какъ были сладки эти слезы! Они были подобно весеннему дождю, предвѣщающему возвращеніе прекрасныхъ дней. „Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ Сент-Клеръ, обнимая ее: естъли бы сердце мое и не принадлежало тебѣ, то ты плѣнила бы его въ нынѣшній день. Такъ ты сотворена бышь супругою воина; твоя швердосль ободряешь его при опѣздѣ, а иѣжкость, служишь наградою по возвращеніи.“

— Я благодарю Промысль, совершившій сіе опредѣленіе, ошвѣчала она. Но скажи мнѣ, здоровы ли друзья наши, и ты милый Моншей не ранень ли? Боже! я вижу кровь на рукѣ твоей! . . . —

„Всѣ наши друзья, исключая раненныхъ, коимъ вы помогли, совершенно здоровы; а я никогда не бывалъ еще здоровѣе. Все шроисшедшее было ничшо иное, какъ дѣши-

ская игра. Лишь только увидѣли они, что раненъ начальникъ ихъ Мюррай, то побѣжали на корабли.“

— А начальникъ ихъ не убитъ ли? — спросила со страхомъ чувствительная Амбрузина.

„Нѣтъ, милая! только жестоко раненъ въ руку. Это еще благосъ Провидѣнія; въ сей щасливой день я не хотѣлъ бытъ упрекаемъ въ смерти храбраго человѣка и соотечественника. Но пойдѣмъ, милая Амбрузина, раздѣляясь съ друзьями нашими оспяющуюся у насъ пищу.“

— Вы найдете все готовымъ. Всѣ наши люди какъ мужчины, такъ и женщины исправляли нынѣ должность поваровъ. Всѣ печи, всѣ котлы, какіе только есть въ крѣпости, заняты, и не смотря на сіе, многочисленные друзья Севт-Клера, наши добрые и храбрые защитники, худо будутъ угощены. —

„Все хорошо, прекрасная Амбруазина! они удовольствуются нынѣ и шѣмъ, что только можемъ мы предложить имъ! Радость побѣды заступитъ мѣсто пиршества. Завтра мы убьемъ нѣсколько скота и постараемся ихъ лучше угостить.“

По мѣрѣ того, какъ приходили оспровищяне, сакали ихъ за длинные сполы, и прекрасная Амбруазина, при помощи Брижешты, служила имъ сама. Сент-Клеръ, забывъ свою усталость, помогаль своей супругѣ въ ея безпокойствѣ, и не преспаваль смотря на нее удивляясь ей и благодаритъ Провидѣніе. Онъ приказаль принестъ изъ погреба вина, которое было пипо при радостныхъ восклицаніяхъ: да здравствуетъ Сент-Клеръ! да здравствуетъ Амбруазина! и да погибнуть враги ихъ! Многочисленная сража бодрствовала въ продолженіи ночи, опасаясь нечаяннаго нападенія, и поушру на зарѣ имѣли удовольствіе видѣшь непріятелей своихъ въ весьма дѣльномъ разстояніи отъ оспрова:

Въ сей же самой день съѣхались на Барру и жители сосѣднихъ острововъ для поданія помощи изгнанникамъ, узнавъ объ опасности ихъ. Они приняты были наилучшимъ образомъ. Почти всѣ запасы острова употреблены были въ печеніе двухъ дней на продовольствіе ихъ и прочихъ друзей Сент-Клера, ежеминутно пріѣзжавшихъ одинъ за другимъ. На другой день всѣ они распались съ изгнанниками; каждый далъ клятву защищать ихъ жизнь и смерть, есѣли побудешь нужно.

Король Іаковъ съ крайнею досадою узналъ о пораженіи, котораго претерпѣло его войско; и Сиръ Жонъ Мюррай, не смотря на слабость свою и боль отъ ранъ, долженъ былъ явиться въ совѣтъ, чтобы дать опчетъ въ своемъ порученіи. Сиръ Александръ Ливингстонъ можетъ бытъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что мнѣніе его оправдалось самымъ событіемъ. „Ваше Ведичество! сказалъ Мюррай: не бывши свидѣтелемъ, не лзя

себѣ представишь ни храбрости, ни мужества эгихъ людей. Будучи сильны какъ львы, и бѣшены какъ шигры, они наступали на насъ со всѣхъ сторонъ. Спрѣлы ихъ несли смерть въ сердца нашихъ Шотландскихъ воиновъ. Въ первый разъ они познали страхъ, будучи снѣсены со всѣхъ сторонъ неукрѣпимыми непріятелями, и произвели замѣшательство въ рядахъ своихъ. Осфровитянежь не имѣють воинскаго порядка, вооружены спраннымъ образомъ; оружія ихъ также спранны, какъ и самый видъ ихъ. Иные имѣють мечи, другіе луки, дропки или копья, булавы и пращи; нѣкоторые имѣють даже желѣзные запоры различной длины, коихъ видъ одинъ наводитъ ужасъ, и коими низвертали все имъ сопротивляющееся. Они приближались къ намъ столь быстро, что спрѣлы и луки сдѣлались для насъ бесполезными, а только что мечи наши были намъ защишою. Къ начальнику своему Моншею имѣють они почщеніе и энтузіазмъ

даже до обожанія; да и въ самомъ дѣлѣ эпошъ молодой человекъ образованъ природою и воспитаніемъ для того, чтобы играть знаменитѣйшую ролю въ свѣтѣ; принаравливается съ чрезвычайнымъ искусствомъ къ ихъ нравамъ и обычаямъ. Онъ имѣешь со всѣми жителями сихъ дикихъ острововъ дружественное обращеніе, не теряя однакожъ важности и благоприличія, которое имѣешь внушаемъ любовь и почтеніе.“

— Сколько людей потеряли вы? — спросилъ Король.

„Около ста ранеными и тридцатью убитыми, Ваше Величество! Но сказать правду, еслилибъ побѣдитель былъ не столь великодушень, наша потеря былабъ несравненно важнѣе. Я самъ, былъ раненъ и обезоруженъ ихъ начальникомъ, и онъ могъ бы лишитъ меня жизни, еслили бы захотѣлъ. Я долженъ опдаться ту же справедливость и прочимъ изгнанникамъ; по примѣру Моншея, они говорили сражающимся: „пощадимъ непрошива“

щихся, удалите ихъ шолво къ кораблямъ.“

— Измѣнники! сказалъ Король, и обращаясь къ приближеннѣйшимъ изъ придворныхъ, продолжалъ: кто изъ васъ хочеть принять на себя сіе дѣло? Я намѣренъ заправить эшихъ лисиць въ логовищахъ ихъ, хошя бы стоило мнѣ 1000 человекъ. Сиръ Жамесь Спуартъ! онъ похищилъ у васъ наследницу Киншала; хотипе ли вы начальствовать въ эпомъ походѣ? —

„Извините меня, Ваше Величество! Во всякомъ другомъ случаѣ я готовъ жертвовать жизнью для исполненія воли вашей; но не могу обнажить меча противъ Моншея, и съ крайнею горестію вижу его въ немилости у Вашего Величества.“

— Я не ожидалъ такого отвѣта, сказалъ Король: но ошъ сего измѣнники не избѣжатъ своей участи. Имѣніе одного шолво Моншея конфисковано; пусть конфискують также и шоврищей его;

такъ какъ имѣніе и земля наследницы
Киншала. Слышите ли вы, Ливинг-
стонъ? —

„Позвольте мнѣ, Ваше Величество,
опивчаль придворный, споль же вѣрный,
еколь и опышный: спросишь васъ, хоро-
шо ли вы разсмотрѣли послѣдствія, мо-
ущія произойти ошъ такихъ мѣръ? Мы
уже видѣли, что можетъ сдѣлать Мон-
шей. Ксшьли же подданные Росса, Га-
милъсона и Мак-Грегора примушъ уча-
стіе въ дѣлѣ его и соединатся съ друзь-
ями его, тогда горе нашему ошечеству,

Бъ того разоренному гражданскою
ойною; тогда принуждены мы будемъ
опвлечь силы наши на сѣверъ для укро-
щенія сего ужаснаго бунта, между тѣмъ
какъ югъ оспанется опкрытымъ для
Англичанъ, кои, не смошря на наспо-
щій миръ, не упуетяшъ ешоль благошрят-
наго случая воспользовашься нашимъ не-
согласіемъ.“

Сиръ Жамееъ Стуартъ и многіе
Вельможи подкрѣпили мнѣніе Ливингсто-

на, и совѣтъ разошелся, не сдѣлавъ никакого опредѣленія.

Спустя нѣсколько дней, Ливингстонъ имѣлъ особенный разговоръ съ Королемъ, въ которомъ представилъ въ столь сильныхъ доказательствахъ опасность конфисковать имѣнія изгнанниковъ, что предпріятіе сіе было наконецъ оставлено. Одно только имѣніе Сент-Клера оставалось въ рукахъ Графа Роскелина, какъ и прежде.

Извѣстіе о происшествіи въ Баррѣ ожесточило еще болѣе сердце Графа и его гордой супруги. Что касается до Еленоры, то обладаніе могуществомъ и въ лиціемъ, казалось для нее уже неважнымъ, и по словамъ Амбруазины, она въ нѣдрахъ пышности и изобилія завидовала участи супруги изгнанника Сент-Клера. Дошедшій до нее слухъ о щастіи, которымъ они наслаждались во взаимной любви, и ревность умножила ненавистныя споражи, наполнявшія ея сердце. Жопіа

она и отвергла Моншея, но мысль, что онъ щаспливъ въ объявіяхъ другой, была для нее несносна. Напрошивъ того вдовспвующая Лада Роскелинъ послѣ встрѣчи ея съ Моншеемъ въ капеллѣ жила очень уединенно или въ Замкѣ Роскелиновъ, или въ помѣстьѣ Евзлалъ. Она терзалась съ одной стороны страхомъ, чтобъ Сиръ Жамесъ не открылъ того, чему онъ былъ свидѣтелемъ въ церкви; съ другой же угрызениями совѣсти, кои умножались съ ея лѣшами. Гордоснѣ, покрывшая въ ней всѣ чувства природы, была для нее теперь наказаніемъ. Она пренестала при одной мысли увидѣть разрушеніе зданія, воздвигнутаго ея успешностію, стыдъ и жестокость ея открытыми свѣшу, для коего она всѣмъ пожертвовала, но болѣе всего терзалась она, представляя о своихъ несправедливостяхъ, наказаніи, которое она за нихъ получила, и тѣхъ непріятностей, кои безъ сомнѣнія еще ожидали ее. Она думала въ первый еще разъ, что поше-

ря ея внука, вскормленнаго ея попеченіями, была прямое наказаніе Небесъ за ея несправедливость къ своему первородному; сынъ, котораго Роскелины имѣли послѣ, не могъ вознаградишь сію потерю; онъ былъ слабо сложенія и такъ испорченъ своими родителями, что она вовсе имъ не утѣшалась. Къ симъ тайнымъ горестямъ присоединился еще нѣкоторой раздоръ съ дѣтьми своими. Характеръ Елеоноры не могъ согласоваться съ ея свойствами, и самыя отношенія ихъ другъ къ другу были ничто иное, какъ продолжительная ссора; ихъ гордость и требованія не могли ни въ чемъ быть согласны. Когда Графъ и его супруга пошли просить Короля послать войско на Гарру, чтобы захватить Сент-Илера, Лади Роскелинъ не только совершенно отказалась подкрѣплять ихъ, но старалась всячески отвратить ихъ отъ такого поступка. Она не могла скрыть ни своей горести, когда имъ сіе удалось, ни своего удовольствія, когда узнала о

шобѣдѣ, одержанной изгнанниками. За тѣмъ послѣдовали домашнія ссоры, сшолъ жаркія, что она опсправилась въ свое по мѣстѣ, и шамъ, казалось, занималась шолько благочеспивыми дѣлами и подае ніемъ милосптыни, надѣясь успокоить гласъ своей совѣсти.

Г Л А В А VI.

Миръ водворился на островѣ Баррѣ, и все вскорѣ приведено было въ порядкъ. Амбруазина родила дочь, будучи всегда равнодушна какъ въ болѣзняхъ, такъ и опасноспяхъ. Она не показала ни малѣйшей боязни, и не хотѣла нико го имѣть при себѣ, кромѣ Брижетишши и няньки Рандольфа; съ швердостію пере несла мученіе, съ ксимъ сопряжено удо кольствіе бытъ матерью, и сдѣлалась ею гораздо щасплавѣе, нежели надѣялся Моншей въ сію рѣшишельную минушу. Безнокойспва сего нѣжнаго супруга были чрезвычайны. Когда онъ вошелъ въ ком-

шану жены своей, Рандольфъ, давно уже ожидавшійся сей минуты, проскочилъ туда же, и чтобы его не выгнали, спрятался за кровашный занавѣсъ. Монней бросился къ кровати, гдѣ новорожденное дитя покоилось на рукахъ матери. Онъ поцѣловалъ обѣихъ съ радостнымъ восторгомъ, благодаря Небо за щасливое разрѣшеніе Амбруазины. Чувствительная нѣжность ея супруга испрѣбила въ сердцѣ ея даже и воспоминаніе о шѣхъ мученіяхъ, кои возрѣніе на дымящую уже иѣсколько въ ней ослабило.

„Прощу тебя, Бент-Клеръ, сказала она съ веселостію: умѣрь твою радость; она не долговременна. Ты хотѣлъ безъ сомнѣнія маленькаго воина, а я даю тебѣ только дочь. Чтожь до меня касается, сказала она улыбаясь: то это такъ меня унижаетъ, что я не хочу хранить мою малютку; уневи ее, я тебѣ отдаю, и увѣрена, что ты самъ неусыпное будешь имѣшь объ ней попеченіе.“

— Охотно, сказалъ онъ, прижавъ ее къ сердцу: мнѣ кажется, что она имѣетъ уже швой черны, тогда она будетъ для меня дороже всѣхъ мальчиковъ въ свѣтѣ, которые на тебя не походяшь. —

„Это не будетъ для меня одобреніемъ, сказала Амбрузина: ласкавшись надеждою усугубить мое благополучіе маленькимъ Сент-Клеромъ, на тебя ложишь, я имѣю только маленькую Амбрузину: не хочу ее, говорю тебѣ, унеси ее. . . .“

— Такъ, я ее возьму, сказалъ Рандольфъ, высунувъ свою прекрасную голову изъ-за занавѣса, его скрывавшаго: отдайше ее мнѣ, я буду ее оберегать, ходишь за нею и нѣжно любишь; она вся будетъ мнѣ принадлежать. Дай мнѣ ее, пшашинька, прошу тебя. —

Моншей улыбнулся, положилъ малютку на руки ея матери, и выплащивъ Рандольфа изъ мѣста, гдѣ онъ былъ скрытъ, положилъ его также на постель

Амбруазины, чтобъ онъ могъ видѣть и ласкаться по своей волѣ новую свою сестру. — О! какъ она мила, говорилъ онъ, цѣлуя маленькія ея рученки: ошдадите ли вы ее мнѣ? —

„Да будутъ слова твои пророческими, милый Рандольфъ! сказала Амбруазина: предопредѣленія Небесъ неизвѣстны людямъ; но кто знаетъ, естли сіи два невинныя существа не назначены водворить миръ и согласіе въ домъ Роскеллиновъ.“

— Ты не много мечтательна, сказала ей Моншей: твоя привязанность къ Рандольфу заставляетъ тебя забыть, отъ чьей крови онъ произошелъ. —

„Милый Моншей! отвѣчала она: не благополучиѣйшая ли я изъ женщинъ съ супругомъ, происшедшимъ отъ той же крови? Ты не наследовалъ пороковъ своихъ родителей, и онъ будетъ таковъ же.“ Брижешта и кормилица спали бранишь, что заставляли говорить родильницу. Кормилица увела Рандольфа, котораго

должно было взять насильно; онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ унеоши свою маленькую сестру, какъ ему принадлежащую, говорилъ онъ, и его крикъ раздавался по всей крѣпости. Привели Священника изъ Кизмула, который окрестилъ новорожденную. Рыцарь дю-Бургъ былъ воспреемникомъ и далъ ей имя Фиаппина; но Сент-Клеръ желалъ, чтобъ она носила любезное для него имя Амбруазины. Только для различенія ее отъ матери всѣ привыкли называть ее сокращенно Зиною. — Здоровье Амбруазины возвратилось вмѣстѣ съ прелестями; скоро могла она въ свою очередь помогать Брижестѣ, которая также сдѣлалась матерью и гордилась, давши сына своему Вилліаму. Добрая госпожа ея позволила ей держать его при себѣ и кормить. Сии двѣ молодыя матери и дѣти ихъ еще болѣе усугубили благополучіе жителей крѣпости. Моншей, болѣе и болѣе плѣняясь своею любезною супругою, не могъ смотрѣть на нее безъ удивленія, когда

она кормила первый залогъ любви ихъ. Въ концѣ года все было мирно на Баррѣ, а съ наступленіемъ весны посѣтилъ ихъ Сиръ Александръ Мак-Грегоръ. Онъ былъ свидѣтелемъ ихъ щастія и поздравлялъ ихъ, просилъ Сенш - Клера мирно наслаждаться онымъ и ожидать терпѣливо перемѣны жребія; онъ основывалъ благопріятную надежду на молодомъ Рандольфѣ, и ежедневно радовался, давши имъ совѣтъ удержатъ его и воспитывать въ своемъ семействѣ, обѣщая изъ того великую пользу. Проведши три мѣсяца въ вѣдрахъ дружбы, онъ съ сожалѣніемъ оставилъ ихъ и обѣщалъ часто посѣщать.

Дѣти Рандольфъ и Зина возрасали ежедневно по лѣтамъ своимъ въ красотѣ и силѣ, а болѣе всего въ дружбѣ. Пылкій мальчикъ успокоивался по цѣлымъ часамъ, играя съ маленькою Зиною и изобрѣшая тысячу способовъ забавлять ее; а Зина, не умѣвши еще говорить, улыбалась, когда онъ входилъ, протягивала ручки и даже на колѣняхъ своей матери

плакала, чтобы идти къ нему. Между тѣмъ онъ началъ приходить въ такія лѣта, въ кои воспитаніе дѣлается необходимымъ. — Ученый Гамильтонъ взялся образовать его, а подъ руководствомъ такого учителя усѣхъ были быстры. Не только по чертамъ лица походилъ Рандольфъ на Монтея, но въ нѣкопрыхъ отношеніяхъ и по характеру. Будучи гордъ и опваденъ, онъ не спрашилъ никакой опасности, и часто даже искалъ ее; преисполненный же великодушія и чувствительности, онъ, не смотря на пылкость своего темперамента, всегда наступалъ гласу разума, а болѣе еще дружества: одно слово, одинъ взглядъ, пошчасъ приводили его въ себя. Онъ сдѣлался веселѣе со времени рожденія Зины; не имѣя товарища игръ своихъ, онъ присматривался къ сему дитяти такъ, что все можно было получить отъ него, обѣщая въ награду позволеніе играть съ Зиной. Будучи старѣе ее четырью годами и сильнѣе по своимъ лѣтамъ, могъ

онъ безъ всякой опасности возить ее въ маленькой колясочкѣ, носить на спинѣ и поддерживать слабыя ея ноги, когда она училась ходить. Амбруазина, копорая, не смотря на представленія Сент-Клера, не могла оставить любимой ея мысли соединить нѣкогда двухъ милыхъ дѣтей, видѣла съ удовольствіемъ эту сладкую дружбу между ими. Пріятнѣйшія для нее минуты были тѣ, когда сиди на правѣ, имѣя Рандольфа съ одной, а Зину съ другой стороны, вмѣшивалась въ ихъ дѣтскія игры и прижимала ихъ къ груди своей. Ея тщаніе не замедлило вскорѣ усугубиться. Зинѣ не минуло еще двухъ лѣтъ, какъ Амбруазина родила ей брата, коего Жамеъ Россъ былъ воспреемникомъ. Хотя онъ и увѣщавалъ все ея желанія своимъ пологъ и сходившій съ Сент-Клеромъ, однакожъ ни сколько не умалилъ любви своихъ родителей къ Рандольфу и Зинѣ, а только чью раздѣлилъ оную съ ними. Зана приняла сперва сего маленькаго незнакомца

съ нѣкоторою ревностію, и говорила, что она больше любила Рандольфа; но скоро къ нему привыкла, показывая однакожь болѣе пристрастія къ первому. Одинъ былъ ея милый братецъ Рандольфъ, а другой маленькой братецъ Жамеъ. Съ самаго рожденія сего дитя, то есть въ печеніи чепырехъ лѣтъ, ничто не могло нарушить спокойствія, царствовавшего на островѣ Барръ. Жители крѣпости почти забыли, что на оной изгнаны и были шакъ щастливы, что имъ казалось, будто жилище сіе ими самими избрано; имѣя во всемъ изобиліе, они раздѣляли оное со своими сосѣдями. Если бѣдный островитянинъ потерялъ корову, козу, овцу, то ему стоило только сказать въ крѣпости, и его потеря была вознаграждаема. Управитель Киншала исправно доставлялъ Амбрузинѣ ея большіе доходы. Россъ Гамильшонъ и Робертъ Мак-Грегоръ получали шакже свои, кои Сиръ Александръ присылалъ имъ, и они помоществовали съ своей стороны

въ удовлетвореніи общихъ нуждъ. Естлиа Мюншею казалось иногда прискорбно, что онъ не могъ принимать въ томъ участія, то щепашельно старался скрывать сіе отъ своей супруги и друзей, а удовольствіе бытъ одолженнымъ ихъ дружбѣ утѣшало оскорбленную его разборчивоснѣ.

Миромъ, коимъ они наслаждались на Баррѣ, одолжены были наиболѣе внушрешнимъ безпокойствамъ, волновавшимъ Государство, и занимавшимъ умы, нежели доброжелательству Двора. Неудовольствія между Королемъ и Вельможами ежедневно умножались, и Таковъ, боясь возжечь пожаръ, коего онъ не могъ уже потушить, уступилъ наконецъ желаніямъ своего соеѣна, и освавилъ на время оспрогъ и изгнанниковъ въ совершенной тишинѣ.

ГЛАВА VII.

Около шестипи недѣль послѣ праздника Рождества Христова, въ 1457 году, чрезъ семь лѣтъ послѣ нападенія на из-

гнанниковъ , въ одно время какъ они собравшись вечеромъ вкругъ камина, дружески разговаривали, вдругъ звукъ рога возвѣстивъ о прїѣздѣ иностранца. Въ сіе дождливое и холодное время года никакого посѣщенія не было ожидаемо на Баррѣ; они изъ того заключили, что какое нибудь необыкновенное происшествіе, относящееся къ дѣламъ того времени, могло только привести кого нибудь къ нимъ, пошли освѣдомиться, кто бы это такой былъ. Къ удивленію и удовольствію увидѣли стараго своего друга Сира Александра Мак-Грегора. Онъ былъ дружески принятъ, сѣлъ возлѣ камина, и наливъ рюмку вина, сказалъ: „За твое благополучіе, Сент-Клеръ! твоего гонителя уже нѣтъ на тронѣ; Іаковъ Шотландскій палъ, и теперь ничто иное, какъ ледный прахъ!“

Всѣ изгнанники были поражены удивленіемъ. — Іаковъ скончался, сказала Моншей: какая удивительная новость! Онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и здравія, и дол-

женъ былъ еще надѣясь продолжитъ своей жизни. —

„Ни здоровье, ни лѣта не могутъ сохранить челоѵка отъ измѣны и убійства, сказала Сиръ Александръ. Сиръ Робертъ Грангамъ, коего онъ изгналъ, сошавилъ тайно заговоръ; Король лишилъ его наслѣдства, а онъ его жизни.“

— Нещастный Яковъ! сказала Монтей съ чувствительностію: ты былъ мой непріятель; но я не желалъ своей смерти; я не могу не оплакать своего нещастнаго конца и не сожалѣть о тебѣ во глубинѣ души; но прошу васъ, Сиръ Александръ, расскажите намъ о подробно-стяхъ сего ужаснаго происшествія. —

Сиръ Александръ открылъ имъ, что Балперъ Графъ Апольскій, Сиръ Робертъ Грангамъ и многіе другіе умыслили на жизнь Короля; что они выбрали для исполненія сего предпріятія праздникъ Рождества, который онъ долженъ былъ провести въ Перцѣ, гдѣ всѣ они напали на него въ его спальнѣ, и что Король за-

щищался мужественно нѣсколько времени, но бывъ спѣсненъ многолюдствомъ своихъ непріятелей, палъ мертвъ, получивъ 28 ранъ.

„Нещасный человѣкъ! сказала Амбрузина, опирая слезы: онъ слишкомъ заплашилъ за свои пороки, которые скоро будутъ забыты, и останутся въ памяти одни только его добродѣтели и нещастія!“

— Для чего не былъ я при немъ, вскричала Моншей, чѣмъ бы защитилъ его. Особа Монарха должна быть священна, и небесное мщеніе постигнетъ виновниковъ сего злодѣйства! Королева была ли съ нимъ? —

„Была, и не избѣжала бы смерти безъ сына Сира Роберта, который, удерживая руку убійцы, кричалъ: поношеніе тому, кто ее пронетъ! Она получила двѣ раны, стараясь защититъ Короля; брательникъ Графа Марша убить; а прекрасной Екатерины Дугласъ, одной изъ придворныхъ Дамъ Королевы, переломили руку.“ Всѣ

жишли крѣпости объяшы были ужасомъ, услышавъ о семъ поступкѣ.

— Естли бы онъ скончался спокойно въ постелѣ, сказалъ дю-Бургъ: то признаюсь, что естественная смерть несправедливаго ушѣснителя не огорчила бы меня; но природа возстаешъ противъ шакого варварства. Схвачены ли убійцы? —

„Они схвачены и мучительнѣйшая казнь ожидаетъ ихъ. Королева-мать собрала потчасѣ Парламентъ; молодой Король едва имѣетъ семь лѣтъ.“

— Кому поручатъ правленіе? — спросилъ Сенш-Клеръ.

„Графу Аршибальду Дугласу, по крайней мѣрѣ такъ думаюшъ; ибо онъ еще не управляетъ дѣлами.“

— Посреди сего замѣшательства я имѣю величайшую причину благодарить Высочайшее Существо, сказала Амбруазина: сколько за то, что Монтей и наши друзья пребыли столь долго въ спокойствіи, а наипаче, что бурное время

совокупило ихъ вмѣстѣ на нѣсколько мѣсяцовъ на Баррѣ не для какихъ-либо занятій, но для забавы съ дѣтьми нашими безъ постороннихъ свидѣтелей. —

„Для чего вы симъ такъ довольны, милая Амбруазина? Бриги ваши злы; хотя и не могли бы они опнестъ на счетъ вашъ столь явно содѣянное преступленіе, но могли бы очернить и обвинить въ соучастіи.“

— Замѣчанія Лади Амбруазины справедливы, сказалъ Сиръ Александръ: гораздо лучше, Моншей, чпюбъ вы были забыты въ сіи минуты; предоставьте времени и правосудію ваше дѣло; мрачные дни прошли и щастіе скоро васъ озаритъ. —

„Щастіе! вскричала Моншей, обнявъ Амбруазину: нѣтъ еще смерпнаго, кто былъ бы меня щаспливѣе! Воля мое щастіе! да продолжится во всю жизнь мою то, чпо вы называеше мрачными днями.“

— Подлинно, сказала Амбруазина: на Баррѣ нашли мы истинное благополучіе;

но оно будетъ вездѣ съ Сенш - Клеромъ, Вѣдная Королева, прибавила она, какъ она несчастна! Наше изгнаніе не лучше ли окровавленнаго шрона? Гдѣ найдетъ она утѣшеніе? Пошеряшь еѹпругѣ и такимъ образомъ . . . ахъ, Боже! какъ она жалка! —

„Вы забыли, сказалъ дю-Бургъ, что живъ еще Рыцарь Лорнъ. Теперь безъ сомнѣнія Королева весьма благодарна вамъ, что вы отпказали дашь ему руку вашу. Она не будетъ такъ упряма!“

— Это правда, я и забыла нашего друга Стурша, сказала Амбрузина: но какъ вы это знаете? —

„Въ любовныхъ дѣлахъ я имѣю глаза рысьи, опивчалъ дю-Бургъ, или духъ пророческій, въ кошоремъ я никогда не ошибался. Помнише ли вы, Лади, какъ я сначала угадалъ, что прекрасный мальчикъ Амбрезій выйдешъ за - мужъ за нашего друга Сенш - Клера — обманулся ли я? Думаю, что сей случай оправдалъ мое искусство.“

— Дай Богъ ,ѣ чтобы вы предузнали также справедливо о Королевѣ и Рыцарѣ Лорнѣ , сказала Амбруазина : да наградишь любовь знаменипаго. Спурта за его великодушіе ; а Королева да найдетъ въ его сердцѣ болѣе благополучія , нежели на тронѣ ! Пойдемъ ужинашь , примолвила Амбруазина , вставая и подавая руку Сирѣ Александру. Хотя Іаковъ былъ нашъ непріятель ; но смерть его произвела въ насъ столь горешное впечатлѣніе , что едва присущствіе ваше можетъ разсѣять оное. —

Сиръ Александръ пробылъ не много въ крѣпости. Увлекаемый любопытствомъ узнать , какъ пригошовлялось все при Дворѣ для новаго правленія , онъ обѣщаль имъ скоро опять увидѣться , или по крайней мѣрѣ увѣдомить , что случишся важнѣйшаго.

Г Л А В А VIII.

Въ концѣ года не было никакого важнаго произшествія при Дворѣ Шотландскомъ. Графъ Дугласъ умеръ, и Сиръ Александръ Левингстонъ заступилъ мѣсто его въ правленіи Государствомъ. Вилліамъ Хрикстонъ получилъ мѣсто Канцлера, и слѣдовательно управление гражданскихъ дѣлъ. Такое раздѣленіе власти имѣло весьма худыя слѣдствія. Правитель и Канцлеръ были въ непрестанныхъ ссорахъ; одинъ оспаривалъ распоряженія другаго, такъ что не было уже никакого благочинія, ниже обузданія пресупленій. Самыя ужаснѣйшія злодѣйства производились ненаказанно, и цѣлое Государство было теплпрокъ замѣшательствъ.

Моншей и друзья его почитали за щастіе изгнаніе свое на Барру. Они не чувствовали никакого желанія выдти изъ оного и пристать къ кошорой нибудь изъ мяшежныхъ споронъ, спорящихъ о

I 2

преимуществѣ власти, и слѣдуя совѣту Сира Александра, они разсудили остаться въ забвеніи по крайней мѣрѣ до шѣхъ вѣрѣ, пока споръ сей рѣшится. Прицаявъ шаковое намѣреніе, и будучи удалены отъ шуму и безпокойствъ Двора, они занимались единственно воспитаніемъ дѣтей, что было главнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ для общества ихъ упражненіемъ. Рандольфъ имѣлъ быстрые успѣхи не только въ наукахъ, но даже въ пріятныхъ искусствахъ и занятіяхъ, приличныхъ его рожденію. Зина была подъ непосредственнымъ руководствомъ мадемуазель своей, на которую откровенно походила какъ лицомъ, такъ и характеромъ, почему и была нѣжно любима своимъ отцемъ. Жамесь Монтей начиналъ также учиться; онъ походилъ на Рандольфа и отца своего. Амбруазина съ годъ уже питала втораго сына, названнаго Сенш-Клеромъ, маленькаго любимца всѣхъ. Такимъ образомъ прошли еще шесть лѣтъ пріятныхъ и спокойныхъ, въ продолже-

вѣи коихъ они узнали, что Королева
 вышла за-мужъ за Сирь Жамеса Стурта,
 и что первое употребленіе власти, при-
 обрѣтеной имъ чрезъ сіе супружество,
 состояло въ исходатайствованіи у Ле-
 вингстона опрѣвѣнныя опредѣленія, по копо-
 рому конфисковано имущество Сент-
 Клера въ пользу Роскелиновъ; но изгна-
 ніе на Барру не было опрѣвѣнено, не смо-
 тря на неотступныя прозбы Стурта.
 Левингстонъ боялся, чтобы во время
 междоусобія и возмущенія такой чело-
 вѣкъ, каковъ Моншей, не усилилъ собою
 той стороны, къ коей приспанеть. Сент-
 Клеръ былъ весьма доволенъ возвращені-
 емъ своего имущества, и что онъ въ
 состояніи находился въ свою очередь
 быть благодарнымъ. Таковое удоволь-
 ствіе его раздѣляла съ нимъ и Амбруази-
 на; но наиболѣе упѣшало ее то, что
 актомъ не опрѣвѣнялось продолженіе сыл-
 ки, которая представляла имъ пол-
 ную свободу остаться на своемъ остро-

въ безъ всякой опасности; Амбруазина замѣтила сіе Сенш - Клеру.

„Любезная моя! ошвѣтствоваль онъ ей: я думаю, что ты первая женщина, которая радуется заключенію своему въ дикой пустынь. Будучи сотворена для того, чтобы блистать въ обществѣ и покорять сердца; наиболѣе однакожь должно удивляться въ тебѣ таковому постоянному чувствованію послѣ столь долговременнаго уединенія.“

— Ты ли тому удивляешься, милый Моншей! Не наскучило ли тебѣ самому изгнаніе и швоя Амбруазина? —

„Ахъ! какъ тебѣ грѣшно, Амбруазина! ты знаешь, что четырнадцать уже лѣтъ, какъ ты дѣлала меня щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, отдавъ мнѣ свою руку, которую я принялъ, какъ даръ Небесъ! Ты мнѣ казалась ежедневно любезнѣе и достойнѣе обожанія, и мѣсто, гдѣ я тебя почти всегда и придемъ одну вижу, есть для меня мѣ-

ешо утѣхъ; но чѣмъ болѣе я чувствую
 свои совершенства, тѣмъ болѣе мучусь
 совѣстію, что извлекъ себя изъ обще-
 ства, гдѣ бы ты была въ одно время
 иримѣромъ и предметомъ всеобщаго уди-
 вленія: возможно ли, чтобы ты когда-
 либо не сожалѣла о семъ? "

— Нѣтъ, подлинно, милый Монсей!
 напрошивъ я не преспазвала благодарить
 Бога за мой выборъ; дай мнѣ мою люп-
 ню, ты не знаешь еще всѣхъ моихъ па-
 ланшовъ, сказала она улыбаясь: я хочу
 тебѣ спѣшь нѣсколько куплетовъ, ко-
 торые сочинила я на сей предметъ. —

Она настроила люпню и съ нѣжнѣй-
 шимъ выраженіемъ пѣла сіи куплеты:

Я воздухомъ дышу чистѣйшимъ на горахъ,
 Величіе Двора и пышность презираю;
 Героя сдѣлавшись супругой въ сихъ мѣстахъ,
 Блаженство съ славою я здѣсь соединяю;
 На бурномъ островѣ, въ скалахъ бесплодныхъ
 сихъ,
 Могу спокойствіемъ душевнымъ наслаждаться,
 И по лицу только рай для сердца, чувствъ
 моихъ,

Чтобы съ любезнымъ мнѣ во вѣкъ не разста-
вагильомъ.

Волченія Двора одни опасны мнѣ,
 Забавы ложныя и пагубно кокетство;
 Но я избѣгла ихъ, не страшны здѣсь оябъ:
 Въ Слани-Клерѣ я нашла все счастье, все
блаженство!

„Бѣдная Амбруазина! ты нѣла о сво-
 емъ благополучіи, не предчувствуя же-
 сточайшихъ горестей, могущихъ распер-
 зать сердце женщины.“ Съ того времени,
 какъ Моисей воспользовался правомъ на
 свое имѣніе, ему хотѣлось осмотрѣть
 его лично и удостовѣриться въ благопо-
 лучіи въ своихъ подданныхъ; но по
 причинѣ близости помѣстій его отъ
 столицы это сопряжено было съ боль-
 шею для него опасностію. Амбруазина
 заклинала его оставить такое путеше-
 ствіе, и онъ безъ труда успокоилъ ее
 въ томъ; но она не могла однакожь
 споль же легко отвратить его отъ дру-
 гаго благодѣтельнаго предпріятія.

Сильная буря причинила великія опу-
 стошенія на сосѣднихъ островахъ, а

особливо въ Бенъекулѣ. Сентъ-Клеръ, видя уже себя въ состояніи помочь несчастнымъ, разсудилъ самъ отправиться туда, и узнать, въ чужь онъ могъ бытъ имъ полезенъ; взявъ съ собою одного только Росса, онъ оставилъ островъ Барру на нѣсколько дней и отправился въ Бенъекулу.

Время, опредѣленное на это благотворительное посѣщеніе, уже прошло; Амбрузина съ часу на часъ ожидала Сентъ-Клера. Часы, дни, цѣлая недѣля, и другія пропекли, а онъ еще не возвращался, и не было объ нихъ никакого извѣстія. Сильное безпокойство овладѣло его и всѣми друзьями, съ нею оставшимися. Корабль былъ посланъ въ Бенъекулу съ Вилліамомъ, чтобы узнать на всѣхъ сосѣднихъ островахъ и въ Бенъекулѣ о Монтеѣ и Россѣ.

Такая предосторожность, показывая Амбрузинѣ страхъ друзей Сентъ-Клера, умножила вмѣстѣ и ея страхъ, кошо-

рый потомъ шакъ овладѣлъ ею, что она не въ силахъ уже была скрыть его. Безпрестанно проливая слезы, и имѣя расперзанное горестнѣйшими предчувствіями сердце, она не выходила болѣе изъ своей комнашы и никого не принимала, кромѣ Брижешшы, Рандольфа и дѣшей своихъ. Предъ ними шолько открывала мучительнѣйшія чувствованія свои. „Увы! дѣши мои, говорила она имъ: какъ вы мнѣ дорого споните! безъ васъ я бы сопутшвовала Моншею; въ какой ни находился бы онъ опасности, я бы раздѣлила ее съ нимъ; а ешълибъ онъ погибъ, то и я умерла бы шакже. Нещасная! мнѣ опредѣлено пережить его, это нужно для дѣшей нашихъ; для тебя, Зина, любимица отца швоего! для тебя Жамесъ, живое его подобіе! для тебя невинный малюшка, Сенш - Клеръ! ты болѣе всѣхъ напоминаешь мнѣ объ немъ; ты улыбаешься посреди моей горести: для тебя - шо наиболѣе оспалася я въ Барръ!“

— Машушка! сказала Рандольфъ, оширая слезы, шекущія изъ глазъ его: что я сдѣлала? для чего вы ничего объ мнѣ не упоминали? —

„Милое дитя! добрый Рандольфъ! сказала она, обнявши его: я шебя также горячо люблю, какъ и прочихъ; но ты не имѣешь такой нужды въ попеченіи нецаспной швоей матери, какъ она; и ешьли опчаяніе засшавишь меня послѣдовашь за опцемъ швоимъ, тогда ты будешь имъ вмѣсто насъ!“

— Не произносите сихъ мучительныхъ словъ, машушка! опшвѣшспвовала на ласки ея Рандольфу: не предавайшесь опчаянію; башюшка возврашися, сердце мнѣ говоришь эшо. Конечно неподвиимый только случай замедлил его возвращеніе. Ешьли Вилліамъ не привезеть намъ никакого извѣспія, шогда позволне мнѣ опыскивалаь башюшку: я объѣду, ешьли нужно, кругомъ свѣта, чтобы найши его и возврашися вамъ. —

„Дитя мое! сказала она со взором ошчаянія: Сент-Клера нѣтъ на охвѣтѣ; во глубинѣ пространнаго моря должно будешь искать его; оно безъ сомнѣнія поглотило его невозвратно. Судно, на которомъ онъ возвращался, погибло, и съ нимъ рушилось благополучіе Амбруазины и несчастныхъ дѣшей. Мы лишились его навсегда!“

— О, матушка! не предавайшесь сей жестокой мысли. Рыбаки, привыкшіе на такихъ малыхъ судахъ плавать между островами, такъ хорошо знаютъ всѣ подводные камни, что почти не возможно и думать, чтобы могло случиться съ ними какое-либо несчастіе въ хорошее время года. —

Возвращеніе Вилліама оправдало нѣкопорымъ образомъ опасеніе Амбруазины; онъ не привезъ никакого извѣстія, кромѣ, что Монтей и Россъ, пробывъ два дни въ Бенъекулѣ, уѣхали опшуда на шомъ же суднѣ и съ шѣми же двумя рыбаками,

кошорые ихъ сопровождали, что они не приставали ни къ какому острову, и что самые островляне не видали ни одного судна во все это время, исключая одного Датскаго корабля, который стоялъ на якорѣ нѣсколько дней близъ противоположнаго берегу.

Въ совѣтъ, кошорой явились Гамиль-нонъ Мак-Грегоръ, дю-Бургъ и ихъ товарищи, мнѣнія были различны; но наконецъ всѣ ушвердились на одной мысли, что Моншей и Россъ погибли какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ. Долгременное спокойствіе, коимъ Сенш-Клеръ наслаждался, не бывъ гонимъ со стороны своихъ непріятелей, подало поводъ къ заключенію, что ими сдѣлано пропивъ него какое нибудь злоухищреніе. Рандольфъ, по разсудку, мужеству и мѣжності къ лицу своему превосходящій лѣта свои, допущень былъ къ сему совѣту, въ кошоромъ необыкновенною швердостію своею удлилъ всѣхъ. Онъ

повторилъ имъ, что сказалъ Амбруазинъ, то есть былъ увѣренъ, что Монтей не погибъ на морѣ. „Я часто слыхалъ, примолвилъ онъ, что батюшка и въ разговаривали иногда, о его непріятеляхъ; не существуютъ ли они и нынѣ? Акъ, возвратившій ему право на имѣніе, коимъ несправедливо пользовались Роскеліны, не возбудилъ ли еще болѣе ихъ ненависти и мщенія? О Боже! вскричалъ онъ съ опчаяніемъ: можешь быть они, завлекши его въ сѣти свои, лишили жизни; еспьли эшо такъ, то хощя я и молодъ еще, но клянусь посвящю жизнь мою для отмщенія — и Лордъ Роскелинъ погибнетъ отъ руки моей!“

Всѣ взглянули другъ на друга, ужаснувшись сей угрозы прошивъ истиннаго отца своего; но шотчасъ пришли въ себя, чтобы не дашь замѣшишь Рандольфу, какое онъ произвелъ въ нихъ чувствованіе.

— Добрый и неустрашимый молодой человекъ! сказалъ ему Мак-Грегоръ,

ударивъ его по плечу: я похваляю благородное твое негодование. Проклятіе убійцамъ Монпея! Ты говоришь теперь, какъ говорилъ бы твой воспреемникъ Рандольфъ; но будь спокоенъ; если родителъ твой палъ подъ ударами враговъ своихъ, то не оспается () мстителей. Намъ старымъ друзьямъ и товарищамъ его предлежишь это дѣло; твое же, Рандольфъ, утѣшай несчастную мать твою и имѣй попеченіе о сестрѣ и юныхъ братьяхъ. Оставь товарищамъ Сенш - Клера попеченіе о мщеніи! —

„Я вижу, сказалъ Рандольфъ съ видомъ упрека, что вы презираете мою молодость; вы думаете, что я не способенъ къ сему мщенію, которое вы принимаете на себя; но кто изъ васъ болѣе меня имѣетъ на то права? не старшій ли я сынъ Монпея? Безъ сомнѣнія я люблю Амбруазину какъ мать; она всегда поступала со мною, какъ съ сыномъ; но я не сынъ ея и долженъ по-

свяпипть ошцу моему или его памяти
мои первыя попеченія и цѣлую жизнь.“

Изгнанные еще взглянули другъ на друга.
До сей минушы Рандольфъ не показываль
ни малѣйшаго сомнѣнія о своемъ рожденіи.

— Чшо хочешь шы сказать , моло-
дой человекъ? — спросиль его Мак-Гре-
горъ.

„То , что я не имѣль щасшія быть
сыномъ Лади Моншей.“

— Кто поселиль въ тебѣ такую
мысль? — спросиль Гамильшонъ.

„Никто ; но въ дѣтствѣ еще мо-
емъ я слышалъ ошъ кормилицы , что
машь моя умерла ; миръ душѣ ея ! Я спра-
шусь шолько , что она не походила ,
можешь быть , на Лади Амбруазину.
Естьли бы она съ такими же была до-
стоинспивами , шо ошець мой не шакъ бы
скоро утѣшился въ пошерѣ ея ; по край-
ней мѣрѣ онъ вспомнилъ бы иногда объ
ней.“

— Мало женщинъ подобныхъ Амбруа-
зинѣ , сказалъ Гамильшонъ : но будь утѣ-

рень, что нѣтъ ни малѣйшаго пятна въ твоёмъ рожденіи; это должно тебя успокоить, и мы всё даемъ тебѣ въ помѣ наше честное слово. —

„Благодарю! я доволенъ; вы разсѣяли жестокое подозрѣніе, занимавшее часто мысли мои.“

— Ты мнѣ подаль одну мысль, вскричалъ дю-Бургъ, бывший въ глубокомъ размышленіи во время сего разговора: хотя невѣроятно, чтобъ Монтей попалъ въ руки своихъ непріятелей, однакожь это дѣло возможное; они могутъ лишиться его свободы, но не жизни. Клянусь Небомъ, я узнаю, что съ нимъ сдѣлалось; я рѣшился вѣхать въ Шотландію. —

„Если вы такъ думаете, скажемъ Мак-Грегору, то мы поѣдемъ всё.“

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ дю-Бургъ: въ такомъ числѣ можемъ мы возбудить подозрѣніе и слѣдовательно ни съ чѣмъ не успѣемъ. Гамильшонъ и ты оспознайтесь здѣсь при Лади Амбруазинѣ. Можеть быть вы должны будете собрать

Нѣсколько человекъ и послашь ко мнѣ для освобожденія друзей нашихъ, еслии пощасливится мнѣ открыть ихъ. Я желаю имѣть спутникомъ только одного кого-нибудь. —

Еще никто не успѣлъ отвѣчать ему, какъ Рандольфъ былъ уже у ногъ его „Пусть буду я, сказалъ онъ, сложивъ руки: еслии вы меня любите, то позвольте съ вами ѣхать. Чьи права священныя мои?“

— Любезный другъ! сказалъ ему дю-Бургъ, это не возможно. —

„Когда мы себя оппказываемъ въ столь справедливомъ требованіи, сказалъ ему Гамильтонъ: то вы должны быть увѣренъ, что мы имѣемъ на се справедливыя причины.“

— Никакихъ, оппвѣтствовалъ печально Рандольфъ, кромѣ недовѣрчивости къ моей молодости; но въ семъ случаѣ я чувствую себя столь же сильнымъ и мужественнымъ, какъ и каждый изъ васъ. —

„Мы въ томъ не сомнѣваемся, сказала дю-Бургъ: но важная причина пребуешь, чѣмъ ты остался въ Баррѣ.“

— Можетьли бышь она важнѣе сыновней обязанности? — возразилъ Рандольфъ.

„Нѣтъ, я согласенъ; но эта самая обязанность должна удержатъ тебя при мапери.“

Спуюкомъ въ дверь комнаты прервался этотъ споръ; опперли, и Лади Монпей вошла, поддерживаемая дочерью. Нѣсколько уже дней никто изъ жипелей крѣпости не видѣлъ Амбруазины. Она изумилась переменѣ лицѣ ея, которое покрыто было смертною блѣдностью; глаза ея потеряли блескъ свой, губы посѣбли. Худая и ослабѣвшая отъ горести, она едва могла держатъся на ногахъ: все показывало въ ней, чѣмъ она, не смѣря на усидя къ перепеваню своего нещелпя, естѣли Сент-Клеръ уже не сущесивуетъ, не замедлишь послѣдовать за намъ во гробъ.

— Друзья мои! сказала она болѣзненнымъ голосомъ: четырнадцать лѣтъ наслаждались мы благополучіемъ; нынѣ оно кончилось невозвратно; потеря милаго моего Моншея прервала пріятную цѣпь, удерживавшую меня въ Барро. Просишь моей слабости; я не могу жить безъ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде жила съ нимъ. Я хочу удалиться въ Киншаль съ дѣтьми моими и посвятить печальный остатокъ жизни на то, чтобъ ихъ сдѣлать достойными отца, котораго они лишились и за которымъ я скоро послѣдовала бы, еслибы залоги любви его не обязывали меня сохранить жизнь; но какъ продолжительность ея неизвѣстна и какъ спастись можетъ, что горестная моя преодолѣетъ разумъ и даже нѣжность машеринскую: то на всякой случай сдѣлала завѣщаніе. Я вамъ его вѣряю, сказала она, положивъ бумагу на столъ: вамъ, друзья мои, Гамильпонъ, дю-Бургъ, Мак-Грегоръ и братъ его Сиръ Александръ! ославляю на погребеніе дѣшей

моихъ; больше всего беспокоюсь въ разсужденіи моей Зины. Никто изъ васъ не имѣеть супруги, коей бы могла ввѣрить любезную свою дочь; но полагаюсь совершенно на честь вашу; поручаю вамъ дочь Сенш - Клера Монтея. Безъ сомнѣнія кто-нибудь изъ васъ имѣеть родственницу, которая согласится принять бѣдную Зину, если Небо судило ей быть сиротою. Для нее особенно я буду стараться о сохраненіи жизни моей; но. . . . —

Рыданія Зины прервали рѣчь ея, и изгнанники старались скрыть свое движеніе. Рандольфъ сжалъ дочь Монтея въ своихъ объятіяхъ и смѣшалъ слезы свои съ слезами милой Зины.

— Успокойтесь, дѣти мои! сказала имъ Амбрузина: я не умру такъ скоро, какъ сдѣлала обѣщаніе, и еще повторяю, что для васъ постараюсь жить. Выслушай меня, Рандольфъ, выслушай хорошенько, и когда долженъ будешь дать Богу омывѣвшъ въ дѣлахъ своихъ, то вполнѣ

ни, о чемъ буду просить тебя. — Рандольфъ упалъ къ ногамъ ея. „О любезная и почтеннѣйшая изъ маперей! скажь оныя : прикажите , и я вамъ повинуюсь. Еслили Небо услышитъ плачевныя ваши молишвы , еслили Оно сохранитъ васъ для дѣтей вашихъ , то вы найдете въ Рандольфѣ сына , всегда покорнаго волю вашей ; еслили въ лучшемъ свѣтѣ вы содѣлаешесь нашимъ ангеломъ хранителемъ , то духъ вашъ будетъ свидѣтелемъ вѣрности , съ кою приказанія ваши сполну исполнять , какъ бы вы были живымъ тому свидѣтелемъ.“

Я вѣрю , мой милый Рандольфъ ! но превратность жизни ужасна ; дочь моя , какъ и я , можетъ быть подвержена оной , оставаясь , какъ мать ея , сиротою ; можетъ быть въ первой своей молодости , найдетъ другаго Сент-Клера , которой будешь любить ее , покровительствовашь и содѣлаешь ея щастіе на нѣсколько лѣтъ. Тебѣ , Рандольфъ ,

тебѣ, кошорый напоминаешъ мнѣ сіи обожаемыя черты, тебѣ любящему мою Зину, болѣе нежели братья пивои, тебѣ приказываю, особенно будь другомъ, вождемъ, подпорюю ея молодоспи; обѣщай мнѣ защищать, покровительствовать, любить ея во все продолженіе пивоей жизни, и да возможешъ Небо . . . да будете вы, говорю я, навсегда соединены узами братской любви. —

Зина положила голову на плечо своего брата. „Навсегда!“ сказала она рыдая.

— Такъ, навсегда! — повпорилъ Рандольфъ, прижимая ея къ себѣ.

„Жамесь и Сент-Клеръ имѣюшъ также нужду въ пивоей дружбѣ; обѣщай мнѣ, чшобы ни случилось, бышъ навсегда для нихъ добрымъ братомъ, и да возможете вы, милыя дѣти, жить въ совершенномъ согласіи чувствъ и чести и идти по слѣдамъ Монтея.“

— Любезнѣйшая манушка! сказалъ Рандольфъ, проширая руки къ Небу: да

не исполнишь Всевышній ни единого желанія моего, естѣли ваши не будутъ выполнены; я легко сдержу кляшву, внутреннюю еще прежде природою и моимъ сердцемъ. Будьте увѣрены, что я иѣжно люблю своихъ братьевъ. Но Зина есть единственная моя сестра; я любила ее прежде еще ихъ рожденія такъ сильно, что едва оставалось мѣсто въ этомъ сердцѣ для другихъ чувствованій. Пусть перестанетъ оно биться въ шуминушу, когда я буду наслаждаться благополучіемъ, коего милая Зина не будетъ раздѣлять со мною. —

Амбрузина прижала ихъ обоихъ къ своему сердцу; горестная улыбка на минушу оживила блѣдное лице ея; всѣ друзья окружили ее.

„Любезнѣйшая Милади! сказала ей дю-Бургъ: какъ вы насъ всѣхъ огорчаете! Не изпребляйте изъ сердца вашего надежды: вы можете еще наслаждаться благополучными днями.“

Амбруазина усшренила къ небу слезящіе взоры. — Тамъ шолько, сказала она, шамъ, гдѣ Сенш-Клеръ ожидаешь меня; но уже не на землѣ! При первомъ попушномъ вѣспрѣ 'я хочу ошправиться въ Киншаль. Прощайше, мои добрые друзья! не забывайше Амбруазину при воспоминаніи о Моншеѣ; по крайней мѣрѣ въ памяши вашей мы никогда не будемъ разлучены. Я осшавляю вамъ моего милого Рандольфа: пусть онъ будетъ вашимъ сыномъ, какъ былъ моимъ. Онъ будетъ, надѣюсь я, достоинъ дружбы вашей и попеченій. —

„Боже мой! сказала молодой Рандольфъ: что сдѣлалъ я? для чего изгоняшь меня опъ вашего присутствія? моя ли вина, что я не рожденъ вами? Я никогда не знавалъ другой машери. Знае не можешь любить васъ больше меня.“

— Не умножай болѣе безпокойства моихъ, любезный Рандольфъ! сказала Амбруазина: и безъ шого довольно горе-

стей раздраешь мое сердце; необходимость облызывает меня разспасться съ обою на нѣсколько времени; но до конца моей жизни опверзшы для тебя !объяшя мои, и материнское сердце гошого любишь тебя! —

Послѣ другихъ подобныхъ увѣреній Зина вышла по приказанію своей матери, и Рандольфъ за ней послѣдовалъ. Амбруазина хотѣла говорить съ друзьями своими о жребіи сего молодого человека и о ихъ намѣреніи вразсужденіи его. Она думала, что естли Сэнп-Клеръ уже не существуетъ болѣе на свѣтѣ, то нѣтъ причины держать его въ Баррѣ, и слѣдовательно долгъ ихъ естъ возвратити его фамилии. Всѣ на это согласились, но съ тѣмъ, что не прежде примутъ какое-либо намѣреніе вразсужденіи Рандольфа, или откроютъ кому-либо тайну его рожденія, пока точно не удостоверятся въ смерти Моншея.

Дю-Бургъ думалъ, что естли враги Моншея имѣли его въ своей власи, то

молодой Рандольфъ могъ бы слѣжить раз-
мѣномъ, или средствомъ къ отысканію
его; но спрашась обманулся въ своей
надеждѣ, онъ осперегался: говоритъ
Амбруазинъ о предметѣ отъѣзда своего
въ Шопландію.

Два дни спустя, Лади Моншей и
прое дѣшей ея, сопровождаемые Билліа-
момъ и Брижешшою, оставили островъ,
гдѣ они были столь щасливы; разлука
была весьма тягостна, особенно для
Рандольфа, который тщетно старался
скрыть свое смущеніе и горестъ. Онъ
проводилъ ихъ до самаго судна, попомъ
взошелъ на возвышенное мѣсто и смо-
трѣлъ на ихъ отплытіе до тѣхъ поръ,
какъ пошерялъ ихъ изъ виду.

Г Л А В А IX.

Отъѣздъ Амбруазины и дѣшей ея
усугубилъ въ жителяхъ крѣпости го-
рестъ о пошерѣ Моншей. Тяжкое бремя

печали, кошорой никогда до сего не предавались, угнишало сердца ихъ. Они не переставали говорить о несчастныхъ друзьяхъ своихъ, которыхъ лишились; предпріятіе Рыцаря дю-Бурга было предметомъ общей вечерней бесѣды. Онъ изъяснилъ свой планъ, и получилъ одобреніе на то отъ своихъ шоварищей. Спунникъ, имъ избранный, назывался Фразеръ. Онъ весьма много одолженъ былъ Монтею и преданъ ему совершенно; знакомства же въ Шотландіи не имѣлъ никакого; а какъ дю-Бургъ лишенъ былъ такой выгоды, то и долженъ былъ перемѣнить видъ свой; онъ вычернилъ себѣ волосы и брови, кошорыя были бѣлокуры, и ободѣлся въ плашье Шотландскихъ Маншаньяровъ. Рандольфъ съ душевнымъ прискорбіемъ смотрѣлъ на сіи приготовления, не говоря ни слова; ибо зналъ, что прозьбы его съ ними вхатъ будутъ бесполезны, и не докучая имъ оными, ошарася онъ узнать шолько о ихъ предпріятіи и пущи.

Послѣ отъѣзда Рыцаря, Гандольфъ, коего характеръ былъ отъ природы откровененъ, сдѣлался очень скрытнымъ и молчаливымъ, искалъ уединенія, и хотя не жаловался ни на какую боль, но потерялъ цвѣтъ юности и здоровья. Гаммельшонъ и Мак.-Грегоръ съ гореотію смотрѣли на перемѣну своего воспитанника; но приписывая оную безпокойству и неизвѣстности о жребіи отца своего, оисуществію Амбруазины и дѣшей ея, были довольны сею чувствительностію его, и не препяществуя дѣйствию ея, надѣялись, что время возвратитъ ему прежнюю природную веселость.

Безъ сомнѣнія потеря любезнѣйшихъ предметовъ причиняла ему печаль и раздирала сердце; но къ сей горести присовокупилось еще сомнительное безпокойство о судьбѣ своей и причинахъ, по какимъ долженъ былъ остаться въ Баррѣ. Это безпрестанно занимало его воображеніе; онъ переходилъ отъ догадки

къ догадкѣ, не поспигая прямой испины; былъ увѣренъ, что въ шомъ заключаешся шайна. Въ эшомъ не мало утверждаля нѣкоторыя слова, неосторожно сказанныя, и самыя взгляды его покровитель; но онъ не могъ проникнуть оной. Давно уже зналъ онъ, что Амбруазина не машь ему; однакожъ не менѣ ошъ шого любилъ ее. Съ шого времени еще, какъ пришелъ въ состояніе размышляпъ, возродилось въ немъ желаніе узнать, кто была истинная его машь; молчаніе о семь всѣхъ поселило въ немъ подозрѣніе, что онъ былъ плодъ незаконной связи, которую безъ сомнѣнія имѣлъ Сенш-Клеръ прежде женидѣбы, и сія мысль часто варушала его спокойствіе. Теперь честное слово, полученное имъ ошъ друзей своихъ, что рожденіе его не имѣло никакого пашна, разувѣрило его. Но ештли эшо, шакъ думалъ онъ, для чегожъ нещаспную мою машь никогда не называли по имени? Можешъ бышъ она низкаго происхожденія; но

естъли она была добродѣтельна и закон-
 ная супруга Монтея, не уже ли не до-
 вольно имена сего къ тому, чшобъ ее
 возвращишь, и не долженъ ли я почи-
 шашъ за шу, которую Монтей захопѣлъ
 сдѣлать моею матерью и кою онъ безъ
 сомнѣнiя любилъ? Спець мой ни капри-
 зень, ни несправедливъ, ни жестокъ,
 и безъ сомнѣнiя машь моя заслужила
 своимъ поведенiемъ забвенiе Монтея. Чего
 бы мнѣ ни спомло шакое мнѣнiе о
 давшей мнѣ жизнь; но я не могу вразсу-
 жденiи ее оправдашь иначе удивительна-
 го молчанiя опца моего. Важная причи-
 на удерживаетъ меня въ Баррѣ, говоряшь
 они всѣ: въ самомъ дѣлѣ она должна
 бышь чрезвычайная, чшобы воспрепят-
 ствоватъ сыну въ исполненiи его обязан-
 ностей. Относишся ли она къ моей ма-
 тери или моему рожденiю? Естъли бы
 они изъ свисхожденiя объявили мнѣ
 эту причину, то можешъ бышь я ува-
 жилъ бы ее и самъ почувствовалъ бы ее
 силу; но все, чшо препяшшствуетъ мнѣ

искать отца моего, кажется мнѣ нѣатуральнымъ. Преній Шотландскій Дворъ и Роскеллины сущь явные враги его, я это знаю, но не знаю причины сей вражды. Увы! я ничего не знаю, даже самаго себя; но враги отца моего сущь и мои; я увѣренъ, что они виноваты и что мой отецъ слѣдовалъ по спязямъ чести. Таковы были размышленія, кои Рандольфъ имѣлъ по отъѣздѣ Амбруазинъ съ острова. Наконецъ воспламененный воображеніемъ и пылкостью дѣтъ, не вылаха бѣдучи сносить долге сего состоянія неизвѣстности и бездѣйствія, онъ принялъ намѣреніе бѣжать съ острова и искать Моншея даже въ жилищѣ враговъ его. Онъ слыхалъ часто рассказы о перодѣваніи Сени-Клера и его товарищей, когда они имѣли нужду скриваться, и рѣшился прибѣгнуть къ тому же средству, и такимъ образомъ узналъ что-нибудь объ отцѣ своемъ.

Какъ нишо за нимъ не присматривалъ и не думалъ о его предпріяшіи, ше

онъ нашель скоро случай оное исполнить. Не большое судно отправлялось изъ Барры въ пристань Ардинамурхань. Вставъ рано поупру, уговорился онъ въ цѣнь съ шрема рыбаками этого судна, взошелъ на него и вскорѣ прибылъ съ ними въ назначенное мѣсто. Побѣгъ его оспавался нѣсколько часовъ неизвѣстнымъ на Баррѣ; но по открытіи онаго замѣшательство было общее. Изумленные друзья собрались для совѣта, что должно было дѣлать. Онъ увезъ съ собою только одно бывшее на немъ плащье, и хотя они подозрѣвали, что онъ имѣлъ нѣсколько золотыхъ монеть, которыя получилъ отъ своихъ покровителей; дославлявшихъ ему способы быть благодарнымъ; но то была очень малая сумма, которая скоро могла быть издержана, особенно при его неопытности; они были увѣрены, что онъ пошелъ въ Замокъ Роскелиновъ, чшобъ соединиться съ дю-Бургомъ; но знали при томъ и невозможность сего путешествія съ столь малымъ.

числомъ денегъ. Съ другой стороны побѣгъ его разрушалъ всѣ предпріятыя вразсужденіи его планы ихъ. Онъ могъ бытъ отккрытъ своею фамиліею, и видѣсто пользы, копорую надѣялись они получить ошъ сего отккрытія, оно могло подвергнутъ ихъ ужаснымъ несчастіямъ.

Послѣ здраваго разсужденія одинъ изъ жинелей крѣпости, добровольно поселившійся въ оной, былъ посланъ для преслѣдованія бѣглеца съ приказаніемъ проѣхать чрезъ Инвернескиръ и посовѣтоваться о семъ съ Сиромъ Александромъ Мак-Грегоромъ.

Судно, на которомъ плыль Раядольфъ, скоро возвратилось изъ Арднамурхана въ Барру; на немъ доставлено писъмо къ изгнанникамъ; они поспѣшили прочестъ его. Содержаніе было слѣдующее: „Любезные и почтенные друзья мои! „простите мнѣ поступокъ мой, копорой въ первой разъ въ жизни моей повиновенью вашимъ приказаніямъ; безъ со-

„миѣнія я сполько повинуюсь вамъ и по-
„чишаю васъ, что одинъ шолько отецъ
„мой имѣешь предъ вами преимущество
„въ моемъ сердцѣ; но это сердцѣ имѣешь
„предчувствіе, что онъ живъ. Сверхъ се-
„го я не могу прошивиться сильному
„желанію, побуждающему меня искашь
„его. Знаю, что вы не довѣряете моей
„молодости и неопытности; но сыну
„Монтея уже 17 лѣтъ. Будучи восни-
„шанъ вами, онъ долженъ быть спосо-
„бенъ къ большимъ предпріятіямъ, не-
„жели другой молодой человекъ, кошо-
„рой бы не имѣлъ сихъ преимуществъ.
„Не опасайтесь вразсужденіи меня ни-
„чего, хотя я нахожусь въ неизвѣстной
„миѣ спранѣ, но буду умѣть опшуда
„выдши и ничего не спрашусь. Еслили
„мое путешествованіе свершился, еслили
„я возвращу вамъ отца своего, то съ
„какимъ удовольствіемъ прибуду на Бар-
„ру! Но когда несчастіе свершилось,
„и мы навсегда потеряли того, о ко-
„мѣ буду сожалѣшь во всю мою жизнь:

„шо къ кому же обращусь я, какъ не къ
 „тѣмъ, которые могутъ замѣнить его
 „и койхъ сыномъ я себя почишаю. То-
 „гда постараюсь неуклоннымъ послуша-
 „ніемъ изгладить изъ памяти вашей,
 „что я преступилъ однажды волю вашу.“

„Рандольфъ Монтей.“

„По чести, сказалъ Мак-Грегоръ, я
 люблю и почишаю его еще болѣе. Ахъ!
 онъ скоро возвратится къ намъ; ибо я
 никакой не имѣю надежды на исполненіе:
 цѣли его путешешствія.“

— Не только, сказалъ Гамильтонъ,
 я не имѣю надежды, но многого опа-
 саюсь. Еслили увидятъ его руку, онъ
 будетъ узнаанъ въ одну минушу своею
 фамилією. —

„Такого случая не можетъ быть,
 отвѣчалъ Мак-Грегоръ, чтобы увидѣли
 его руку; когда же призвающъ его на-
 слѣдникомъ Роскелиновъ, то что можетъ
 быть для него худаго. Гораздо легче
 Лорду Роскелину воспишашъ десять сы-

новой себѣ подобныя, нежели испребитъ изъ сердца Рандольфа чувство чести и добродѣтели, которое мы въ него вселили, и привести въ забвеніе то, что онъ 17 лѣтъ былъ сыномъ Моншея, и что почиталъ славою бытъ сыномъ такого опца. — Дать Лорду и Жону наследника съ такими чувствами, былобъ безъ сомнѣнія сильнѣйшимъ и благороднѣйшимъ мщеніемъ. Для чего Моншей не можетъ бытъ тому свидѣтелемъ! Я полагаю предоставитъ ходъ дѣлъ произволу случая и не препятствовать сему храброму и доброму молодому человѣку слѣдовать своей судьбѣ.“

Гамильтонъ съ нимъ согласился. Между тѣмъ какъ печалились на Баррѣ о побѣгѣ Рандольфа, дю-Бургъ и Фразеръ прибыли въ Единбургъ. Духъ партіи никогда не былъ столь дѣятельнымъ, какъ теперь при Дворѣ Шотландскомъ. — Нѣкоторый родъ междоусобія, благопріятствуемый несовершеннolѣтіемъ Короля и тайно поддерживаемый гнѣвными вра-

гами, волноваль сію несчастную землю. Дю-Бургъ и Фразеръ пошли къ Роскелину и взяли себѣ прибѣжище въ одной хижинѣ неподалеку отъ Замка. Тамъ они нашли случай переговорить съ старымъ Ральфомъ, опцемъ Вилліама.

Сей старый служитель Роскелиновъ зналъ чрезъ своего сына о томъ щастіи, коимъ онъ и Брижепша наслаждались у изгнанниковъ, и оообенно о дружбѣ и опличномъ покровительствѣ, которое Моншей и фамилія его имъ оказывали. Онъ имѣлъ при себѣ внука своего Вилліама, присланнаго къ нему отъ дѣтей съ острова Барры, и который шотчасъ узналъ изгнанниковъ, оказывавшихъ ему дружбу. Ральфъ раздѣлялъ съ ними ихъ чувствованія; дю-Бургъ ему рассказывалъ о потерѣ Моншея, сообщилъ подозрѣніе свое, что онъ впалъ во власть своихъ враговъ и умолялъ Ральфа всѣмъ, что есть для него любезнѣе на свѣтѣ, сказашъ ему, не замѣшилъ ли онъ изъ словъ

или поступковъ Роскелиновъ чего-нибудь, могущаго оправдать сего подозрѣнія. Ральфъ слушалъ его съ чувствительностию; но объявилъ ему, что въ семь случаевъ почитаетъ невинными Господь своихъ. Лордъ Роскелинъ живетъ здѣсь съ двумя дѣтими своими, Лордомъ Жономъ, который слабъ и болѣнъ, и Лади Машильдою, прекрасною молодою дѣвушкою, принадлежати или 14 лѣтъ. Мать Графа находится также здѣсь; она воспользовалась отсутствіемъ Графини Елеоноры, съ кою совершенно поссорилась, чтобы пріѣхать посмотреть дѣшей своихъ. Она хотѣла, чтобы позволили Лади Машильдѣ жить съ нею на дачѣ Евдалъ; но мать при отъѣздѣ запретила, и Милордъ на то не сердится, для того что Лади Машильда развлекаетъ брата своего, который почти всегда болѣнъ. „Куда уѣхала Графиня? спросилъ Рыцарь: странно, что она оставила больного сына и дочь!“

— Она выѣхала въ свой старый Замокъ Упердорнъ, доставшійся ей послѣ ея отца. Сказашъ правду, сударь, я очень чувствую, что тошъ не останешся въ семь Замкѣ, кто можешъ уѣхашъ въ другое мѣсто. Я провель въ немъ всю жизнь, и по спароспи не могу уже его покинуть; но это суцїй адъ онъ пѣхъ споровъ, кои въ немъ безпрестанно слышны. —

„Какіе споры? спросилъ дю-Бургъ: безъ сомнѣнія полишическіе; но я почпшалъ Лорда Роскелина непричастнымъ ни къ которой паршїи.“

— Безъ сомнѣнія, возразилъ Ральфъ: онъ въ нихъ совсѣмъ не вмѣшиваешся, но имѣешъ довольно безпокойствъ домашнихъ, чшобы не заниматься внѣшними, и съ годъ уже онѣ такъ усилились, чшо вѣшъ возможности жить здѣсь, когда бываетъ Графиня. Благородный Монтей избѣжалъ ее, а Жонъ жестоко наказанъ за шо участіе, которое принималъ онъ въ невѣрности и вѣроломствѣ

Графиня. Онъ нашелъ въ сей женщинѣ
Фурію подъ личиною ангела. —

„Хороша ли она еще?“ спросилъ Ры-
царь.

— Такъ же прекрасна, какъ и въ
день своей свадьбы: ей теперь 56 лѣтъ,
и она еще прекраснѣйшая женщина въ
Шотландіи; но что значитъ красота,
когда нѣтъ при ней добродѣтели. Я го-
раздо болѣе любилъ Лади Амбруазину;
она можетъ быть не такъ была прекра-
сна, но гораздо милѣе: такъ кротка,
снисходительна, и говорила съ нами
такъ ласково! Графиня презирала ее за
это, говорила ей, что она имѣетъ низ-
кое сердце. Теперь она называетъ ее не
иначе, какъ только женою изгнанника,
и желала бы ее умертвить: такъ она ее
ненавидитъ! —

„Похожа ли на нее дочь ея?“

— Не много лицомъ, хотя не такъ
хороша; но, благодареніе Богу! въ ха-
рактерахъ ихъ нѣтъ никакого сходства.
Лади Машильда добра и кроткая дѣву-

шка, которую мы всё любимъ и копо-
рая много шерпишь отъ своей мащери,
и мы ошдыхаемъ съ шѣхъ поръ, какъ
она уѣхала; желательна, чтобы она и
надолго тамъ осталась. —

„Такъ это фамильныя ссоры удали-
ли ее?“

— Безъ всякаго сомнѣнія; она не знаетъ
должносней ни супруги, ни мащери. Нѣ-
сколько мѣсяцовъ тому, какъ Лордъ
Моншей получилъ обратно свои помѣстья;
она впала въ такое бѣшенство, что уко-
рjala Лорда Жюна, что онъ на ней женился,
и сказала ему, что во всю жизнь будешь
сожалѣшь, что не сдѣлалась Лади Мон-
шей. Послѣ сей ссоры она уѣхала, ос-
тавая двухъ дѣтей своихъ съ опцемъ. Съ
ея ошѣзду мы нѣсколько спокойнѣе. —

„А старая Графиня, возразилъ дю-
Бургъ, не бѣситъ ли также васъ? Мнѣ
кажется, что одна ешопитъ другой.“

— Прежде, сударь, это было правда;
но диаволь состарѣвшись, говоритъ по-
словица, сдѣлался отшельникомъ; Графи-

ня спяновится лучшею подь старость. Она оплакиваетъ шеперь грѣхи своей молодости, занимается благотвореніями. Она построила двѣ церкви — одну во имя Пресвятой Богородицы, а другую во имя Сент-Клера. —

„Это хорошо, сказалъ шупливо Рыцарь, Графиня приобрѣщаетъ себѣ друзей въ другомъ свѣтѣ, пошому что здѣсь ихъ не имѣешь даже и въ дѣтяхъ своихъ, кошорыя должны бы бышь первыми ея друзьями.“

Ральфъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

„Сожалѣешь ли она о Лордѣ Монпрозѣ, кошорый у нее похищенъ въ младенчествѣ?“ продолжалъ дю-Бургъ.

— Сожалѣешь, и особенно въ эти послѣдніе годы пошерю сего дияшии считаешь она наказаніемъ за жестокость ея къ Лорду Моншею, и ссора съ невѣсткою главнѣйше произошла ошъ нехотѣнія ея вмѣстѣ съ нею просишь у покойнаго Короля повелѣнія о поимкѣ Мон-

шея. Я слышала, что она однажды сказала ей: Богъ лишишь тебя и послѣдняго сына за то, что ты такъ прихвснешь Сент - Клера. Графиня только смѣялась; но ребенокъ съ того времени занемогъ, и должно опасаться, чѣмъ слова Лади не были справедливы. — Онъ увѣрилъ наконецъ Рыцаря, что восемь уже мѣсяцовъ, какъ Графъ не выѣзжаетъ изъ Замка даже ни на одинъ день, прибавивъ, что если бы такое занимательное происшествіе, какъ похищеніе Моншея, случилось, то какое - нибудь слово или поступокъ измѣнилъ бы имъ; но что напротивъ Графъ и мать его съ сей стороны очень спокойны. —

Дю - Бургъ призналъ справедливымъ его замѣчанія, и со вздохомъ пожавъ руку старика, сказалъ ему, что онъ хочетъ возвратиться на Барру чрезъ Киншаль; но весьма опасается, что вдова Моншея недолго переживешь свою потерю.

Добрый Ральфъ далъ ему порученіе увѣрить въ своей дружбѣ дѣшей Брижетшу и Вилліама; просилъ сказать, чѣмъ они пребыли вѣрными несчастной фамиліи Монтеевъ, естли хопяшь получишь ошъ него отеческое благословеніе.

Г Л А В А X.

Когда Рандольфъ оставилъ Барру, шо вознамѣрился слѣдовать за дю - Бургомъ; онъ очень зналъ дружбу его и природную кротость, а потому и не могъ спрашиться его гнѣва. Вышедши изъ судна въ Арднамуржинѣ, онъ разсудилъ освѣдомиться о дорогѣ, ведущей къ столицѣ иди по ней не оспанавливаясь. Зналъ онъ, что Роскелинъ былъ ошъ него недалеко; опсправившись изъ пристани послѣ обѣда, и прошедши нѣсколько миль, оспановился у одной жижины, думая, чшо хорошо слѣлаеть, попросившись въ оной переночевать; ибо куда

только могли достигъ его взоръ, не могъ примѣнить никакого другаго жилища. Онъ постучался въ дверь, и грубой голосъ раздался: кто тамъ?

„Молодой иностранецъ, отвѣчалъ Рандольфъ, просишь за деньги ужина и ночлега.“

Дверь отворилъ человекъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста и крѣпкаго сложенія; онъ имѣлъ грубой видъ, и широкія плеча его были вкрыты толстою одеждою. Онъ впустилъ Рандольфа, разсматривалъ его внимательно молча, потомъ сказалъ ему: — Добро пожаловать! — Въ каминѣ горѣлъ огонь, надъ нимъ висѣлъ кошелъ, изъ коего изходилъ пріятный запахъ, доказывавшій, что супъ было чѣмъ утолить голодъ успавшаго путешественника. Въ сторонѣ отъ каминна сидѣла старуха, дурно одѣтая, — кой сухое лице, покраснѣшіе глаза и щеки чрезмѣрно сморщившіяся произвели въ Рандольфа первое горестное впечатлѣніе о старости, на кошо-

рую до сего времени взиралъ онъ съ почительностію. Сшаруха приготавливала ужинъ; и когда Рандольфъ вошелъ, она принесла скамью, которую и поставила возлѣ камина. Величественный и ошкренный Рандольфовъ видъ привлекъ вниманіе его хозяевъ, высокій и стройный спанъ заспавлялъ считашъ его сшарѣе двумя годами. Проспая одежда его была сшитая изъ тонкой матеріи; пошупки его казались шакъ занимательны и рѣчь имѣла сполько отличнаго, что переодѣваніе никакъ не могло скрыть высокаго происхожденія и хорошаго воспитанія его. „Вы путешешествуете очень молоды, сказалъ ему наконецъ хозяинъ: и я полагаю, что вы не издалека.“ Рандольфъ ничего не ошвѣчалъ и покраенѣль. Онъ не имѣлъ необходимости лгашъ и въ первый разъ принужденнымъ нашелся это сдѣлать, сказавъ въ ошвѣтъ: — Я иду изъ Инвернеса въ Эдинбургъ. —

„Далеко, молодой человек! Вам не худо бы имѣть лошадь.“

— Нѣтъ, я молодъ, крѣпокъ и привыкъ долго ходить, не чувствуя усталости. —

„Это другое дѣло, сказалъ хозяинъ: путешествуешь всегда съ запасомъ и деньгами.“

— Я имѣю первое, но деньгами очень посредственно снабженъ. —

„Бѣдное дитя! сказала старуха съ видомъ сожалѣнія: какъ ваши родители оставляютъ васъ такъ ходить по свѣту; они должны были очень огорчены, разсѣившись съ вами.“

Рандольфъ не очень любилъ такіе вопросы; но боясь возбудить подозрѣніе, если замедлишь отвѣтомъ, сказалъ сей сострадательной старухѣ, что родители, равно какъ и онъ, были не успѣшны. Ужинъ, поставленный на столъ, прервалъ на время разговоръ. Сѣли вокругъ его, и хотя онъ худо пригошловленъ былъ, но Рандольфъ проголодав-

зшисъ, нашель его превосходнымъ. По окончаніи ужина Мак - Лелланъ — такъ назывался хозяинъ — отперъ одинъ шкапъ, вынулъ изъ него не большую бушылку водки и приглашалъ Рандольфа съ нимъ выпить.

— Благодарю васъ, ошвѣчалъ онъ : я не люблю споль крѣпкихъ напитковъ; вашъ хорошій ужинъ уже меня насыпилъ; позвольте мнѣ отблагодарить вамъ по возможности. — Говоря сіе, онъ вынулъ изъ кармана свой маленькой кошелекъ и подалъ золошой полумаркъ своей хозяйкѣ.

„Пресвятая Дѣва ! сказала она : мнѣ нечѣмъ размѣнять эту монету.“ — Я этого не требую, сказалъ Рандольфъ : прошу принять все и дасть мнѣ пестелю и завѣтракъ по утру. —

„Нѣтъ ничего справедливѣе, сказалъ Мак - Лелланъ : но знаете ли вы дорогу отсюда въ столицу ?“

— Нѣтъ, совсѣмъ не знаю; вы дѣлаете милость, еслили мнѣ ее покажете. —

„Я пойду съ вами нѣсколько миль, чтобъ вывести на настоящую дорогу.“

— Благодарю васъ и желаю спокойной ночи; мнѣ очень хочется лечь спать; покажите мою комнату. —

„Это не худо, молодой человекъ; завтра нужно встать поранѣе. Машушка! сказала онъ обращаясь къ старухѣ: отведи гостя въ его комнату.“ Старуха взяла свѣчу, и Рандольфъ за нею послѣдовалъ. На другой день онъ всталъ рано и нашелъ хозяйку, приготовляющую завтракъ. Она сказала ему, что сынъ ея по надобности своей вышелъ. Онъ не замедлилъ возвратиться, и по окончаніи завтрака они отправились вмѣстѣ. Мак-Лелланъ проводилъ Рандольфа за три мили по горамъ, гдѣ не было никакой дороги; наконецъ, указавъ ему кривую тропинку, онъ сказалъ: „вотъ ваша дорога; прощайте! щастливый путь!“ и

осшавиль его. — Рандольфъ продолжалъ идти. Но чѣмъ далѣе онъ шель, тѣмъ дорога спановилась труднѣе и даже непроходима; она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводила его къ ужаснымъ пропастямъ. Страна вокругъ его была гориста; непримѣнно было ни малѣйшаго признака обитанія. Между тѣмъ Рандольфъ не подозрѣвая, не чувствовалъ ни малѣйшаго страха; трудность и опасности сей скверной дороги, по мнѣнiю его, замѣнялись тѣмъ, что она была крашчайшая. Онъ прошелъ уже около двухъ миль, какъ на возвышенности одного холма увидѣлъ двухъ человекъ, приближавшихся къ нему. Сопедшись съ нимъ, они осшановились, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему: „Молодой господинъ! мы оба бѣдняки, не имѣющіе ни копѣйки; дайше намъ сколько иибудь денегъ для продолженія дороги.“ Хотя они имѣли злой видъ и надменный голосъ, но Рандольфъ по неопытности не могъ вообразить, что они разбойники. Онъ ска-

залъ имъ съ кротостію: — У меня очень мало денегъ; я также путешественникъ; однако же согласенъ раздѣлишь съ вами малость, которую имѣю. — Сказавъ сіе, онъ вынулъ свой кошелекъ, взялъ одну золотую монету и подалъ ее требовавшему. Сей взялъ ее усмѣхаясь. „Только-то! сказалъ онъ: мы хотимъ больше; этого намъ недовольно.“

Наглый повъ прозѣбы подалъ Рандольфу нѣкоторое подозрѣніе о истиннѣ. Онъ вспомнилъ, что былъ безоруженъ, а два бездѣльника имѣли по саблѣ подъ мышками, кинжалы за поясомъ, и базались очень сильными. Онъ не показалъ однако же ни малѣйшаго страха, и отвѣчалъ съ швердоспію: — Вы много просите; я далъ вамъ охотно, что могъ, и больше не дамъ. —

„Мы это увидимъ, сказалъ одинъ изъ бездѣльниковъ, схвативъ Рандольфа за руку и приставивъ кинжалъ къ груди его: отдай мнѣ твой кошелекъ сей часъ. Мы

видимъ, что ты бродяга, обокравшій можешь быть отца своего; эти деньги будутъ наши, а ты можешь возвратиться къ нему и еще у него укрась; отдай намъ, что имѣешь, добровольно, а иначе ни шагу впередъ: я и мой кинжалъ оповѣчаемъ тебѣ за то.“ Другой разбойникъ обнажилъ свою саблю и угрожалъ Рандольфу убить его въ минушту, если не отдашь кошелька своего. Безъ сомнѣннй другой путешественникъ, разсудительнѣе Рандольфа въ подобномъ положеніи, отдалъ бы все, что ни имѣлъ; но для Рандольфа это былъ первый случай, при которомъ онъ могъ опказать мужество свое. Онъ думалъ, что будетъ шрусомъ, если послѣдуетъ благороднѣе, уступивъ силѣ; и потому, собравши все свое мужество и присущіе духа, схватилъ рукою, которая была свободна, за рукоятку кинжала, приспавленнаго къ груди его, съ такою ловкостью, что вырвалъ его и ударилъ въ правую руку разбойника, которою онъ

Его держаль; но въ ту же минуту другой разбойникъ нанесъ ему столь сильный ударъ саблею, что несчастный Рандольфъ упалъ на землю безъ чувствъ и залился кровью. Между тѣмъ, какъ раненый разбойникъ обвязывалъ плашкомъ руку, другой опоражнивалъ карманы Рандольфа, и върояпно хотѣлъ раздѣсть и добыть его, какъ вдругъ послышался лошадиной шопшъ, многіе верховые приближались. Страхъ принудилъ бѣжать двухъ разбойниковъ, копорые успѣли только взять у Рандольфа кошелькъ. Верховые путешественники были купцы, ѣздившіе по своимъ дѣламъ. Заблудившись въ горахъ, они искали, кто бы указалъ имъ дорогу; издали примѣтили они двухъ убійцъ, приблизились и нашли только полумертваго Рандольфа. Хотя и не были они свидѣтелями убійства, но поняли причину онаго, и побуждаемые челоуколюбіемъ, они сошли съ лошадей, подняли раненаго, сжалились надъ нимъ, увидя молодость и блѣдность прекра-

снаго' его лица; но какъ они примѣшили въ немъ теплоту и признаки жизни, шо перевязали головную его рану, положили на лошадь и одинъ изъ нихъ его поддер- живаль. Осмотрѣвшись вокругъ, не при- мѣшяпъ ли какого жилища, чшобъ его туда перенести и подашъ помощь; они увидѣли, что страна сія была ни- что иное, какъ пустыня; спустились съ горы съ самой пологой стороны и въ- ѣхали попомъ въ узкую долину, въ кон- цѣ коей возвышался не большой, но крѣпкій древній Замокъ; приближась къ нему и пропрубивъ въ повѣшенной туть рогъ, они просили помощи для раненаго путешественника. „Здѣсь не госпиталь, вскричалъ приврашникъ: за 10 миль отъ сюда вы найдете монастырь, гдѣ мона- хамъ нечего болѣе дѣлать, какъ мо- лишься и помогашь больнымъ.“

— Сжалъсь надъ нещаснымъ, кошорой топовъ испустишь послѣднее дыханіе, когда не получишь скорой по-

иоци, сказалъ одинъ изъ купцовъ: отворите ворота, и вы увидите, что нашъ бѣдный раненый не можетъ слѣдовать далѣе. Мы нашли его здѣсь близко на горѣ, гдѣ безъ сомнѣнiя онъ встрѣтился съ разбойниками, коихъ мы примѣтили вдалекѣ и которые убѣжали, оставивъ его въ семь состоянiи. Этого кинжалъ былъ возлѣ его, но рана на головѣ сдѣлана саблею; его плащъ показываетъ человѣка не простаго состоянiя. —

„Помогайте ему сами, возразилъ приврашникъ: намъ никого не позволено принимать сюда. Кто вы шакovy? Вы любите раненыхъ, и шакъ везите его къ себѣ.“

Видъ верховыхъ людей у большихъ ворошъ и разговоръ о молодомъ умирающемъ человѣкѣ привлекъ всѣхъ слугъ, которые всѣ были того мнѣнiя, чтобы отказать въ принятiи иностранца, какъ вдругъ пришла молодая дѣвушка, и бросивъ взоръ на бѣднаго Рандольфа,

положеннаго у воротъ и поддерживаемаго однимъ изъ сострадашельныхъ путешественниковъ: — Подождите на минушу, сказала она: я постараюсь испросить позволеніе его принять; наша госпожа не можетъ отвергнуть сего несчастнаго. — Она поспѣшно вошла въ Замокъ и тотчасъ возвратилась съ Дамою, имѣющею прекраснѣйшее лице, которая на нее опиралась.

Это была Елеонора, Графиня Роскельнъ, даровавшая жизнь молодому несчастливцу, умирающему у ея воротъ и отвергаемому людьми ея. Замокъ сей назывался Уперлонъ, которъй она наследовала отъ отца своего и въ коемъ жила съ того времени, какъ въ исполненіи гнѣва покинула свою фамилію. Она подошла къ раненому, которъй начиналъ приходишь въ себя, но не могъ говорить, и смотря на него съ холоднымъ любопытствомъ, спрашивала съ надмѣнностію купцовъ. Пошомъ, не ока-

завши ни малѣйшаго сожалѣнія о семъ происшествіи; приказала принять Рандольфа въ Замокъ, но только одного безъ проводниковъ, и чтобъ помѣстили его въ одной изъ комнатъ, назначенныхъ для слугъ. Она поручила доброй и молодой Маріи, горничной своей дѣвушкѣ, имѣть о немъ попеченіе; потому что она объявила себя его покровительницею, и ушла съ шюю же гордою надмѣнностію, мало думая о томъ, что сыну наследнику своему едва давала убѣжище. Купцы, успокоясь испросивши помощь молодому несчастливцу; коего спасли жизнь, отдали его людямъ Грифини, поручивъ его ихъ попеченіямъ.

Рандольфъ чрезъ нѣсколько минушь пришелъ въ чувство; онъ съ горестію слышалъ, что его не хотѣли принять здѣсь, и лучше бы предпочелъ, жертвуя жизнію, уѣхать съ своими покровителями, нежели быть обязану споль безчеловѣчныхъ людямъ; но онъ былъ очень

слабъ для изъясненія желанія своего и
негодования. Послѣ того слышалъ онъ
пріятный голосъ милой Маріи, ходатай-
ствующей за него. Она подставила ему
руку, чшобъ пособить идти, и онъ по-
гда ничего болѣе не чувствовалъ, кромѣ
желанія засвидѣтельствовать ей свою
признательность. Одинъ слуга пришелъ
пособить Маріи; они повели его въ на-
значенную комнату и положили на по-
спель. Между тѣмъ какъ слуга обрѣ-
зывалъ волосы его, склеившіеся отъ кро-
ви и перевязывалъ его рану, Марія по-
бѣжала достать рюмку вина и заспави-
ла его ее выпить. Вино возобновило си-
лы больного; онъ могъ прижать къ гу-
бамъ своимъ руку, оказывающую ему
сію помощь, и отвѣчать на вопросъ ея:
не имѣли ли онъ другой раны? „Нѣтъ“,
сказалъ онъ слабымъ голосомъ, и посмо-
трѣвъ на нее съ признательностію: мнѣ
нуженъ покой.“ Они уложили его на по-
спели и оставили. Нѣсколько дней не
могъ онъ вставать безъ помощи доброй

и чувствительной Маріи , которая помогала ему съ нѣжнѣйшимъ дружествомъ. Лишь только онъ почувствовалъ возвращеніе силъ, поспалъ съ постели съ великимъ желаніемъ скорѣйшаго выздоровленія; чтобы продолжая свой путь. Долгимъ медленіемъ боялся онъ пропустить Рыцаря; но разбойники опняли кошелекъ; у него ничего не оставалось, и онъ былъ въ замѣшательствѣ, не умѣя путешествовать безъ денегъ. Пересматривая свое плащье, нѣтъ ли между нимъ такого, безъ чего бы онъ могъ обойтись, или продать, онъ крайне удивился, найдши подъ плащьемъ кинжалъ, которой онъ вырвалъ у разбойника и вспомнилъ сказанное купцами, что кинжалъ сей найденъ возлѣ него. При первомъ впечатлѣніи онъ обрадовался, имѣя у себя оружіе; но другая мысль объяла его ужасомъ. „Нѣтъ! сказалъ онъ самъ себѣ: желѣзо убійцы не осквернишь никогда руки сына Монпея.“ Онъ откинулъ его отъ себя прочь; кинжалъ обернулся, и Рандольфъ

такъ пораженъ былъ признаками его, что шрепешъ объялъ его. Кинжалъ сей былъ шопъ , которой носилъ всегда при себѣ Моншей и который находился при немъ во время отъѣзда съ острова Барры. При семъ видѣ онъ весь помертвѣлъ , взявъ кинжалъ , осмошрѣлъ его снова и упалъ на спуль въ совершенномъ отчаяніи. „Боже милосердый ! вскричалъ онъ , приложивъ кинжалъ къ губамъ своимъ : правда ли это? могу ли я вѣришь глазамъ своимъ ? не уже ли любезный родителъ мой , благородный и мужеспвенный Моншей , палъ отъ руки подлаго убійцы ? Я очень увѣренъ , что онъ оставилъ оружіе сіе вмѣстѣ съ жизнію. Оно отказано ему моимъ крестнымъ опцемъ , другомъ его Рандольфомъ. Всемогущій Боже ! Ты попустилъ сіе злодѣяніе ; Ты позволилъ , чтобы честь , правота , мужество пали подъ ударами недостойныхъ убійць ! о ! для чего не могъ я придти ранѣе въ сіи горы ; можешь бышь , я спасъ бы своего родителя ! Его не могли иначе убить ,

какъ измѣною, или безъ сомнѣнiя подавленные многояюдсiвомъ : Моншей и Россѣ дорого продали жизнь свою. Нецаспный Рандольфъ ! поперяшь такого родишеля и друга отъ рукъ столь гнусныхъ ! за чѣмъ не палъ я также отъ ихъ ударовъ, я, слабый молодой челсвѣкъ ? О, Высочайшее Правосудiе ! Тебѣ угодно, чшобъ я жилъ ; подай же мнѣ средство и силу опомснись за него, и чшобы сей самый кинжалъ, крiмъ щцетно защищался родишель мой, возмогъ я воцзить въ грудь его убiйць !“ Говоря такимъ образомъ, онъ оборачиваль его во всѣ стороны, и шысячи сладкихъ воспоминанiй его дѣшсшва извлекли у него слезы. Болѣе шысячи разъ играль онъ эшимъ оружиемъ. Имя Рандольфъ Мак-Грегоръ было напечатано на серебряной позолоченой ручкѣ. Это были первыя слова, копорыя онъ началъ выговаривать ; онъ чалъ видѣть своего добраго крестнаго опца, повторяющаго ему слова сiи, кои онъ за нимъ произносиль. Послѣ его смер-

ди Сент-Клеръ всегда его носилъ и ему часто показывалъ, вспоминая друга, который ему его отказалъ, и клянясь никогда съ нимъ не разставаться.

Смятенныя горестію мысли его на вѣсколько минушь сдѣлали неспособнымъ принять рѣшительный способъ. Послѣ сего печальнаго откровенія онъ разсудилъ наконецъ ничего о томъ не говорить, и вмѣсто того, чтобы соединиться съ Рыцаремъ дю-Бургомъ и возвратиться на Барру, всѣ желанія его сердца были пройдши въ Кинсаль, который заключалъ все, что онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ; но откровеніе это извѣстіе своей матери, какъ онъ называлъ всегда Амбруазину, или скрыть отъ нее что-либо, было равновѣрно выше силъ его. „Нѣтъ, сказалъ онъ, нѣтъ! я не пойду въ Кинсаль; въ сіи минушы я хочу, чтобы они не иначе узнали о столь страшномъ происшествіи и ужасномъ концѣ отца моего, какъ уже удостоверюсь, что я отмсшилъ за него, только бы возмогъ я

встрѣпить эгихъ гнусныхъ убійць.“
 Погруженный въ эпи мысли, онъ со-
 всѣмъ не примѣшилъ входу Маріи, кошо-
 рая принесла ему завтракъ. — Святая
 Дѣва! вскричала она: вамъ хуже! ваша
 блѣдноость меня спрашивъ; возьмите,
 вопъ я вамъ принесла хорошій завш-
 ракъ, подкрѣпите ради Бога имъ силы
 свои. —

„Благодарю васъ, милая Марія! ош-
 вѣчалъ Рандольфъ: я не могу ѣспъ; серд-
 це мое шерзается.“

— Бѣдный молодой человекъ! возра-
 зила она съ состраданіемъ, и взявши его
 руку: лихорадка безъ сомнѣнія къ вамъ
 возвратилась; не одно сердце болитъ у
 васъ; Милади очень жестока, что не при-
 кажетъ привести сюда искуснаго Лѣкаря,
 чтобы вамъ помочь; я пойду просить ее
 объ эшомъ.. —

„Нѣтъ, прошу васъ, добрая Марія!
 клянусь вамъ, что мнѣ лучше; но не-
 щастное воспоинаніе ужасно поразило

мой разумъ, и я не властенъ надъ впечатлѣніемъ, которое ощущаю.“

— Люди наши думаютъ, сказала она съ пріятною усмѣшкою, что вы бѣжали отъ отца, чтобы спастись отъ него по свѣту. Если это правда, то лишь только вы выздоровѣете, то должны возвратиться домой. Родители ваши просятъ вамъ все, когда увидятъ васъ избѣжавшими великой опасности. Вы ее имъ разскажете; тогда нужно будетъ сказать о Маріи, и вы будете и объ ней думать. — Слеза покапалась по щекамъ ее; она старалась скрыть ее отъ Рандольфа, который проливалъ ихъ изобильно. „Увы! вскричалъ онъ: у меня нѣтъ уже отца!“ и его рыданія умножились. Марія не удерживалась также плакать съ нимъ. — Добрый молодой человекъ! сказала она ему: не печальтесь такъ; горесть ваша умножаетъ мою собственную тоску, и я также не имѣю отца; мать моя отъ меня далеко, и я имѣю много причинъ плакать. Я въ отчаяніи, что

покинула ее, дабы послѣдовать за сею высокоумною и нечувствительною Графинею, отъ коей я много терплю; но теперь я шому радуюсь; она все не хотѣла принявъ васъ, и естли бы ее здѣсь не случилось, то вы бы можешъ бышь уже умерли. —

„Добрая, превосходная дѣвушка! бышь можешъ, я былъ бы щаспливѣе; но отъ чего вы нещасливы? Споль прекрасная женщина, какова ваша Госпожа, должна бышь также доброю. Я ее примѣшилъ, входя въ Замокъ; она показала мнѣ необыкновенною красавицею.“

— Да, она еще прекраснѣйшая женщина, хотя уже не въ цвѣтѣ юности; но со всею ея красою и богатствами я хочу лучше бышь простою Марією Грандъ, нежели Графинею Роскелинъ, естли бы обязана была помѣняться съ нею характеромъ и поведеніемъ. —

Рандольфъ вздрогнулъ отъ удивленія.
„Графиня Роскелинъ! повторилъ онъ:

шакъ это Графиня Роскелинъ Госпожа сего Замка! Ее ли я видѣлъ?“

— Ее самую, сказала Марія: чему вы шущъ удивляешесь? —

„Меня удивляетъ то, отвѣчалъ Рандольфъ опомнясь, что я слышалъ о Графѣ и считалъ, что помѣстья его находящяся близъ Эдинбурга.“

— Вы не обманываешесь, Графъ живешъ въ Замкѣ Роскелинъ за нѣсколько миль отъ сей столицы; но фамилныя осоры заставили уѣхашъ Графиню. Сей замокъ собственно ей принадлежишъ. —

„Одна ли она шущъ? спросилъ Рандольфъ. Безъ друзей, безъ родственниковъ? Я полагаю, что она здѣсь не долго останецца.“

— Она, кажется, не спѣшишъ къ своему супругу. Говорятъ, что она никогда его не любила; но что зобольщеная его шиплами и богатствами, отдада ему свою руку, а не сердце. —

„Естьли у нее дѣши?“ спросилъ Рандольфъ.

— Она имѣетъ двухъ : Лорда Жона и Лади Машильду. Старшій ея сынъ, коего мать моя кормила, Лордъ Моншрозъ, былъ взятъ и убитъ разбойниками, когда онъ былъ еще младенцемъ. —

„Бѣдное дитя! сказалъ Рандольфъ: онъ не нашелъ такъ, какъ я, сострадательнаго сердца, которое бы спасло ему жизнь, добраго друга, какъ моя милая Марія, коей милости я никогда не забуду.“

— Не говорите этого; вы пронули меня еще сначала; теперь я не знаю, чѣмъ бы васъ скорѣе вылѣчишь. Изъ любви ко мнѣ покушайте что-нибудь изъ привесеннаго мною. Мнѣ должно васъ оставить; но я скоро возвращусь. — Она сдѣлала знакъ рукою и вышла. Рандольфъ не огорчался тѣмъ, что оставленъ былъ нѣсколько времени въ уединеніи. Сдѣланное имъ открытіе служило поводомъ ко многимъ заключеніямъ. Онъ ужасался, помышляя, что находилъ въ мѣстѣ, принадлежащемъ непримиримымъ

врагамъ Моншея подъ одною кровлею съ женщиною, о коей отецъ его не говорилъ иначе, какъ съ ужасомъ и операціемъ. Съ шѣхъ поръ, какъ узналъ онъ кинжалъ, онъ не воображалъ, чтобы Моншей впалъ во власъ Роскелиновъ; но послѣ полученныхъ имъ свѣдѣній весьма пораженъ былъ шѣмъ, что это оружіе найдено споль близко отъ жилища Графини, и тогда, какъ въ продолженіи краткаго его пребыванія въ Бенбекулѣ не знали о случившемся съ нимъ происшествіи. Первое желаніе его было возвратиться на Барру; но послѣ зрѣлаго разсужденія онъ положилъ воспользоваться своимъ водвореніемъ и остаться еще нѣсколько дней въ семъ мѣстѣ, дабы замѣнить, есльи будетъ возможно, что въ Замкѣ происходить и для чего Графиня предпочипаетъ сіе печальное и уединенное жилище.

Между шѣмъ, какъ онъ предавался симъ мыслямъ, другъ его Марія благопріятствовала послѣдному его желанію,

употребляя всѣ усилія испросишь у Графини позволеніе осмѣяться ему здѣсь по долѣе. „Онъ такъ молодъ, добръ и крошочекъ, говорила она ей: лице его и поступки показываютъ, что онъ хорошо воспитанъ; онъ имѣетъ нѣчто гордое и при томъ чувствительное. Бѣдный молодой человекъ! что съ нимъ будешь, если вы его сошлете? Разбойники все у него опятели; онъ еще очень слабъ, чтобъ идти пѣшкомъ, и не имѣетъ никакого способа достигнуть въ Единбургъ. Если бы вы захопѣли видѣть его и поговорить съ нимъ, сударыня, я увѣрена, что его поступки заняли бы васъ болѣе, нежели все, что я могу сказать въ его пользу.“

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать? сказала презрительно Графиня: у меня довольно слугъ, и я не хочу умножать числа ихъ еще однимъ, потому что онъ тебѣ нравился. . . . Готовъ ли онъ идти? —

„Боже мой! Милади! нынѣ онъ болѣнъ и, кажется, готовъ идти на шопъ свѣтъ.“

— Откуда онъ? Ты безъ сомнѣнія это знаешь? —

„Изъ Инвернеса. Онъ сирота, Миледи, и столь чувствительный сынъ! По утру плакалъ объ отцѣ своемъ, какъ будто онъ умеръ вчера.“

— Какая его надобность въ Единбургѣ? —

„Онъ мнѣ этого не сказалъ; но я предполагаю, что хочетъ искашь мѣста и, кажется, что онъ долго безъ него не останется.“

— И я тоже думаю; въ своею сердце куда красота его служишь ему пашпортомъ. —

„Не уже ли одна красота привлекаетъ сердце?“ спросила Марія.

Графиня покраснѣла и смотрѣла на нее, желая знать, съ намѣреніемъ ли сказаны сіи слова. Марія съ скромностію опустила глаза, и Госпожа ея не могла изъ нихъ прочесть. Она выпросила эту молодую дѣвушку у ея матери, откупщицы деревни Роскельнъ, пошому

что по чрезвычайной своей кротости не могла она проникнуть въ ея поступки. Замѣчательный характеръ Маріиной фізіономіи былъ совершенная невинность и кротость; но въ сію дѣль она имѣла болѣе тонкости и проницательности, нежели сколько можно было отъ нее надѣяться природѣ, а не воспитанію была она многимъ обязана. Не расставаясь никогда съ машерью до отъѣзда своего съ Графиней въ Уперлонъ, ежеминутно разсказывалась въ поступкѣ своемъ. Это правда, что ея милое лице и превосходное сердце заслуживали лучшую Госпожу, нежели Графиня Роскелинь, и словомъ, у нее вырвавшимся, давала она замѣшить, что надменная и прекрасная Графиня служила доказательствомъ противоположности красоты и порока.

— Ты зазналась, Марія, сказала ей Графиня: я не расположена слушать тебя и угождать вкусу своему. Не говори мнѣ болѣе о семъ молодомъ человѣкѣ; ко-

гда онъ будетъ въ соспояніи выходишь изъ комнаты, то я его увижу. —

Такъ вы позволите ему оспаться до того времени, пока онъ будетъ въ соспояніи отправишься?“

— Чшобъ онъ не уходилъ безъ того, пока я съ нимъ не поговорю. —

Сердце Маріи билось ошъ радости; она не сомнѣвалась, чшобъ видъ Рандольфа не произвелъ шакого же дѣйствія надъ Графинею, какъ и надъ нею; ей казалось не возможнымъ видѣшь его къ нему не привязавшись. Она оставила Госпожу свою, будучи увѣрена, что молодой чешовѣкъ, ею покровительствуемый, удостоишься вскорѣ благоволенія, въ коемъ, по мнѣнію ея, имѣлъ онъ большую нужду.

Г Л А В А XI.

Марія поспѣшила возвратишься къ Рандольфу съ извѣстіемъ о испрошенкомъ ею позволеніи; но Рандольфъ, буду-

чи далеко отъ того, чтобы почувствовать эту милость, оставался погруженнымъ въ горестъ и мрачную задумчивость. Чѣмъ болѣе онъ размышлялъ, тѣмъ болѣе утверждался въ мысли о смерти Моншея, и его не опредѣлительные отвѣты, которые содѣвъ не шли къ тому, о чемъ говорила ему Марія, показывали, что онъ не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго вниманія. Завтракъ, ею принесенный, она нашла еще непронутымъ, и насильно принудила его выпить немного вина и нѣсколько поѣсть. Когда онъ немного подкрѣпился, то они разговаривали съ дружескою опкровенностію до того времени, какъ Графиня потребовала къ себѣ Марію. Разумъ Рандольфа былъ столько занятъ печальными размышленіями, что онъ не видалъ, какъ прошелъ день. Ночь наступила, а онъ все еще сидѣлъ на томъ же мѣстѣ возлѣ стола, на коемъ лежалъ кинжалъ, погруженный въ мысли; онъ кинулся въ плащъ на простель, но не могли за-

снуть, всталъ съ оной и прохаживался по комнатѣ, слабо освѣщаемой луннымъ свѣтомъ. Скоро пошелъ сильный дождь; онъ приближился къ окну, вездѣ былъ мракъ и тишина; онъ слышалъ только шумъ отъ дождевой воды на мостовой; все жители Замка щастливѣйшіе, нежели онъ, безъ сомнѣнія, были въ глубокомъ снѣ. Его комната была обращена на наружный дворъ. Машинательно онъ остался возлѣ окна, желая зная, не усиливается ли буря, какъ нечаянно примѣшивъ лучъ свѣта на противоположной стѣнѣ и прехъ человекъ; проходящій черезъ дворъ въ молчаніи, одивъ изъ нихъ несъ факель, коего пламя освѣщало лица его спутниковъ, такъ что можно было различать черты ихъ, и къ крайнему своему удивленію, Рандольфъ узналъ въ одномъ изъ нихъ своего хозяина жизни, свирѣпаго Мак - Леллана; ихъ таинственный видъ и хранимая ими тишина возбудила неблагопріятныя мысли въ умъ Рандольфа. Онъ слѣдовалъ за ни-

ми глазами, и увидѣлъ ихъ пропедши-ми подъ одинъ сводъ въ противоположной сторонѣ его окошекъ. Скоро свѣтъ факела исчезъ совершенно, и онъ остался въ темнотѣ: въ оспашокъ ночи онъ ничего болѣе не выдалъ, и съ нетерпѣливостію ожидалъ упрежняго посѣщенія Маріи, которая пришла не прежде, какъ въ полдень. Блѣдность и шомность, причиненныя Рандольфу безпокойствами минувшей ночи, не могла избѣжать опы участвія, съ коимъ замѣчала его Марія. Она о томъ безпокоилась и сказала ему, что Графья задержала ее у себя даже до сего времени, и что ей не возможно было видѣться съ нимъ ранѣе. Рандольфъ, отвѣчая на ея вопросы о своемъ здоровьѣ, не чувствительнo довелъ разговоръ до встрѣчи своей съ ночными бродягами, и о ночи, проведенной имъ въ хижинѣ Мак-Леллана.

„Вы провели ночь у Мак-Леллана! подхватила Марія съ примѣчательнымъ удивленіемъ: шочно ли вы увѣрены, что

были у него предъ встрѣчею вашею съ убійцами? —

— Совершенно увѣренъ; мать его называла неоднократно симъ именемъ. Онъ крѣпокъ, силенъ, великъ, имѣетъ широкія плеча, грубая фізіономія, рыжіе волосы; знаете ли вы его? —

Марія посмопрѣла вокругъ себя съ предосторожностію, и подошедъ къ Рандольфу: „Я не знаю, для чего, сказала она: но не могу воспретить себѣ смотрѣть на васъ, какъ на брата; я увѣрена, что вы не измѣните довѣренности, кою я хочу къ вамъ имѣть.“

— Никогда, милая Марія! скорѣе умру, нежели измѣню вамъ. Что вы хотите сказать? —

„То, что я щастливѣе была, находясь въ нашемъ шихомъ жилищѣ въ Роскелинѣ. Хотя бы мнѣ давали всѣ сокровища Шопландіи, но я не польщусь помѣняться имъ съ Графинею: она злая женщина, увѣряю васъ; а Мак-Делманъ злодѣй, всѣ наши люди въ шихомъ увѣря-

юшь ; и однако же вы удивитесь , когда я вамъ скажу , что онъ часто приходилъ въ Замокъ и имѣлъ продолжительные разговоры съ Графинею.“

— Но точно ли извѣстно , что онъ безчестный человекъ ? — спросилъ Рандольфъ.

„Почему люди сіи шакъ судятъ , я не знаю , возразила она запинаясь : но я не удивилась бы , ешлы бы онъ былъ въ согласіи и съ разбойниками , васъ ранившими.“

Примѣчаніе Маріи поражало Рандольфа ; онъ вспомнилъ многія обстоятельства , оправдывающія ея подозрѣнія. Вопросы , съ повпореніемъ ему сдѣланные ; инокшорые взгляды , имъ замѣченные между Мак-Лелланомъ и его матерью , когда онъ имъ далъ золотую монету ; попеченіе , которое онъ принялъ на себя вести его по пустой дорогѣ между горъ ; слуга , его перевязавшій , сказалъ ему , что дорога эта ничто иное , какъ длинный по-

чти непроходимый поворотъ. Безъ сомнѣ-
 нія Мак-Лелланъ былъ остороженъ и не
 хотѣлъ самъ грабить и убивать прохо-
 жихъ, а поручалъ это своимъ шайнымъ
 помощникамъ, раздѣляя съ ними плоды
 ихъ преступленій; безъ всякаго сомнѣнія
 въ сіи вѣроломныя руки впалъ Монпей,
 и вѣроятно Мак-Лелланъ былъ убійца его
 отца. Эта мысль такъ овладѣла его во-
 ображеніемъ, что онъ думалъ видѣть
 Сент-Клера падающимъ подъ ударами
 убійцы своихъ, и обливался слезами,

Марія всегда была готова смѣши-
 вать съ нимъ свои слезы. Поплакавши
 съ нимъ, она испаралась его ушѣшишь.
 „Ну, чтожь, сказала она: предположимъ,
 что онъ былъ въ согласіи съ разбойника-
 ми, и я его почишаю къ тому способ-
 нымъ; онъ не успѣлъ въ гнусныхъ сво-
 ихъ предпріятіяхъ. Вы здѣсь въ безопа-
 сности, я лучше останусь всю ночь у
 дверей вашихъ, нежели позволю Мак-
 Леллану до васъ проникнуть, а днемъ

вамъ нечего бояться; Марія будетъ бодрствовать надъ вами и спасеть ошь всякаго зла.“

— Милая Марія! сказалъ онъ ей: не о себѣ я думаю, предметъ драгоценнѣйшій занимаетъ мои мысли. Вы сказали, что почитаете меня своимъ братомъ, и я хочу вамъ вѣряться, какъ сестрѣ. У меня есть одна, которую люблю болѣе всего; но вы будете имѣть второе мѣсто въ моемъ сердцѣ! — Тогда рассказалъ онъ, что за нѣсколько недѣль онъ лишился отца своего столь жестокимъ и непонятнымъ образомъ, что разсудилъ вездѣ его искать, и что это былъ предметъ его путешествія; но что въ кинжалѣ разбойника, который его ранилъ, узналъ онъ оружіе, носимое симъ дражайшимъ отцомъ его, и никогда имъ непокидаемое. — Это вѣрный знакъ, прибавилъ онъ, что шѣ же самые убійцы лишили его жизни. — Онъ не сказалъ ей ни имени своего, ни откуда шелъ, и заключилъ, заклиная ее, сказавъ ему

все, что знала она, чтобы могло оправдаться или разрушить его подозрѣнія.

„Объщайте же мнѣ, сказала она, что никому никогда не откроете того, что хочу вамъ ввѣрить, или по крайней мѣрѣ, чтобы не знали, отъ кого вамъ сіе извѣстно?“

— Никогда, клянусь жизнью, честью! И шакъ, Марія, говорише безъ страха. —

„То, что я вамъ расскажу, отвѣчала она, не можетъ васъ особенно занять; но оно дастъ вамъ понятіе, для чего я имѣю споль худое мнѣніе о Мак-Лелланѣ. Около 6 недѣль уже, какъ я невольно проступилась въ одной бездѣлицѣ по должности, Графиня шакъ разсердилась на меня, что хотѣла прибить. Я была избалованное дитя у своей матери; никогда она меня не бранила и не била, и бышь прибитою сею злою Графинею. Я не имѣла другаго прибѣжища, кромѣ слезъ, и плакала цѣлый день; даже ве-

черомъ, вмѣсто того, чтобъ лечь спать, я оспалась на стулѣ возлѣ окна, думая о Роскелинѣ, моей мапери и Графинѣ. Моя комната недалеко отъ большихъ воровъ, и часто вечеромъ, прежде нежели засну, старикъ Санди привратникъ разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ людей, а не рѣдко и самъ съ собою по своей привычкѣ. Въ сей вечеръ около полуночи я услышала большой шумъ около Замка. Крѣпко прошрѣбли въ ротъ; сварый привратникъ вспалъ, ругая проходящаго въ такое время. Онъ вынулъ запоры, и одинъ человекъ вошелъ. При свѣтѣ факела, который держалъ Санди, я его признала за Мак-Леллана, который уже имѣлъ нѣсколько переговоровъ съ Графиней. Не смотря на глубокую ночь, онъ требовалъ съ нею говорить. Привратникъ постучалъ у моей двери, чтобы я пошла доложить Графинѣ о Мак-Лелланѣ. Я накинула на себя шаль, и трепещущая разбудила Лади. Она тотчасъ встала. Едва дала время себя одѣть, поспѣ-

шла войти въ залу, гдѣ Мак-Делланъ ожилалъ ее. Я несла предъ нею свѣчу; Графиня приказала поставитъ ее на столъ и выдти; я повиновалась; но она такъ была не терпѣлива начать разговоръ, что прежде, нежели я затворила двери за собою, спросила у Мак-Деллана: что, сдѣлано ли? Онъ отвѣчалъ: такъ, Милади, ваши приказанія исполнены, и я больше ничего не слыжала.“

— Увы! увь! вскричалъ Рандольфъ въ крайнемъ опчаяніи: это объ убійствѣ отца моего такъ говорили! . . . —

„Нѣшъ, нѣшъ! возразила Марія, думая, что печаль возмутила его чувства. Не уже ли думаете вы, что это относилось до отца вашего? Вы не знаете, что говорите; придите въ себя, или я ничего не скажу; постарайтесь забыть на минуту отца вашего.“

Хотя Рандольфъ былъ въ смертельномъ безпокойствѣ; но принудилъ себя скрыть оное и просилъ Марію продолжать.

„Признаться, возразила она: мое любопытство было чрезвычайно; я вошла тихо по наружной лѣстницѣ на высокую галерею, которая кругомъ большой залы, и могла оштуда видѣшь все производившее, но не могла ничего слышать. Графиня дала Мак-Леллану кошелекъ, и скоро потомъ, опперевъ сундукъ, которой былъ въ углу, она вынула изъ него многіе пребольшіе ключи, вмѣстѣ связанные, которые также ему ошдала; она сдѣлала скорой и повелительной знакъ, и Мак-Лелланъ ушелъ. Послѣ уходу его она оспалась погруженною въ мысляхъ; потомъ всшала; начала ходить взадъ и впередъ по залѣ съ чрезвычайнымъ безпокойствомъ, сама съ собою говорила, и повидимому была нѣсколько минушь въ бѣшенствѣ; между тѣмъ плакала и казалась близкою къ обмороку. Боясь, чтобы она меня пошчасъ не спросила, я сошла внизъ и ожидала приказаній, но напрасно этого опасалась;

она обо мнѣ не помышляла и оставалась въ залѣ во всю ночь.“

— Тяжестъ пролипой крови перзала ея душу, сказалъ въѣ себя Рандольфъ: угрызение совѣсти волновали ее. —

„Милосердый Боже! вы устрашаете меня, сказала Мірія: нѣтъ, нѣтъ! вы обманываешесь; ни чья кровь не пролила. Любопытство мое заставило меня провести слѣдующую ночь у моего окопика. Въ тожь же самый часъ, какъ и прежде, Мак-Лелланъ возвратился съ явнью вооруженными человѣками, которые сперегли пестшаго высокаго и благороднѣйшаго виду; я не могла разсмотрѣть черты его лица.“ Она остановилась.

Рандольфъ едва могъ удерживать свое любопытство. Онъ взялъ руку ея и просилъ продолжатъ.

„Не много остается мнѣ досказатъ вамъ: всѣ слуги получили приказаніе равно ложитъся спать; но можетъ бытъ я была не одна, которой любопытство не позволило уснуть. На другой день

шайнственнѣй видѣ царствовалъ между людьми во всемъ домѣ.“

— Спрашная ночь! вскричала Рандольфъ, вставши съ видомъ бѣшенства: варвары! они убили сего несчастнаго по повелѣнію этого чудовища подѣ личною женщиной! —

„Нѣтъ! говорю я вамъ, они провели плѣнника чрезъ дворъ, и взошли подѣ сводъ въ большую башню, и безъ сомнѣнія ключи отъ оной получили Мак-Делланъ отъ Графини.“

— О, Боже! возможно ли, чтобы онъ еще былъ живъ! — вскричала Рандольфъ, сжимая въ своихъ объятіяхъ Марію, съ радостнымъ восторгомъ.

Она попятилась и смотрѣла на него съ удивленіемъ. „Я думаю, что онъ живъ, потому что спража поставленъ въ башнѣ, и было бы совершенно бесполезно спорить мертваго. Но отъ чего это повѣствованіе васъ такъ беспокоитъ? какое участіе принимаете вы въ семейностраницѣ?“

— Никакого, никакого! возразилъ Рандольфъ, образуясь: это простое челоуѣколюбіе; я былъ такъ близокъ къ смерти, что сожалѣю о несчастныхъ, кои такъ же опъ нее близки. Но утѣрены ли вы, что онъ еще шамъ? —

„Я въ этомъ не сомнѣваюсь; никто не допускается шуда, кромѣ Мак-Леллана и его товарищей; но они шамъ всегда, и для чегожъ болѣе, какъ не для сохраненія ихъ плѣнника? Старый ключникъ Давидъ сказывалъ, что Мак-Лелланъ естъ начальникъ шайки разбойниковъ, ошпатка бунтовщиковъ, умершвившихъ Короля, и что онъ на все способенъ. Плѣнникъ еще не убишь, но можешь подвергнуться смерти каждую минушу. Благодареніе Богу, что вы избѣгли рукъ сего злодѣя Мак-Леллана!“

Въ сію минушу. услышали они повпоряемое много разъ имя Маріи. Госпожа ее спрашивала. Рандольфъ имѣлъ шолько время просишь ее бышь молчаливою о

помъ , что они другъ другу повѣрили. Сердце Рандольфа облегчилось послѣ ея ухода. Ему казалось , что она сняла съ него ужасную тяжесть ; надежда оживила его. Очень возможно было , что опецъ его живъ , что онъ былъ плѣнникъ , коего Марія видѣла — это даже было вѣроятнo; между тѣмъ многія обстоятельство ему казались проотивными этой мысли : какъ могли разбойники взять его въ открытомъ морѣ ? куда дѣвался Сиръ Жамесъ Россъ ? для чего тогда , какъ вся фамилія Роскелиновъ врагъ Сенш - Клеру , былъ ему плѣнникомъ одной только Графини ? Хотя онъ не могъ рѣшить каждаго изъ сихъ вопросовъ и они уменьшали его надежду , но большая часть его несчастій была облегчена , и въ первый разъ во все пребываніе его въ Замкѣ онъ ѣлъ съ анпетитомъ кушанья , котораго принесла ему добрая Марія.

ГЛАВА XII.

Между шѣмъ другъ его Марія была предметомъ брани и дурныхъ поступковъ своей надменной Госпожи. Она звала ее прижды, и наконецъ нашла ее въ комнатѣ молодаго Рандольфа. Этого было больше, нежели сколько надобно, чшобъ заслужить упреки и гнѣвъ женщины, коей худой нравъ искалъ только предлога къ изліянiю ругательствъ. Марія защищалась только слезами. Графиня успавши, переспала наконецъ ругать ее, приказала осшатся при себѣ, а слугъ велѣла привести къ себѣ молодаго незнакомца. Рандольфъ запрещалъ, выслушавъ сіе приказаніе; но должно было повиноваться, и онъ послѣдовалъ за слугою. Голова его еще была завязана и лице чрезвычайно блѣдно, какъ отъ потери крови, такъ и отъ безпокойствъ имъ претерпѣнныхъ. Не смотря на это, его пріятная наружность и благородство чертъ лица были еще примѣшны; и Гра-

финя, посмотрѣвъ на него внимательно, нашла себя лучше къ нему расположенною, нежели сама того ожидала.

Гандолифъ съ своей стороны ощущалъ почти то же самое. Онъ вошелъ въ залу съ величайшимъ отвращеніемъ къ сей женщинѣ. и глубочайшимъ желаніемъ ищенія. Но или красота ея, которая была очаровательна, или тайное вліяніе природы было причиною, что при видѣ ея негодованіе его смягчилось, и чѣмъ болѣе смотрѣлъ на нее, тѣмъ болѣе думалъ, что она не шакъ была виновна, какъ онъ воображалъ.

„Молодой человекъ! сказала она ему съ крошкимъ упрекомъ: допустивши меня въ мое жилищѣ изъ состраданія и челоуколюбія, я не ожидала, чтобы ты отнималъ все время у моей горничной и отвлекалъ ее отъ должности.“ Онъ покраснѣлъ. Но пришедъ въ себя, отвѣчалъ благородною смѣлостію: — Есиль я оскорбилъ васъ, Милади, отнимая вре-

ия, въ которое должна Марія служить вамъ, по прошу въ томъ прощенія. Сibraдая отъ раны, я находилъ нѣкопорую опраду въ добромъ и соболъзнующемъ ея сердцѣ. Однакоже виновашъ въ томъ, что удерживалъ ее слушать мои жалобы — и меня одного слѣдуетъ бранить. —

„Этого довольно. Сколько шебъ лѣтъ?“

— Семнаццать. —

„Не возможно, сказала она, измѣряя его глазами; шебъ по крайней мѣрѣ двадцать.“

— Я бы желалъ, Милади, чтобы мои познанія и опытность были выше моего возраста. —

„Какъ свое имя? и изъ какой ты фамилии?“

Рандольфъ предвидѣлъ, что вопросъ сей будетъ ему сдѣланъ, и заранѣе уже приготовился къ отвѣту. Между тѣмъ онъ шазъ мало былъ привыченъ ко лжи,

что покрасивѣль, говоря: — Имя мое Рандольфъ, произхожу отъ младшей оспра-сли Мак-Грегоровъ. —

„Для чего покинуль ты домъ роди-тельской?“

— Чшобы искашь себѣ мѣсто. Попро-ря опца моего сдѣлала опдаленіе мое необходимымъ. —

„Есшьли дадушъ шебѣ мѣсто, ко-его ищешь, то будешь ли вѣренъ и при-знашелень?“

— Такъ, Милади; шолько бы я лю-билъ тѣхъ, у кого буду служить. —

Графиня улыбнулася благосклонно; и сіе выраженіе, шполь рѣдкое на преле-спномъ лицѣ ея еще, болѣе придаде ей красопы. „Хорошо, сказала она ему: думаешь ли ты, что будешь любить меня?“

Не понимая, отъ чего сердце Рандольфа привязалось къ ней, — ахъ, Ми-лади! опвѣчалъ онъ съ живосіію: есшь-ли черпты лица вашего, въ чель и сомнѣ-

вашся не лъзя, сунь изображеніе души вашей: по кто бы могъ не обожать васъ?—

Тидеславіе было владычествующею спраспнїю Графини; для нее лестно было удивленіе, которое внушила она въ сего молодого человѣка; и въ самомъ дѣлѣ въ эту минуту ей были необходимы эти прелести, чтобы привлечь сердце такого человѣка, который ее ненавидѣлъ. „И такъ, Рандольфъ, сказала она благо-склонно, спарайся скорѣе выздороувѣшь; я приму тебя въ число моихъ служителей; думаю, что ты будешь на это согласенъ?“

Рандольфъ поклонился и поблагодарилъ Графиню.

Марія чувствовала неизяснимую радость, испросивши молодому другу своему покровительство Графини, наиболѣежь оны того, что оны оставался въ замкѣ. Одиный страхъ только, что ее побраняшь, помѣшала ей изяснить свое удовольствіе; но глаза ея, устремленные на Рандольфа, выразили гораздо

краснорѣчивѣе, ешьли бы только онъ хощѣлъ смотрѣть на нее и ее понимать; но взоры его были популены; онъ внутренно стыдился предложенія, ему сдѣланнаго, и принятія онаго. Но должно было припворяться, дабы симъ средствомъ остаться въ Замкѣ, опкрыть, дѣйствительно ли Моншей былъ плѣнникомъ въ башнѣ, спасти его, можетъ быть; все, что ни дѣлалъ въ таковомъ расположеніи, казалось ему благороднымъ. Графиня велѣла ему выдти. Возвратясь въ свою комнату, онъ продолжалъ размышлять о всемъ случившемся съ нимъ послѣ того, какъ онъ оставилъ Барру. Бывъ започеннымъ въ семь дикомъ островѣ, сколько разъ желалъ онъ выдти изъ него и видѣть свѣтъ, и сколько горестей онъ уже переживалъ! Обмануть первымъ человекомъ, у коего искалъ онъ спиритичества; ограбленъ, и почти умерщвленъ первыми существами, имъ встрѣченными на большой дорогѣ; безъ жалости отсылаемъ отъ чертаго убожи-

ща, гдѣ просилъ помощи, принять наконецъ по ходатайству молодой дѣвушки, подверженной за него брани Госпожи своей; принужденъ прибѣгнуть ко лжи и скрывать имя, составляющее его славу, и къ усугубленію горести казаться привязаннымъ къ женщинѣ, явной непріятельницѣ его отца, которая можетъ быть была причиною его смерти, или по крайней мѣрѣ жесточайшихъ горестей, въ копорая содѣлала несчастною благородную Амбруазину и его любезную Зину! Щастливый однакожъ въ своемъ нещастіи незнакомъ, что онъ получилъ жизнь отъ сей ненавистной женщины, онъ упрекалъ себя за то, что смотрѣлъ на нее благосклонно. Сынули Монтея, воспитаннику знаменитыхъ изгнанниковъ, молодому человѣку, привыкшему видѣть въ мѣстѣ добродѣтель и красоту въ благородныхъ чертахъ Амбруазины и въ привлекательнѣйшей фізіономіи Зины, допустить себя пронуться красотою безъ добродѣтели? Прелести Лади Роскелинъ

блистательны; но они ни что иное, как обманчивая маска. „Что такое? я нахожу себя щасливымъ, говорилъ онъ, будучи сыномъ несчастнаго Монтея и неизвѣстной матери, нежели когдабъ былъ сыномъ Роскелиновъ.“ Онъ имѣлъ мысль бѣжать въ ту же минуту изъ Замка, поспѣвши на Барру и привезти опшуда достапочныя для освобожденія Монтея силы; но еще заподлинно не зналъ, онъ ли точно былъ плѣнникъ, и потомъ разсуждалъ въ себѣ такъ: „еслии это онъ, то то время моего отсутствія могушь увезти его въ другое мѣсто, мнѣ неизвѣстное; могушь также лишить его жизни. Увы! еслии я не могу спасти его, то по крайней мѣрѣ умру съ нимъ!“ И такъ онъ разсудилъ оспашься и присматривать тщательна за всѣмъ, что будетъ происходить у башни. Ночью всегда въ томъ же часу видѣлъ онъ людей, проходящихъ чрезъ дворъ подъ сводъ; онъ предполагалъ, что они ходили на смѣну стражи,

наблюдавшей пльнника. Для лучшаго узнанія въ шрешью ночь, взявъ свой кинжалъ, вышелъ онъ шихонько изъ комнаты, и слѣдовалъ за ними подъ сводъ чрезъ многіе повороты, скрываясь отъ времени до времени за столбами, его поддерживающими; наконецъ его догадки оправдались — три челоѡка вошли въ башню. Не много спустя, по же число вышло изъ оной съ факеломъ, при свѣтѣ коего онъ узналъ Мак-Леллана. Рандольфъ имѣлъ характеръ чрезвычайно рѣшительной, гылкой и спрасшной: его Рыцарское воспитаніе у изгнанниковъ Барры, сходное съ его расположеніемъ, убѣждало его, что честь и мужество были все, что могло опличать челоѡка, и должны были считаться между его первѣйшими обязанностями; мнѣніе сіе усугубило, спраданіе его еще болѣе въ настоящемъ положеніи. Будучи принужденъ скрываться и не осмѣливаясь объявить себя истиннымъ сыномъ и защитникомъ Моншея, онъ хотѣлъ напасшь

на эгихъ прехъ челоуѣкъ и заспашишь ихъ ошдаты ему плѣнника. Ему каза-лось, что кинжалъ его воспреемника и ошца долженъ бытъ очарованнымъ ору-жіемъ, какъ прежде древнихъ Палади-новъ, и что онъ легко совершишь свое предпріятіе; но мысль, что ешлы онъ падеть, шо отецъ его будеть не-избѣжною жертвою, оспановила его ки-пящее мужество, и онъ пропустилъ спражу. Когда все ушихло подъ сводомъ, шо онъ приближался и обошелъ вокругъ шемницы, смотря на всѣ опверзшія; онъ не видалъ нигдѣ свѣта, кромѣ низу, шо заключилъ, что шамъ обыкновенно должна находимься спража.

Желая въ шомъ увѣришься, онъ съ шрудомъ вскарабкался до маленькаго окна, въ коемъ видѣлъ свѣтъ, и въ самомъ дѣ-лѣ примѣшилъ возлѣ большаго огня прехъ челоуѣкъ, коиъ видѣлъ вошедшими; ихъ сабли лежали на сполѣ обнаженными, въ шторонѣ большой сосудѣ вина; они пи-

ли его, грѣясь у огня, и оборотившись спиною къ окну. Боясь быть примѣченнымъ, онъ поспѣшь слезъ. Будучи уже на землѣ, ошощель на нѣсколько шаговъ, устремивъ взоры свои на комнату, бывшую выше спражей, думая, что тамъ долженъ быть плѣнникъ; онъ осмѣлился просвистать довольно громко; но ничего не примѣпилъ, кромѣ одного сторожа, подошедшаго къ окну. Воясь тогда возбудить тревогу, кошорая бы ни къ чему не послужила, онъ возвратился въ свою комнату и спалъ нѣсколько часовъ. На другой день вышелъ очень рано, и по новой своей должности вмѣшался между людьми, надѣясь узнать что-нибудь относящееся къ плѣннику; но о томъ не было совсѣмъ разговора. Преходя корридоръ, ведущій въ комнаты Графини, онъ встрѣтился съ Мак-Лелланомъ, который только что имѣлъ съ нею разговоръ. Бездѣльникъ въ минуту узналъ его и запрепепалъ; употребляемъ будучи единственно въ баш-

нѣ , онъ входилъ въ Замокъ только за пищею , или въ случаѣ надобности переговоровъ съ Графинею. Всѣ слуги его боялись и никто съ нимъ не говорилъ ; слѣдовательно онъ и не зналъ вступленія Рандольфа въ Замокъ. Рандольфъ также задрожалъ отъ ужаса при видѣ сего человѣка ; но почувствовавъ необходимость пришествія , отвѣчалъ на вопросы его простымъ и опикровеннымъ образомъ. Мак - Лелланъ изъявлялъ свою печаль о его ранѣ , и съ участіемъ спрашивалъ , не можетъ ли онъ узнать бездѣльниковъ , на него нападавшихъ. Сердце Рандольфа билось очень сильно , но видъ его былъ спокоенъ. „Какъ могу узнать ихъ , сказалъ онъ : я былъ тогда въ великомъ смятеніи , и не могъ ихъ замѣшить ; безъ сомнѣнія это были разбойники безъ пристанища , и ихъ было бы искашь бесполезно.“ — Да и не возможно ; пошому что вы ихъ не знаете , — сказалъ Мак - Лелланъ ободрившись , и пожелавъ ему скораго выздоровленія , онъ

его оспазиль. Едва только онъ ушелъ, какъ прибѣжала Марія; съ ужасомъ вдали или вблизи она все слѣдовала за Рандольфомъ, и зашрепешала, увидя Мак-Леллана къ нему подошедшаго и говорящаго съ нимъ; она видѣла измѣну и смерть въ каждомъ его взглядѣ. Рандольфъ, пронутый участіемъ, ему оказываемымъ сею молодою ссобою, увѣрилъ ее, что она нашла въ немъ друга на всю жизнь, и просердечная и нѣжная Марія поняла увѣреніе сіе въ пространѣйшемъ смыслѣ, каковаго оно въ себѣ и не заключало. Сердце молодаго чело-вѣка было наполнено признательностію и участіемъ къ ней; онъ сожалѣлъ, видя ее въ столь худомъ мѣстѣ; желалъ бы вручить ее покровительству Амбруазины и видѣть ее щасливѣйшею; но кромѣ своего сердца его пребывало очень спокойнымъ; Маріино же было движимо новымъ для нее чувствомъ, коему приписывала она имя дружбы, хотя, судя пошому, какъ оно занимало ее, и сполно уже

были названными любовію. Марія, не
 почиая выше себя Рандольфа, преда-
 валась съ довѣренностію симъ сладкимъ
 мечпаніямъ; часпо думала, что они бу-
 дущь жинь вмѣстѣ въ хижинѣ ея мапе-
 ри въ Роскелинѣ, и будущь гораздо ща-
 спливѣе, нежели въ Замкѣ Графини. Она
 разскалась съ своимъ молодымъ другомъ,
 повторяя въ сердцѣ своемъ любезное увѣ-
 реніе, данное ей Рандольфомъ, и онъ во-
 шель въ свою компану, занимаясь един-
 ственно плѣнникомъ въ башнѣ. Движеніе
 духа не давало ему спать; онъ вспалъ ра-
 но, и разсудилъ разсмотрѣть вниматель-
 но окружности Замка и укрѣпленія. Они
 были нѣкогда чрезвычайно страшными,
 но ихъ запустили уже нѣсколько лѣтъ;
 многія мѣста были худы и начинали раз-
 рушаться. Рандольфъ съ удовольствіемъ
 видѣлъ, что если бы плѣнникъ возмогъ
 выйти, то не мудрено было бы его про-
 вести чрезъ валь. Удовлетворивъ свое
 любопытство съ сей стороны, онъ раз-
 судилъ узнать также разныя проходы и

пути, ведущіе къ нему. Обошедши сначала вокругъ спѣны, онъ спустился наконецъ съ горы, - на вершинѣ которой прешерпѣль онъ ошъ разбойниковъ нападеніе, и нашедши ошломокъ утеса, удобный для ошдыха, онъ ослѣ на немъ, предался влеченію мыслей и предпріятій; опершись больною головою на руку, онъ долго оставался погруженнымъ въ мечтаніе, какъ вдругъ былъ извлеченъ изъ оныхъ топотомъ двухъ лошадей, которыя пошропчкѣ проходили гораздо ниже того мѣста, гдѣ онъ находился. Посмотрѣвъ ошуда, увидѣвъ онъ двухъ ѣздаковъ, кои приближались съ ошпорожностію одинъ изъ нихъ, примѣтивши его, оштановился и кричалъ ему, не можешь ли онъ увѣдомить ихъ, нѣтъ ли въ ошрѣжности какаго дома, гдѣ бы они могли найти пищу для себя и лошадей. При звукѣ ошолі извѣснаго голоса Рандольфъ прешепчетъ ошидываешь взорами пушешествениковъ и не дѣлая никакаго вниманія на разшолвіе, ихъ раздѣляющее, бросается

съ невѣроятною быстрою, прыгаетъ съ ушеса на ущесь, скользитъ на крутыхъ мѣстахъ, и съ движеніемъ, которое не даешь ему промолвить словъ, кидается въ объятія Рыцаря дю-Бургъ и Фразера. „Великій Боже! возможно ли! вѣришь ли мнѣ глазами своимъ! Рандольфъ, ты ли это упалъ къ намъ какъ съ неба? какъ ты сюда зашелъ? какое чудо тебя къ намъ приводитъ? откуда ты?“

— Щаспливая, тысячекратно щаспливая встрѣча! вскричалъ Рандольфъ съ живѣйшимъ воспоргомъ радости, прижимая руку Рыцаря къ губамъ своимъ и тряся Фразерову. Милый дю-Бургъ! добрый Фразеръ! друзья мои! Небо посылаетъ васъ сюда; я думаю теперь, что все (можетъ исполниться, что я буду еще щаспливѣйшимъ изъ смертныхъ. —

„По чести, я не могу придти въ себя отъ удивленія,“ сказалъ Рыцарь: я думаю, что грежу; гдѣ ты былъ? откуда

куда вышеть? какъ ты сюда пришелъ? Боже мой! какъ ты блѣдень и перемѣнился! не болѣлъ ли ты былъ? друзья наши съ побоюли? чортъ знаетъ, гдѣ ты живешь? Отвѣчай молодой человѣкъ, естъли не хочешь, чшобы я лишился ума.“

Они сошли съ лошадей, и пустили ихъ пасшись, а сами, сѣвши возлѣ Рандольфа, повторили свои насшояшельные вопросы. — Рыцарь! сказалъ молодой человѣкъ покраснѣвъ: скоро послѣ опѣзда вашего изъ Барры я шакже уѣхалъ, но тайно; я бѣжалъ въ надеждѣ догнать гасъ и искашь моего родителея; но неподалеку опъ сего мѣста на меня напали разбойники и ранили. Теперь живу я въ Замкѣ, которой находится вверху сей долины, и принадлежишь Графинѣ Роскелинѣ. —

„Ты у Графини Роскелинѣ! прервалъ дю-Бургъ: я перехожу опъ удивленія къ удивленію; шакъ ты знаешь. . . Бадѣль ли ты ее?“

— Такъ, я видѣлъ ее. Честные купцы, которые мнѣ помогли, привезли меня въ сей Замокъ; меня приняли съ вѣжливостями за прудненіями; но теперь я имѣлъ щастіе ей понравиться, и со-спую въ числѣ ея слугъ. —

Дю-Бургъ вскочилъ съ бѣшенствомъ. „Какъ! вскричалъ онъ: воспитанникъ благородныхъ изгнанниковъ Барры могъ такъ унижиться, и рѣшиться на такую подлость? ты осмѣливаешься въ шомъ мнѣ принаващаться? ты, ты въ числѣ слугъ сей женщины? ты сынъ? . . . сынъ Моншея. Если это правда, послѣдуй судьбѣ швоей. Дю-Бургъ и ты, вы будете чужды другъ другу!“

— Имя мое и фамилія не извѣстны, отвѣчала Рандольфъ.

Какъ бы ни былъ гордъ и мужественъ Рыцарь дю-Бургъ, во въ семъ случаѣ онъ бы поступилъ какъ молодой Рандольфъ. И потомъ присорочилъ онъ, говоря съ чрезвычайнымъ смущеніемъ, обнявъ Рыцаря: — Я ласкаюсь надеждою

что родитель мой живъ еще; я имѣю сильныя причины предполагать, что онъ плѣнникомъ въ Замкѣ, гдѣ живу я: это одно обстоятельство заставило меня имѣть участіе въ домѣ Роскелиновъ. Но я конечно хочу знать, основательны ли мои подозрѣнія; въ семъ случаѣ, и чего бы ни стоило освободишь отца моего, скажише, Рыцарь, для сей цѣли согласись ли бы вы служишь Графинѣ? —

„Я бы согласился служишь всякому дьяволу, не только сему дьяволу женскаго рода, на которую очень хорошо смотрѣшь, какъ увѣряли меня. Но, милый Рандольфъ, пожалѣй о моей неперпѣливости, расскажи мнѣ всѣ подробности своего открытія; еслили оно основательно, то съ сей минуты я опускаю флагъ передъ тобою и признаю надъ собою главнымъ. Всѣ наши поиски были тщетны, усталость и горечь сдѣлали меня больнымъ; я былъ при нещадномъ удерживаемъ лихорадкою въ одной дерев-

въ близъ Спирлинга. Едва шолко я
былъ въ состояніи выдти, то захопѣлъ
начашь мои поиски, и начашь ихъ съ
сего Замка. Описушшіе Графини, ея пре-
бываніе въ семъ уединенномъ мѣстѣ, по-
дало мнѣ нѣкошорыя сомнѣнія; но я не
имѣлъ никакого средства утвердиться
въ догадкахъ. Богъ привелъ меня сюда,
милый Рандольфъ, какъ ангела, который
долженъ намъ предшествовать!»

— И это еще первый день, ска-
залъ Рандольфъ, какъ я вздумалъ выдти
изъ снѣнъ Замка. Кто можетъ не узнать
здѣсь руку Провидѣнія! — Я хочу раз-
сказать вамъ все, что случилось со мной
по уходѣ изъ острова Барры. Онъ на-
чалъ свою повѣсть; дю-Бургъ пререпе-
талъ при разговорѣ Рандольфа съ Графи-
нею; онъ заставилъ его повторить все,
что зналъ о плѣнникѣ въ башнѣ, и не
имѣя сколько надежды, какъ молодой
человѣкъ, чтобы сей плѣнникъ былъ
Мокшей, единая возможность, что онъ

живъ еще, заставила бишься ошь радосши его сердце.

„Самое вѣрнѣйшее, сказалъ онъ, когда молодой человекъ кончилъ свою повѣсть, есть то, что въ Замокъ содержится плѣнникъ. Послѣ извѣснаго характера Графини нѣтъ сомнѣнія, что онъ заключенъ несправедливо. Кюбы онъ ни былъ, мы ему возвратимъ свободу. Еслили это Сенш - Клеръ, мы будемъ навсегда щасливы; еслили же другой, то мы будемъ имѣть въ плѣнникѣ еще друга, который поможетъ намъ его найти. Но, милый Рандольфъ, мы должны подумать благоразумно. Твое долгое отсутствіе можешь возбудить подозрѣнія; возвратись въ Замокъ, замѣчай внимательно все, что въ немъ произойдетъ; съ нашей спорыны мы будемъ наблюдать снаружи и поищемъ способовъ въ него войти; мы не столь многочисленны, чтобы употреблять насиліе; и шкъ должно имѣть приобѣжище къ хитросши.“

— Когда я увижусь съ вами? — сказал Рандольфъ.

„Завтра по утру въ сіе же время. Я надѣюсь, что здѣсь не произойдетъ никакого произшествія; во всякомъ случаѣ ты будешь бодрствовать внутри, а мы снаружи во всю сію ночь.“

Прежде нежели распались, дю-Бургъ вынулъ кошелекъ, наполненный золотомъ, и отдалъ Рандольфу. „Возьми это, молодой человекъ: очень возможно, что золото можетъ быть тебѣ полезно; не нужно презиратьъ никакихъ средствъ. Прощай нашъ другъ, нашъ товарищъ! ибо твое поведеніе во всемъ этомъ дѣлѣ поощряетъ тебя на одной съ нами лѣнни и даже тогда, если бы ты обманулся въ плѣнникѣ. Если мы не найдемъ Сент-Клера, ты намъ замѣнишь его: и шакъ шьмъ или другимъ образомъ ты возвратишь намъ нашего друга.“

— О Боже! вскричалъ Рандольфъ: водѣлай, чтобы я возвратилъ его другу

ямъ, и чтобы еще долгое время онъ служилъ примѣромъ своему сыну! . . —

Они распались. Рандольфъ съ сердцемъ исполненнымъ надежды пошелъ по дорогѣ къ Замку; а дю-Бургъ и Фразеръ соспавляли вмѣстѣ планъ дѣйствія.

Г Л А В А VIII.

Рандольфъ былъ въ Замкѣ предметъ очень маловажный, чтобы могли замѣнить отсутствіе его; одна только Марія это замѣтила, и оплучка ея показалась для нее продолжительною; она ожидала его за воропами и побѣжала къ нему на встрѣчу. „Я думала, сказала она, что вы никогда не возвратитесь,“ и покраснѣвшіе глаза ея показывали, какъ яношь спрахъ возмутилъ ее. — Милая Марія! сказалъ онъ ей дружественно: я не уйду, вамъ того не сказавши, будьте въ томъ увѣрены. Я имѣлъ нужду въ движеніи, и хотѣлъ испытать свои си-

ля; эта прогулка мнѣ очень полезна. — Въ самомъ дѣлѣ выраженіе удовольствія, нашедши друзей своихъ, покрыло румянцемъ его щеки; прекрасные черные глаза его были одушевлены. Марія не могла насмотрѣться на него, и полюбила бы его съ сею минушою, естъли бы сердце ея было свободно.

По утру онъ еще былъ допущенъ въ присутствіе Графини. Очарованная его пріятнымъ лицомъ, она приняла его ласково, и заказала для него богашую ливрею по цвѣту Роскелиновъ. Рандольфъ краснѣлъ, слушая приказаніе сіе; естъли бы онъ не вздумалъ, что жребій его и павнника рѣшился прежде, нежели будетъ сдѣлано платье, то измѣнилъ бы негодованіемъ, возбуждившимся въ дупѣ его, но удержался. Графиня сочла, что онъ покраснѣлъ отъ удовольствія, и чтобы оное усугубить, она сказала ему: „Слышишь ли, Рандольфъ, ты будешь имѣть платье для службы мнѣ; придѣ

себя въ часъ обѣда моего; отныняѣ ты будешь? служишь мнѣ въ продолженіи стола." Онъ принужденъ былъ повиноваться сначала съ крайнимъ отвращеніемъ; но Елеонора шакъ была прекрасна, что невольно привлекла взоры и удивленіе. Рандольфъ не могъ свести съ нее глазъ, и встрѣчалъ шакже ея на него усмехленныя. Она поражена была сходствомъ его съ Сент - Клеромъ, видя его только покрытымъ кровію, или съ обвязанною головою; она этого еще не замѣтила; но будучи увѣрена, что Монтей могъ имѣть сына сихъ лѣтъ, она думала, что это была игра природы, или можетъ быть воображеніе показывало ей всегда этотъ образъ. Пришедши въ себя, Рандольфъ съ неперпѣиємъ ожидалъ ночи; но она прошла, шакъ что онъ ничего не примѣнилъ, и проводилъ многіе часы карауля у окна, онъ вышелъ лишь только отворили ворота, чтобы идти на назначенное свиданіе. Дю - Бургъ и его товарищъ шакже съ своей стороны про-

вели ночь въ окрестностяхъ Замка. Они уведомили его, что обошедши укрѣпленія и стѣны, они нашли проходъ неподалеку отъ башни, которой развалился, и гдѣ легко можно было войти; они обѣщались туда придти въ полночь. Уговорясь они разспались. Рандольфъ вошелъ, не будучи ни къмъ примѣченъ, даже и доброю Марією, которая была занята при Госпожѣ своей. Въ продолженіи дня онъ исполнилъ также свою должность виночерпія, и былъ свидѣтелемъ сцены, которая уязвила его сердце. Съ самаго его прихода невинная Марія была, нужно признаться въ томъ, очень разсѣяна, и болѣе занятая имъ, нежели своими обязанностями. По случаю нѣкоторой небрежности въ своихъ услугахъ, ея высокоумная Госпожа вошла въ бѣшенство, о коемъ Рандольфъ не имѣлъ и понятія; къ щасію его, она кончилась только бранью. Рандольфъ не могъ вопрошиваться, чтобы не защищать ее; но негодование Графини было чрезвычайно.

„Боже мой! вскричалъ онъ: возможно ли, чтобъ женщина, коей красопа имѣешь нѣчто ангельское, могла предаваться такому неистовству! Щастливый! щастливый островъ Барра! твои брега, твои утесы не описываются никогда страшными выраженіями гнѣва; небесный голосъ Амбруазины поражаетъ пріятно слухъ, проникаетъ во глубину сердца, возбуждаетъ въ немъ всѣ пріятныя чувства добродѣтели, любви и согласія, и ты, моя Зина, моя милая сестра, ты совершенное ея изображеніе! твой сладкій голосъ не можешь выразить ничего, кромѣ дружбы и снисхожденія! Можешь быть въ сіи минуты ты говоришь своей матери о вашемъ Рандольфѣ, беспокоишься о его участи и плачешь объ отсутствіи его. Ахъ! если бы скорѣе могъ я любить опять сего жилища и его надменной Госпожи, если бы возмогъ я возвратить вамъ возлюбленнаго родителя!“

Одна мысль поразила его разумъ. Если ему удастся освободить плѣн-

ника, но когда ихъ побѣгъ будетъ открытъ, бѣшенство злобной Графини пало бы единственно на Марію, какъ на виновницу его принятія въ Замокъ, эта мысль долго занимала его; сдѣлать ее соучастницею въ ихъ побѣгѣ, было невозможно. Сенш-Клеръ и дю-Бургъ не захотѣли бы на то согласиться, да и онъ самъ не желалъ возродить въ нихъ подозрѣніе, что подвигу его была совсѣмъ иная причина, а не любовь сыновняя; но оставить эту бѣдную дѣвушку, коей онъ былъ сколько долженъ, подвергнуть ее злости неистовству Елеоноры, было для него настоящимъ мученіемъ. Наконецъ по долгомъ размышленіи нашелъ онъ средину между двумя крайностями, считавъ деньги, бывшія въ кошелькѣ, которой далъ ему дю-Бургъ съ 50 золотыми марками, отдѣлилъ изъ нихъ половину, и взявши бумаги и чернила, завернулъ деньги въ слѣдующемъ письмѣ:

„Милая и добрая Марія! ты сказала мнѣ, что считаешь меня братомъ,

„въ эпомъ качества прошу тебя я при-
 „лагаемую у сего принять не большую
 „сумму; она можетъ послужить къ без-
 „опасному возвращенію къ твоей маяущ-
 „кѣ. Судьба моя увлекаетъ меня шеперь
 „далеко отъ тебя; но я никогда тебя не
 „забуду; несносно для меня при разлукѣ
 „оставлять тебя у шой гордой Графини;
 „поспѣши какъ можно скорѣе разснаться
 „съ нею, и возвратись въ мирное жили-
 „ще твое въ Роскелинъ; помышляй чаще
 „о другѣ Равдольфѣ, и будь увѣрена,
 „что естли продлятся дни его, то ты
 „получишь объ немъ извѣстіе. Прощай!
 „я буду всегда твой нѣжнѣйшій и при-
 „знашельнѣйшій другъ.“

Онъ запечаталъ пакетъ, и ввечеру
 отведши Марію въ сторону, сказалъ :
 „Милый другъ! я имѣю до васъ просьбу.
 Поберегите эпомъ пакетъ до завтра ;
 вы мнѣ возвратите, когда я его попро-
 шу. Естли же я не попребую завтра
 по утру, тогда вы его распечатаете,
 и буде имѣете ко мнѣ малѣйшую дру-

жбу, то сохраните для себя одной, что въ немъ содержишься.“

Марія взяла пакетъ. — Я лучше умру, нежели ели чтонибудь скажу объ немъ, опъвчала она. Исполню все, чего вы желаете; но почему бы не сказать мнѣ шеперь, что въ немъ находишься? —

„Я имѣю причину, которую вы послѣ узнаете: а нынѣ не могу вамъ ошкрыть ее.“

— Завтра! . . . Но, возразила она съ безпокойствомъ, не думаете ли вы насъ оставить? —

„Не спрашивайте меня, милая Марія! но будьте увѣрены, что ваше счастье будетъ первѣйшимъ моимъ желаніемъ; и если мы разстанемся, то не навсегда.“ Съ чувствительностію онъ пожалъ ея руку и ушелъ прежде, нежели она гла опъвчашъ.

Марія, оставшись одна, покушалась распечатать пакетъ; но обѣщаніе, данное Рандольфу, превозмогло ея любопытство, „Не прежде, какъ завтра!“ сказа-

ла она съ глубокимъ вздохомъ, положивъ его за пазуху, и возвратилась къ своимъ занятіямъ.

Рандольфъ бодрствовалъ, какъ и прежде, у окна своего. Пробыло двенадцать часовъ — время назначенное его друзьями. Не много спустя онъ увидѣлъ спражу, проходящую чрезъ дворъ; Мак-Лелланъ былъ впереди; онъ слѣдовалъ за ними въ молчаніи и въ темнотѣ прошелъ подъ сводъ башни. Она находилась въ нарочитомъ разстояніи отъ обитаемой части Замка. Рандольфъ былъ уже почти на половинѣ дороги, какъ обходя уголь спѣны, встрѣтился лицомъ къ лицу съ однимъ изъ смѣнявшихся спорожей; онъ несъ факель, при свѣтѣ коего Рандольфъ, къ крайнему своему удивленію, узналъ черпы убійцы ранившаго его на горѣ. Бѣшенство овладѣло имъ, и заглушило въ немъ всякое другое чувство. Онъ вспомнилъ, что одинъ изъ его злодѣевъ, а можешь быть убійца отца его, находился предъ нимъ, и что

въ сію рѣшительную минуту одному изъ нихъ должно было погибнуть. Бездѣльникъ также узналъ его. „Что ты здѣсь дѣлаешь въ такое время? сказалъ онъ ему нагло: Графиня узнаетъ ночныя твои прогулки.“

Ярость Рандольфа была чрезмѣрна. — Графиня, сказалъ онъ, также узнаетъ завтра, что у нее въ службѣ находящіяся убійцы. —

„А, а! молодой человекъ, ты называешь меня убійцею; ну такъ я имъ буду.“ Сказавъ сіе, бросилъ факель, кошторой продолжалъ горѣть на землѣ, и обнаживъ саблю, поднялъ ее изъ Рандольфомъ, кошторый быстрымъ движеніемъ избѣжалъ удара, и прежде нежели могъ получить впорый, вонзивъ кинжалъ свой въ грудь его, сказалъ: прими чудовище, достойное наказаніе! Кинжалъ Меншея въ рукѣ сына долженъ окончить твою преступную жизнь! Небесное Правосудіе безъ сомнѣнія направитъ руку Рандольфа и даю ему силу, превосхо-

дящую его лѣта. Убійца, не могли про-
 изнести ни слова, тѣль на землю. Благо-
 разуміе требовало, чтобы онъ получилъ
 вшорой ударъ для его окончанія; но
 сердце Рандольфа задрепешало отъ сей
 мысли. Минута бѣшенства и собствен-
 ная защита подвигли его на такое дѣй-
 ствіе, которое привело его въ ужась. Не
 теряя времени, наступилъ ногою на фа-
 кель, загасилъ его, потомъ взялъ ору-
 жіе врага своего и побѣжалъ къ опверз-
 тію, гдѣ дю-Бургъ и Фразеръ должны
 были ожидать его. Они уже находились
 тамъ. Смяшеніе Рандольфа поразило ихъ.
 Въ краткихъ словахъ онъ изъяснилъ имъ
 причину, и шѣмъ далъ почувствовать
 опасность малѣйшаго медленія. Рандольфъ
 по условію, сдѣланному между ними, по-
 дошелъ къ башнѣ и крѣпко постучалъ у
 дверей; дю-Бургъ и Фразеръ сшояли въ
 молчаніи позади входа. Голосъ Мак-Лел-
 лана раздался; онъ спросилъ не оши-
 рая: „кто пришелъ въ такое время, и
 что ему надобно?“

— Не уже ли вы не знаете моего голоса, опвѣчалъ Рандольфъ: по, что я хочу вамъ сказать, относитъ къ плѣннику; я пришелъ отъ Графини; вы знаете, что я въ ея службѣ; отворишь двери. —

„Наша Госпожа избираетъ своими повѣренными очень молодыхъ людей, сказала Мак-Лелланъ своимъ товарищамъ въ полголоса.“ Но дю-Бургъ прижавшись къ двери, не пропустилъ ни слова. — Она безъ сомнѣнія имѣетъ на то свои причины, опвѣчали ему товарищи; молодой человекъ хорошъ собою, а у Графини хорошіе глаза. — „Я съ неудовольствіемъ видѣлъ его поселившимся въ Замкъ, возразилъ Мак-Лелланъ, и очень сердитъ, что Варнабій ошибся въ своемъ ударѣ; чтожъ за нужда, мы получили деньги, и онъ еще теперь въ нашей власти. Какой вредъ, думаешь ты сдѣлаешь намъ это дитя? Пусть Графиня ввѣряетъ ему, какъ хочешь, только бы намъ хо-

рошо платили; когда же она того не захочешь, по можешь сказать намъ. . . .“

— Отворите ли вы? вскричалъ Рандольфъ, или я долженъ возвратиться и донести Графинѣ, что вы не хотите ей повиноваться. —

„Кажется, ты поступаешь какъ господинъ; но еще имъ не сдѣлался, сказалъ Мак-Лелланъ, отворивши дверь; ну, говори скорѣе, чего хочешь швоя прекрасная Госпожа?“

Едва только кончилъ онъ сіи слова, какъ Рандольфъ, део-Бургъ и Фразеръ напали на него, оттолкнули его внутрь башни, сами шуда вошли и поспѣшили затворить дверь и завладѣть ключемъ. Разбойники, видя себя обманутыми, нѣсколько оробѣли; но пришедши въ себя, они защищались съ мужесшвомъ, не взирая на малое пространство входа въ башню, который не имѣлъ осьми фушовъ въ ширину. Сраженіе скоро рѣшилось; Мак-Лелланъ палъ, одинъ изъ шовари-

щей его былъ раненъ въ руку и обезоруженъ, претїи же сдался и просилъ пощады. Дю-Бургъ потребоваль у него ключи отъ темницы. Онъ взялъ ихъ въ карманъ Мак-Леллана. Тогда, оставивъ Фразера сперечь двухъ раненыхъ, онъ приказаль шому, который не былъ раненъ, вести ихъ въ комнату плѣнника. Сей повиновался и предшествоваль имъ въ молчанїи. Когда они достигли впо-раго этажа, гдѣ, по мнѣнію Рандольфа, заключенъ былъ плѣнникъ, то онъ потеряль терпѣніе, и вырвавъ ключи у чело-вѣка, ихъ державшаго, отворилъ двери, дрожа отъ удовольствїя и страха най-ти другаго кого, а не Сент-Клера, и заранѣе радуясь щастїю броситься въ объятїя своего родителя. Всѣ запоры были вы-нуты, и послѣ трехъ повороповъ большаго ключа дверь отворилась, и они вошли. Плѣнникъ, слыша бившу, заклю-чилъ, что приготовили ему казнь, рас-полагался подвергнуться съ мужествомъ своему жребїю. Поспѣшность, съ коею

всходили на лѣсшницу и отворяли двери, еще болѣе умножила это мнѣніе. Прежде нежели ее совершенно отворили, онъ сказалъ имъ опчаяннымъ голосомъ: „Спѣшите, адскіе служители! я предполагаю смерть вашимъ гнуснымъ окладкамъ, и совершенно гонимъ; но оставлю по себѣ мстителей; и кровь Моншея падешъ на его убійць!“

„Моншей! родителей мой! вскричалъ Рандольфъ, бросившись въ шемницу, и въ радостномъ помѣшательствѣ упавши на шею Сейп-Клера: вы ли это? вы возвращены намъ? Мапушка! Зина! для чего вы не съ нами? Но вы будете также щасливы! онъ вамъ возвращень! . . .“ Сейп-Клеръ, будучи внѣ себя, движимый удивленіемъ и радостію, не могъ произнести ни одного слова; онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ и считалъ это мечною.

— Боже мой! вскричалъ онъ наконецъ: не обманываютъ ли меня глаза мои? Рандольфъ, сынъ мой! и ты милый дю-

Бургъ ! не очарованіе ли эшо , или я уже умеръ ? —

„Милый Сенш - Клеръ ! сказала дю - Бургъ : благодаря Богу , мы еще видимся на землѣ . Ты сей часъ будешь освобожденъ ! За нѣсколько минутъ предъ симъ я отдалъ бы жизнь свою , только бы бышь увѣрену , что ты живъ ! Чѣмъ болѣе приближалась эша минута , тѣмъ болѣе я шрепешалъ обмануться въ своей надеждѣ . Обойми швоего Гандолифа ; ему мы всѣмъ одолжены ! Но пойдѣмъ , друзья мои ! намъ не должно шеряшь времени . Возьми эшу саблю , сказалъ онъ , подавая Сенш - Клеру , опняшую имъ у Мак - Леллана : мы будемъ въ опасности , пока дышемъ однимъ воздухомъ съ нашими врагами.“

Сенш - Клеръ , `ослабѣвшій опъ горести и долдаго заключенія , оперся на минушу на саблю . — Прежде нежели сдѣлаю я одинъ шагъ опсюда , сказалъ онъ имъ : опвѣчайте мнѣ , жива ли Амбруазина ? Естьли вы мнѣ дадите опвѣшь , шо скоро найдѣше во мнѣ пржняго своего Сенш -

Клера; но естъли нѣтъ, то я желаю здѣсь умереть; бесполезно идти далѣе.

„Амбруазина жива! сказалъ дю-Бургъ съ выразительностію: но не имѣешь ли ты другихъ обязанностей, которыя должны тебя привязать къ жизни? Не долженъ ли ты заплащивъ долгъ дружбѣ, освободившей тебя съ большими опасностями? не имѣешь ли ты дѣтей? . . . Повторяю тебѣ, Амбруазина жива еще! она оплакиваетъ тебя, но старается жить для дѣтей своихъ. Она хотя женщина. . . .“

— Она жива еще! старается жить! повторилъ Монтей. Боже! какія утѣшительныя и вмѣстѣ ужасныя слова! Но пойдёмъ, друзья мои! сказалъ онъ: пойдёмъ возвративъ ее къ жизни — Сказавъ это, онъ вышелъ первый; дю-Бургъ и Рандольфъ за нимъ послѣдовали. Сошедши внизъ, еще видѣли прогашельную сцену свиданія между Сент-Клеромъ и Фразеромъ. Они нашли Мак-Леллана умершимъ, а его товарища ослабѣвшаго отъ

пошеря крови, сидящаго на скэмѣ и перевязывающаго свою руку съ помощію нераненаго своего товарища. Не смотря на замѣшательство, обыкновенное въ подобномъ положеніи, Рандольфъ вспомнилъ о Барнаби, коего онъ оставилъ умирающимъ предъ сводомъ башни. Онъ хотѣлъ посмотришь, шутъ ли онъ еще и подать ему помощь; но дю-Бургъ не хотѣлъ на то согласиться.

„Нѣтъ, сказалъ онъ ему, не ходи! Я люблю твое доброе сердце; но въ эту минуту оно заблуждается, чѣмъ спасти жизнь разбойнику; ты подвергаешь опасности свою собственную и нашу, не говори уже о нѣхъ, у коихъ ошнимаешь ее, ешьли ему возвратишь.“

Рандольфъ ничего не отвѣчалъ и послѣдовалъ за ними. Они съ предосторожностію затворили двери башни, замкнули замкомъ, унесли ключи и поспѣшили выдти въ проломъ стѣны; на другой спсронѣ они нашли для себя лошадей, при-

гоповленныхъ дю-Бургомъ, съли на нихъ и поѣхали какъ могли скорѣе.

„Клянусь жизнью! сказала Сент-Илеръ, когда они принуждены были ѣхать шагомъ по причинѣ худой дороги: я еще не могу опомниться, и почишаю это сномъ! Спрашусь пробудиться и найми себя опять въ ужасной башнѣ. Выѣдши отсюда такъ нечаянно, видя себя между милымъ Рандольфомъ и моимъ другомъ дю-Бургомъ, мнѣ кажется все это очарованіемъ. Но не знаели вы чего о Россѣ? возвратился ли онъ въ Барру?“

— „Нѣтъ, отвѣчалъ дю-Бургъ: его не было тамъ, когда мы покинули ошеровъ. Но можешь бытъ онъ прѣехалъ туда послѣ. —

„Ты снялъ великую тяжесть съ моего сердца, заставивъ меня надѣяться, что онъ живъ еще. Милый дю-Бургъ! ты сказалъ мнѣ, что моя Амбрузина жива, но этого не довольно; здорова ли она и наши милыя дѣти?“

— Амбруазина твоя и дѣти, по крайней мѣрѣ [Зина и Жамесь, ибо Сент-Клеръ не знаешь еще своего отца, были здоровы. —

„Такъ поѣдемъ въ Киншаль, сказала Моншей: первый минутой моей свободы должны быть для Амбруазины, вторымъ для Барры. Не боишься ли ты, сказала Рыцарь, преслѣдованія отъ Роскелиновъ? Лучше было бы, кажется, укрыться тебѣ въ шеемъ островѣ, а я буду въсприимкомъ пріятныхъ новостей въ Киншаль. Нечего спрашивать, милый дю-Бургъ! твой другъ Сент-Клеръ, коего шута называли въ непобѣдимымъ, который смѣлся нападеніямъ своихъ непріятелей и солдатъ Іакова, былъ побѣжденъ хитростями женщины. Всѣ Роскелины, исключая Елеоноры, не знали моего заключенія, и не будутъ знать бѣгства?“

— Ну, новый Самсонъ, расскажи намъ, какъ попался ты во власть Далилы Роскелины; ты однакожъ убѣжавъ отъ нее, не потерялъ, мнѣ кажется, ни волосъ своихъ. ни силы. —

„Это слишкомъ пространныя исторія, чтобы можно было рассказывать ее дорогою, отвѣчалъ Сент-Клеръ; сверхъ того мое неперпѣніе и любопытство равняются съ твоими. Ты сказалъ, что одолженъ всѣмъ Рандольфу; я не могу этого понять, не желаю тому вѣришь и бышь ему симъ одолженнымъ: надѣюсь, что заплачу свой долгъ.“

— Милый родитель мой! отвѣчалъ молодой человекъ: онъ уже болѣе, нежели заплаченъ присущившемъ вашимъ и щастіемъ видѣть васъ здоровыми. Я исполнилъ только долгъ сына, и такого сына, который обожаетъ давшего ему жизнь. Я служилъ самому себѣ, ибо не хотѣлъ пережить своего родителя. —

Сент-Клеръ вздохнулъ и почувствовалъ, какъ было ужасно опнять у него сладкую мысль, что онъ не былъ его сыномъ, и заснавишь его краснѣшь о своихъ родителяхъ. Онъ перемѣнилъ разговоръ. Они вхали даже до разсвѣту съ крайнею поспѣшностію; пошомъ вошли

въ крестьянскую жизнь, гдѣ нашли хлѣба для себя и кормъ для своихъ лошадей. Въ продолженіи сего простаго ихъ завипрака дю-Бургъ по прозьбѣ Монтея разсказаль подробно все происшедшее на Паррѣ ихъ всеобщую скорбь, не видя его возвращенія и не имѣя объ немъ никакого извѣстія, свое собственное путешествіе въ Единбургъ, побѣгъ Гандольфа и щастливья его послѣдствія, но нѣсколько смягчиль опчаніе Амбруазины.

„Милый мой Гандольфъ! сказала Монтей: ты исполниль мои нѣжнѣйшія желанія своимъ превосходнымъ поведеніемъ. Я вижу по повѣсти Рыцаря, что тебѣ одолженъ я свободою, и едва могу сожалѣть о несчастіи, послужившемъ опытомъ лвоей любви, мужества и благоразумія.“

— Родитель мой! сказалъ Гандольфъ: теперь, когда вы знаете исторію моего непослушанія и не большихъ услугъ моихъ, разскажите же намъ ваши несчастія, и какимъ образомъ вы попали во власть

враговъ своихъ, и можемъ ли мы надѣяться увидѣть друга нашего Жамеса Росса, безъ чего наше благополучіе не можешь быть совершеннымъ? —

„Воспоминаніе сіе для меня очень приятно, милый Рандольфъ! Пошерпи нѣсколько дней; позволь мнѣ прежде найди мою Амбрузину, до того времени я не могу ни чѣмъ заниматься, кромѣ ея. Я удовлетворю вашему любопытству въ то же время, какъ и ея, съ малѣйшими подробностями. Если Богу угодно, Сиръ Жамесь Россъ скоро къ намъ возвратится; онъ безъ сомнѣнія еще въ Даніи; во будь спокоенъ. Не легко, ты самъ видишь, разорвать фалангу друзей такихъ, какъ мы. Хитрости женщины и измѣна ея соумышленниковъ не могутъ насъ разлучить; мы всѣ части цѣлаго. Жамесь Россъ возвратится къ намъ, или мы пойдемъ искать его.“

Когда они и лошади ихъ оплохнули и повѣли какъ можно было лучше въ жи-

живѣ, то отправились въ путь и ѣхали весь день и всю слѣдующую ночь. По утру они опять остановились на нѣсколько времени, и предъ полуднемъ третьяго дня были уже близъ Киншала. Дю-Бургъ и Рандольфъ, кошорые трепетали о жизни Амбруазины, упросили Моншея не испугать ее нечаяннымъ своимъ появленіемъ, и позволишь имъ напередъ приготовить ее къ сему щастію.

Моншей поблѣднѣлъ, и всѣ черты его выражали живѣйшую тоску. „Вы обманули меня, сказалъ онъ, состояніемъ моею Амбруазины, и безъ сомнѣнія ее нѣтъ болѣе. Она споль превосходиль слабости своего пола, что видъ Сент-Клера даже при самой нечаянности не можешь быть ей пагубнымъ. Великій Боже! ежели она умерла, то кто осмѣлился заставить меня пережить ее: пакого удара перевести я не въ силахъ.“

— Сент-Клеръ! сказалъ дю-Бургъ: я никогда не обману тебя. Хотя горестъ Амбруазины, когда она считала себя

погибшимъ, доходила до такой степени, что мы имѣли причину опасаться о ея жизни; но она происходила отъ превосходнаго ея характера. Ты, обладающій первѣйшею въ свѣтѣ женщиною, хочешь ли быть ея недостойнымъ? Если бы она могла тебя слышать, то покраснѣла бы отъ своего выбора. Мнѣ кажется, что въ тѣ минуты, когда она прощалась съ нами, не перяла мужества и разума, и между тѣмъ склонялась къ землѣ, будучи удручаема горестію какъ тростникъ нагибаемый бурей, который гнется, но не ломается. Среди глубочайшей печали она не забывала, что, кромѣ Моншея, имѣла и другія обязанности, кои лежали на ея сердцѣ, и требовали ея жизни. Она, прижавъ дѣшею къ груди своей, сказала имъ: *для васъ я хочу сохранить жизнь мою!* —

„Небесная женщина! вскричалъ Моншей съ испуленіемъ: не осуждай слабости моей, другъ мой, но имѣй сожалѣніе о моей неизвѣстности; дѣлай, что

хочешь; но по думай, сколько я перплю ?»

Дю-Бургъ увѣрялъ его, что это ему извѣстно, и что они скоро за нимъ возвращаются; онъ съ Рандольфомъ пустился вскачь къ Кинталю. Моншей обѣщала дожидаться ихъ. Фразеръ остался съ нимъ. Дю-Бургъ и Рандольфъ согласились, какъ объявить щастливѣйшее извѣстiе вѣжной Амбрузинѣ.

Г Л А В А XIV.

„Рыцарь! сказалъ Рандольфъ: страшное предчувствiе перзаешь меня; сердце мое сильно бьется; я трепещу и не осмѣливаюсь приближаться; я былъ очень несчастливъ, нашедши родителей моего. Въ первую минуту казалось мнѣ, что никакое зло не могло болѣе постигнуть меня; но мамушка, о Боже! еспьли горестъ окончила жизнь ея! Я слишкомъ увѣренъ, что родители мой не пережи-

вещь ее, и что буду тогда сугубо сирешою.“

— Спрашусь и я, сказала дю-Бургъ, какъ за него, такъ и за нее, первыхъ минушь свиданія. —

Они подъѣхали къ рѣшешкѣ, гдѣ встрѣшили стараго управителя, котораго просили доложить объ нихъ Ладикиншалъ. Глаза стараго служителя наполнились слезами; онъ, бросивъ на нихъ опчаянный взглядъ, сказала: „увы! вамъ не льзя ее видѣшь; ей нечего дѣлать на земль!“

— Умерла! — вскричала дю-Бургъ, побѣднѣвъ и сложивъ руки; между тѣмъ, какъ Рандольфъ, чувствуя себя гошовымъ унасть въ обморокъ, старался удержашься за дверь.

„Нѣтъ, еще не умерла! сказала спарикъ, но безнадежна. Дѣти ее плачущь день и ночь, а служители употребляющь нѣ часы, кои они могли бы посвятитъ сну на молитвы за нее и испрошеніе ей чуда для возвращенія къ жизни;

но молитвы наши тщетны. Она теперь ничто иное, какъ угасающій свѣтъ лампы, у коей масло згорѣло; она спокойна и предана волѣ Божіей; никакая жалоба у нее не вырывается; но если на минуточку заснешь, то спокойствіе въ томъ не находишь. Во снѣ призываешь супруга своего шепчущимъ голосомъ и говоришь съ нимъ, какъ бы на яву.¹⁶

— Прошу васъ, добрый другъ мой, позовите Брижешту; скажите, что докторъ и Рандольфъ хопящъ съ нею видѣться. —

Управитель повиновался, и Брижешта въ минуточку прибѣжала. Увидя ихъ, она зарыдала и ломала свои руки. Но постепенно успокоилась, могла отвѣчать на ихъ вопросы. Она сказала имъ, что Амбруазина узнала о путешествіи Рыцаря въ Единбургъ и о побѣгѣ Рандольфа черезъ „Сиръ Александра Мак-Грегора и черезъ посланнаго изъ Варры для преслѣдованія молодаго человѣка; что они прогели нѣсколько дней въ Киншалъ, откуда

возвратились на островъ съ опчаяніемъ вразсужденіи состоянія Лады Моншей и ихъ неизвѣстности о Рыцарѣ и Рандольфѣ.

Съ трудомъ выслушавъ ея рассказы, они просили объявить объ нихъ Госпожѣ ея, и послѣдовали за нею до дверей комнаты. Брижешпа позвала ихъ. „Увы! прибавила она: вы увидите только шѣвь Амбруазинъ.“ Они вошли и хотя были уже приготовлены, но опступили отъ удивленія и горести. На одрѣ, укладенномъ подушками, была ша, которую всѣ еще называли прекрасною Амбруазиною. Прежде нежели несчастіе поразило ее, шеперь большіе голубые глаза ея, почти потащые, были до половины только открыты, уста ея совершенно поблекли, изнуренное шѣло ея равнялось бѣлизною александру, но безъ всякой опшѣнки; оно выражало прекрасную форму ея чертъ, кои одна только смерть могла переменить, и все показывало скорое ея приближеніе. Съ одной стороны кровати

Жамесь поддерживалъ слабую голову своей матери, съ другой Зина на колѣняхъ держала ея руку, орошая слезами и цѣлуя безпрестанно; маленькой Сенш-Клеръ, сидящей у ногъ ея, также плакала, потому что видѣлъ плачущихъ. Амбруазина взглянула умирающимъ взоромъ на друзей своихъ. „Какъ вы добры, сказала она имъ, пришедши въ сіи скорбныя минушкы къ умирающей вашей пріятельницѣ; сердце мое не желало уже ничего болѣе, какъ васъ еще видѣть; я о васъ обоихъ крайне безпокоилась.“

Дю-Бургъ не могъ ужъ болѣе держаться на ногахъ, взялъ спуль и въ молчаніи сѣлъ возлѣ ея. Рандольфъ упалъ на колѣни подлѣ Зины, и не могши удержашь рыданій, закрылъ лице свое.

„Благородная причина, заспавившая васъ предпринять путешествованіе, милый дю-Бургъ, продолжала она, и сыновнее чувство, которое побудило Рандольфа къ бѣгству, сдѣлали въ сердцѣ моемъ такое впечатлѣніе, которое смерть

только можешь изгладить. Но, увы! я слишком была уверена о бесполезности ваших поисков, чтобы имѣшь хотя малѣйшую надежду.“

— Милая Лади! сказала Рыцарь: воспримите ваше мужество — надежда еще не потеряна. —

„Нѣтъ! сказала она улыбаясь: ибо скоро мы соединимся; я обрѣшу Монпея, избраннаго мною супруга, единственнаго человѣка, мною любимаго, единственнаго, для коего я желала жить! Ахъ, Рыцарь! не хулите меня! Я сдѣлала все, что опъ меня зависѣло, чтобы превозмочь мою горестъ и охранить жизнь. Но это не возможно! цѣпь прервалась, и слабый узелъ, ее удерживавшій, долженъ натурально погибнуть! . . . Ты мнѣ ничего не говоришь, милый Рандольфъ! прибавила она ошдохнувши: милое дитя, подойди!“ Она положила свою изсохшую руку на голову Рандольфа.

„Прими, сказала она, мое благословеніе и

благодарность за твое усердіе въ поискахъ Моншей!“

— О дѣжайшая матушка! сказала онъ, поднесши руку Амбруазины къ губамъ своимъ: Небо внушило мнѣ искапъ отца моего. —

„Такъ, сынъ мой! ибо чувствительное и признательное сердце еспь даръ небесный.“

Дю-Бургъ и Рандольфъ посмотрѣли другъ на друга. Они не знали, какъ объявить Лади Моншей щасливое извѣстіе, долженствующее или возвратить ей жизнь, или вовсе прервать оную въ такомъ слабомъ состояніи, въ какомъ она находилась. Казалось, что душа ея держалась только однимъ дуновеніемъ и малѣйшее движеніе могло разлучить ее съ шѣломъ.

— Сударыня! сказала ей дю-Бургъ: такъ! благословляйте, благодарите Рандольфа; онъ имѣетъ шакія права на нашу признательность, коихъ мы никогда не возможемъ заплашить ему! Его по-

иски были щастливѣе, нежели мои! . . .
 Онъ нашель! . . . —

Амбруазина задрожала, фізіономія ея оживошворилась и испугала Рыцаря: Онъ думаль, что это было послѣднее усиліе природы, и что она испустила духъ, ошановилса и смотрѣль на нее съ ужасомъ.

„Говорите, умоляю васъ! сказала она: я отгадываю; Рандольфъ нашель шѣло Сенип - Клера; волны возврашили его моимъ молишванъ. Благодареніе шевъ, милый Рандольфъ! наши смертныя ошатки опочіюшь вмѣстѣ, и въ день суда безсмертныя души возлешяшь вмѣстѣ къ небу!“ Говоря сіи слова, она подняла голову; въ глазахъ ея блисшаль необыкновенный огонь; слабый румянецъ оживиль цвѣшь ея, нѣчто небесное распросперлось въ ея особѣ. Она казалась Ангеломъ, готовымъ воспріяшь полешъ свой къ небу. — Всѣ емотрѣли на нее съ удивленіемъ, не осмѣливаясь произнесшь ни слова. Помолчавъ съ ми-

нупу, она сложила руки и прибавила умоляющимъ голосомъ : „О , естльи эшо правда , что вы привезли, милые друзья! оштатки моего Сент - Клера: по позволенье мнѣ ихъ видѣшь! . . . Ни время, ни жестокая печать смерти не помѣшають мнѣ узнать Моншея, друга моего сердца, опца дѣтей моихъ ! пусть еще разъ я его увижу !“

— Любезная Милади ! сказала дю - Бургъ : успокойте ваше движеніе ; оно можетъ быть вамъ пагубно ; вы имѣете нужду во всѣхъ вашихъ силахъ . . . Такъ, вы увидите вашего супруга и увидите живаго ! —

„Онъ живъ ! вскричала она , смотря съ помѣшательствомъ вокругъ себя. Моншей живъ ! дю - Бургъ не можетъ обманывать меня ! . . . Мой супругъ живъ еще ! . . . Прочь отъ меня эшошь погребальной прауръ , сказала она , опбросивъ кренъ , коимъ была покрыта : принесите наилучшія мои украшенія ! . . . Моншей живъ ! я хочу бѣжать къ нему на

вспрѣчу!“ Она сдѣлала усиліе, чтобы встать; но это было бесполезно, и она упала безъ чувствія на подушки. Нѣсколько минушь ужаснѣйшее опчаяніе владѣло всѣми присутствующими. Они думали, что она испустила духъ; но черезъ нѣсколько минушь она тихо пришла въ себя; ей подали помощь; она возвратилась къ жизни.

„Я очень слаба, сказала она: для чего вы меня пробудили? Я мечтала... мнѣ казалось, что Монтей живъ еще!“

— О милая матушка! этошь сонъ не есть мечта. —

„Какъ! не мечта, не мечта! подхватила Амбруазина: Что ты говоришь! Рандольфъ! ошвѣчай мнѣ, какъ будешь ошвѣчать въ день суда Божія! Не для того ли ты это мнѣ говоришь, чтобы усладить печаль мою и удержатъ приближающуюся минушу! . . .“

— Нѣтъ, матушка! клянусь жизнію моею, вашею, которая мнѣ гораздо драгоцѣннѣе — отецъ мой живъ. —

„Опець тввой! сказала она, о комъ говоришь ты мнѣ? Опець тввой говоришь ты? . . .“

— Милая Лади! соберите ваши мысли, сказалъ дю-Бургъ: клянусь душею моею, честію — супругъ вашъ, другъ мой Моншей живъ еще! —

Амбруазина приложила руку къ головѣ своей, какъ бы спараясь собрать свои мысли. „Ахъ! естли правда, что онъ живъ, то безъ сомнѣнія плѣнникомъ въ оковахъ далече отъ Амбруазины. Но что нужды, естли онъ живъ, то и я также хочу жить; я пойду раздѣляшь его неволю.“

— Моншей не плѣнникъ; естли вы хошите быть спокойною и собрать силы ваши, то вы его увидите, — сказалъ дю-Бургъ.

Амбруазина посмопрѣла на него съ видомъ сомнѣнія и упрека. Она хотѣла говорить, но слова ея замерли, и она упала безъ чувствъ.

— Нужно, чтобы Моншей показался, сказалъ Рыцарь, и я пойду зватьъ его. Миѣ кажется, не возможно ей жить, и еслили она умретъ прежде, нежели онъ ее увидитъ, то я никогда не прощу себѣ этой опсрочки. Остаюсь съ нею, Рандольфъ, я поспѣю возвращусь съ нещастнымъ Моншемъ. — Черезъ нѣсколько минутъ послѣ выхода Рыцаря Амбруазина пришла въ себя и спросила, что съ нимъ сдѣлалось.

„Онъ пошелъ за нимъ, какъ обѣщаль вамъ, сказалъ Рандольфъ, и вы скоро его увидите. Милая мамушка! согласитесь чего-нибудь покушать и подкрѣпите себя къ перенесенію сего свиданія.“

— Такъ ты меня не обмануль? сказала она съ пріятною улыбкою; и приложивъ руку къ своему сердцу: здѣсь, чувствую я, что его увижу; оно начало биться, какъ во дни нашего благополучія. — Зина подала ей нѣсколько вина. — Дитя мое! сказала она ей: позволь мнѣ принять эшо ошь руки Рандольфа, воз-

вращающаго мнѣ жизнь. Да не познаетъ онъ никогда горестей и да исполнятся всѣ желанія его сердца! —

Между тѣмъ дю-Бургъ пришелъ къ Моншею, коего Фразеръ едва могъ удерживать. Лишь только онъ увидѣлъ Рымцаря, какъ побѣжалъ къ нему на встрѣчу. Но выраженіе печали въ чертахъ лица его друга такъ его поразило, что онъ не осмѣлился ему одѣлать ни единого вопроса, и оперся о дерево, ожидая его словъ.

„Моншей! сказалъ дю-Бургъ: ступай, не теряй ни минуты, приготовься къ зрѣлищу, которое разсѣкаетъ швое сердце. Но скрой швою въ присутствіи спраждающаго ангела, коего увидишь. Равновѣсіе между жизнью и смертію таково, что одно дуновеніе можетъ рѣшить оное.“

— Я сдѣлаю, что будешь опъ меня зависѣть, сказалъ Моншей перемѣнившимся голосомъ: но вы скорѣе ошане-

вите теченіе соляца, нежели заставише меня пережить мою Амбруазину! —

Печальное молчаніе послѣдовало за симъ крашкимъ разговоромъ. Они спѣшили идти. Рыцарь вошелъ первый и нашелъ Амбруазину спокойнѣйшею, поддерживаемую Рандольфомъ.

„Онъ неидеть! вскричала она, увидя только дю-Бурга. О, Моншей! Моншей! еснѣли бы ты жилъ, то кто осмѣлился бы обмануть, поступать со мною, какъ съ слабымъ дитяшею!“

— Обожаемая супруга! драгоценнѣйшая Амбруазина! вскричалъ онъ, кидаясь къ ней: нѣтъ, ты не обмануша! швой Сент-Клеръ живъ; онъ живъ для себя, и не хочешь уже болѣе покидашь себя! —

Онъ хотѣлъ броситься въ ея объятія; но пораженный ея переменною, которая въ ней произошла при видѣ супруга своего, думая, что она скончалась, онъ пришелъ въ отчаяніе, которое друзья его шидешно старались утишить,

крѣпко сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ. —
 Никогда! говорилъ онъ, никогда не расста-
 нусь я съ нею! О моя Амбруазина! бу-
 демъ жить вмѣстѣ, или умремъ оба въ
 одно время! —

Жестокость его отчаянія и рыда-
 вія возвратили чувства Амбруазины.
 Кто выразитъ радость ея супруга, ко-
 гда глаза ея открылись и успремились
 на него; когда эти уста слабо произ-
 несли имя Сенш - Клера. Продолжая об-
 нимать ее, онъ боялся говорить и при-
 совокупить что нибудь къ ея возмуще-
 нію; онъ смотрѣлъ на нее съ восшор-
 томъ и молчалъ.

„Такъ ты мнѣ возвращенъ! говори-
 ла она ему: это не сонъ, я въ своихъ
 объятіяхъ, и ты уже не хочешь болѣе
 покидать меня! О дѣти мои! подите
 всѣ; пустьъ еще одинъ день я буду ща-
 сшливѣйшею изъ женщинъ и матерей!“

Хотя дѣти Моншея были въ жи-
 вѣйшей радости, увидя отца своего; но
 ни который еще не осмѣлился изъявить

еюй опъ страху, дабы не умножить волненіе своей матери; но по приказаніи ея они подошли и сославили прогашельнѣйшую группу. Жамесь взялъ маленькаго брата своего Сент - Клера изъ рукъ Брижешты и посадилъ его на колѣни Моншея; потомъ обнялъ отца своего и поцѣловалъ его, плача опъ радости. Зина, опершись на Рандольфа, ожидала, чшобъ братъ Жамесь уступилъ ей мѣсто, и скоро она пала на колѣни предъ Моншеемъ, благодаря Бога, возвращающаго ей добраго родителя и любезнаго брата. За смяшеніемъ Амбруазины послѣдовала пишина и спокойствіе, сопровождаемое совершеннымъ благополучіемъ; но въ то же время слабость не дала ей произнести нѣ слова. Брижешта вывела Жамеса и маленькаго Сент - Клера; дю - Бургъ и Рандольфъ шакже вышли. Остались шолько возлѣ Амбруазины Зина и Моншей, ком ея поддерживали. Не чувствившельно голова ея упала на грудь супруга; глаза закрылись, и она заснула.

„Благодареніе Богу! сказала Зина шихимъ голосомъ: мапушка два дни совсѣмъ не спала, и сонъ ея кажется спокойнѣйшимъ, нежели былъ нѣсколько недѣль.“ Хопя Моншей самъ имѣлъ нужду въ покой, ослабѣвши опъ своего заключенія и опъ усталости, причиненной путешествіемъ и опъ всего имъ прешерпѣннаго; однакожь оставилъ Амбруазину спокойно спать въ своихъ объятіяхъ, не перемѣняя положенія цѣлые три часа, боясь разбудить ее. Наконецъ она открыла глаза, увидѣла своего возлюбленнаго Сент-Клера возлѣ себя, просила его успокоиться и увѣряла, что ей было лучше; но чрезвычайная слабѣсть мало подавала надежды на ея излѣченіе. Дюбургъ, желая извѣститъ поварищей своихъ на Баррѣ о щастливомъ возвращеніи Моншей, просилъ Фразера взять на себя это порученіе, не могши рѣшиться покинуть Кинталь, и не увѣрившись въ состояніи Амбруазины.

ГЛАВА XV.

Въ то время, какъ Мочтей и друзья его слѣдовали по дорогѣ къ Киншалу, Замокъ прекрасной Графини былъ сценою замѣшательства и ужаса. Разбойникъ, раненый Рандольфомъ подъ сводомъ, мало по малу пришелъ въ чувство отъ обморока, причиненнаго испеченіемъ крови; онъ приползъ къ башнѣ, какъ къ ближайшему мѣсту, гдѣ могъ получить помощь у рѣшетчатого окна, гдѣ его крики привлекли товарищей. Онъ узналъ все происшедшее и получилъ приказаніе отворить дверь, чтобъ тѣ, кои живы еще, могли выйти. Не смотря на рану и слабость, Барнаби хотѣлъ повиноваться, но нашелъ сіе стараніе выше силъ своихъ. Дю-Бургъ уходя, всунулъ всѣ засовы, заперъ замки и унесъ ключи; и такъ не оставалось никакого средства, какъ потревожить жителей Замка. Слабость Барнаби дѣлала и это почти невозможнымъ; но будучи принужденнымъ къ шо-

му, онъ чрезъ силу потащился и съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ пришелъ къ первой обитаемой комнатѣ. Усиліе сіе причинило ему продолжительныя и жестокашія мученія. Лишь только произведена была превога, какъ въ ту минуточку достигла она до Графини. Всѣ ея люди знали, что былъ плѣнникъ въ башнѣ; но они не знали его имени и причины заключенія. Это-то нужно было скрывать ей и ошъ страху, чтобъ Сенш-Клеръ не былъ узнавъ; она не позволяла никому его видѣть. Взбѣсившаяся Графиня бѣгала по комнатѣ, не вѣря тому, что ей говорили, угрожая всѣмъ, которые ей объявляли это произшествіе и клянясь смертію измѣнниковъ, которые тому способствовали. Кое-какъ одѣвшись, она сама побѣжала въ башню, чтобъ узнать истинну; приказала разломать двери. Трупъ Мак-Деллана и печальное состояніе его товарищей увѣдомили ее о несчастіи. Человѣколюбіе никогда не было ея первымъ чувствомъ; на-

конецъ она приказала перевязать рану Барнабія и привести его съ прочими, чпобъ спрашивать всѣхъ вмѣстѣ. „Здѣсь естъ измѣна, сказала она голосомъ, прерывающимся отъ гнѣва: какъ могли опперепъ двери башни, кои должно было разбишь, чпобъ я могла войти; какъ могли даже проникнуть въ Замокъ, естълибъ не имѣли сообщниковъ; въ какомъ числѣ были похищители, и какъ вошли они!“

— Я видѣлъ только трехъ, сказалъ одинъ изъ спражей: въ числѣ ихъ былъ и молодой человекъ, коего вы держите въ Замкѣ, и который подъ предлогами приказанія отъ васъ заставилъ отворить себѣ, тогда ворвался онъ съ двумя товарищами своими; они бились какъ черпи, никогда ни чѣмъ, кромѣ драки не занимавшіеся. —

„Трое только? повторила Графиня: шрое, изъ коихъ одинъ едва можешъ назваться юношею? Естъли вы не измѣни-

ни, по крайней мѣрѣ прусы! вы позволи побѣдить себя шрѣмъ челоуѣкамъ!“

— Трусы! сказалъ сей челоуѣкъ съ гнѣвомъ: развѣ мертвое тѣло нашего начальника Мак-Леллана и наши раны есть знаки прусоссти? Теряюшь жизнь, или отбавживаюшся потерять ее, чпобъ вамъ служить, а за по ихъ еще браняшь. —

Графиня была одна съ сими бездѣльвиками; она испугалась и понизила голосъ. „Увѣрены ли вы, что Рандольфъ былъ въ числѣ ихъ?“

— Рандольфъ, сказалъ Барнаби: эшо ли имя сына Моншеева? —

„Сына Моншеева! что хочешь ты сказать?“

— Что сей молодой челоуѣкъ, коего вы у себя держали, ранившій меня въ другомъ дворѣ, — былъ тогда одинъ, я увѣренъ въ шомъ, — сказалъ поражая меня: сынъ Монтея вонзилъ кинжалъ свой въ твое сердце. —

„Сынъ его! возразила Графиня: не возможно; это ложь! Онъ не имѣеть сына сихъ лѣтъ; ты обманулся.“

Она, оставя ихъ, пошла къ дверямъ сказать одному изъ повѣренныхъ своихъ, бывшему внѣ башни, чтобы привели къ ней Рандольфа. Сей скоро возвратился и сказалъ ей, что Рандольфъ безъ сомнѣнія бѣжалъ, и что онъ совсѣмъ не спалъ сію ночь. Графиня отъ бѣшенства попала ногами объ полъ, и отъ ярости скрежешала зубами. „Безумная! вскричала она: я позволила обмануть себя этому ребенку; это былъ безъ сомнѣнія шпионъ, которой вошелъ сюда подъ предлогомъ локной раны.“ Она хотѣла знать всѣ подробности поведенія и словъ освободителей Монпея; и хотя человекъ, провожавшій ихъ въ башню, повторялъ ей, что Рандольфъ называлъ его опцемъ, она думала, что это была увертка, послѣдствіе хитростей употребленныхъ, чтобы ея обмануть. „Я бы желала, говорила она,

чтобы онъ былъ сынъ его и ненавистной Амбруазины, чтобы подвергнувъ ихъ всѣхъ прехъ моей ненависти и мщению. Я не знаю теперь, кого изъ нихъ ненавижу болѣе: эшого ли вѣроломнаго Сент-Клера, или дерзкаго молодого челоуѣка, коего онъ называетъ сыномъ, потому что онъ употребилъ его для получения свободы; однакожь . . . онъ похожь на него; я сама эшо примѣшила. . . Онъ можетъ быть сыномъ Сент-Клера, а не сыномъ Амбруазины; но пѣви болѣе онъ въ глазахъ моихъ есть предметъ ужаса. Сент-Клеръ былъ не вѣренъ, не знавши еще Амбруазины, и въ шо время, какъ я думала, что онъ никого, кромѣ меня, не любилъ! О ярость! о мщеніе! для чего не могу я омыться въ крови ихъ? и я эшо могла сдѣлать? оба они и нынѣшнее утро были въ моей власти!“

Она вышла и бѣгала въ изсшупленіи вокругъ Замка; пришла къ пролому въ стѣнѣ и поняла, что они бѣжали черезъ эшо отверзтіе, — лошадиные слѣды

ей это показали, и ея бѣшенство усилилось еще отъ сего открытія. Какъ Рандольфъ воображалъ, такъ и сдѣлалось. Она напала на невинную Марію, обвиняла ее въ знаніи всего происшедшаго, что она была ихъ сообщницею, и въ принятіи Рандольфа въ Замокъ, составивши исторію его раны. Марія защищалась съ такою силою, что не лъзя было того и предполагать. Данный ей шалисманъ — письмо друга ея Рандольфа — лежало на ея сердцѣ. При первомъ словѣ о его побѣгѣ она распечатала письмо; и естъ и удаленіе друга извлекло у ней слезы, но прекрасный его подарокъ и его сладкія выраженія дружбы утѣшили ее. Увѣрена будучи въ волѣ своей покинуть Графиню, она перенесла ея ругательства, обвинения и оправдывалась съ швердостію. Она призвала въ свидѣтели слугу, перевязывавшаго голову Рандольфа, и многихъ другихъ, его видѣвшихъ, кои увѣрили, что рана его была подлинная. Она призна-

лась, что онъ разсказывалъ ей, что искалъ своего отца, пропавшаго нѣсколько уже времени, и что онъ узналъ Мак-Леллана, у коего провелъ ночь предъ симъ произшествіемъ. Графиня ничего болѣе не могла узнать изъ своихъ распросовъ, почему кончила ихъ, выслала всѣхъ и осталась одна. Она дала полную свободу неистовой своей ярости, приносила тысячу проклятій на Мошрея, Амбруазину, неизвѣснаго сына, плодъ первой невѣрности; клялась гнать ихъ до гроба, и послала бы безъ сомнѣнія тогдажъ преслѣдовать ихъ; но двѣ причины удерживали ее отъ сего: первая, что отправившись ранѣе, они могли достигнуть берега, и можешь бытъ уже уѣхали на Барру; вторая, что она мало надежды полагала на тѣхъ людей, коихъ принуждена была въ семъ случаѣ употребить. Сообщение съ злодѣями есть первое наказаніе преступленія. Елеонора, не овѣлившись удалить людей своихъ и опасаясь подвергнутою ругательствомъ

разбойниковъ, ни ввѣришься симъ послѣднимъ, изъ коихъ одинъ былъ только въ состояніи ходить; сверхъ того она не знала силы своихъ непріятелей; шрое только показались, но они могли быть многочисленны. И такъ она принуждена была оставить на время свое мщеніе. Но каково было ея наказаніе! Безпрещанно представляла она себѣ Моншея, пріѣхавшаго на Барру, падающаго въ объятія своей щасливой подруги, рассказывающаго ей пресшупленія виновной Еленоры, смѣющагося надъ ея безсильнымъ бѣщенствомъ, говорящаго объ ней съ презрѣніемъ и ужасомъ, которое она чувствовала въ своей совѣсти. „Какъ я была безумна! повторяла она, раздирая свою одежду: онъ былъ въ моей власпи и при первомъ знакѣ его презрѣнія, его ненависти, я не опияла у него жизни, кошорой онъ не хошѣлъ посвятить мнѣ, кошорая принадлежишь другой! Для него я забыла законы, вpredписанные моему полу, моему достоянству; для него уни-

зилась, чтобы употребить Мак-Леллана и его шайку разбойников! . . . Если бы онъ не умеръ, я бы подумала, что онъ измѣнилъ мнѣ. Этого недостойный Мак-Лелланъ. . . . Но, вѣшь! этого Рандольфа, коего я не знаю, сынъ ненавистной матери; сынъ — живое подобіе отца своего, рожденный для моего стыда и несчастія! . . . “

Такъ измизалась ея безсильная ненависть. Глазъ совѣсти, ея угрызенія и бѣшенство, были ея казнью, и Моисей слишкомъ была смущенъ.

К о н е ц ъ П я Ч а с т и .